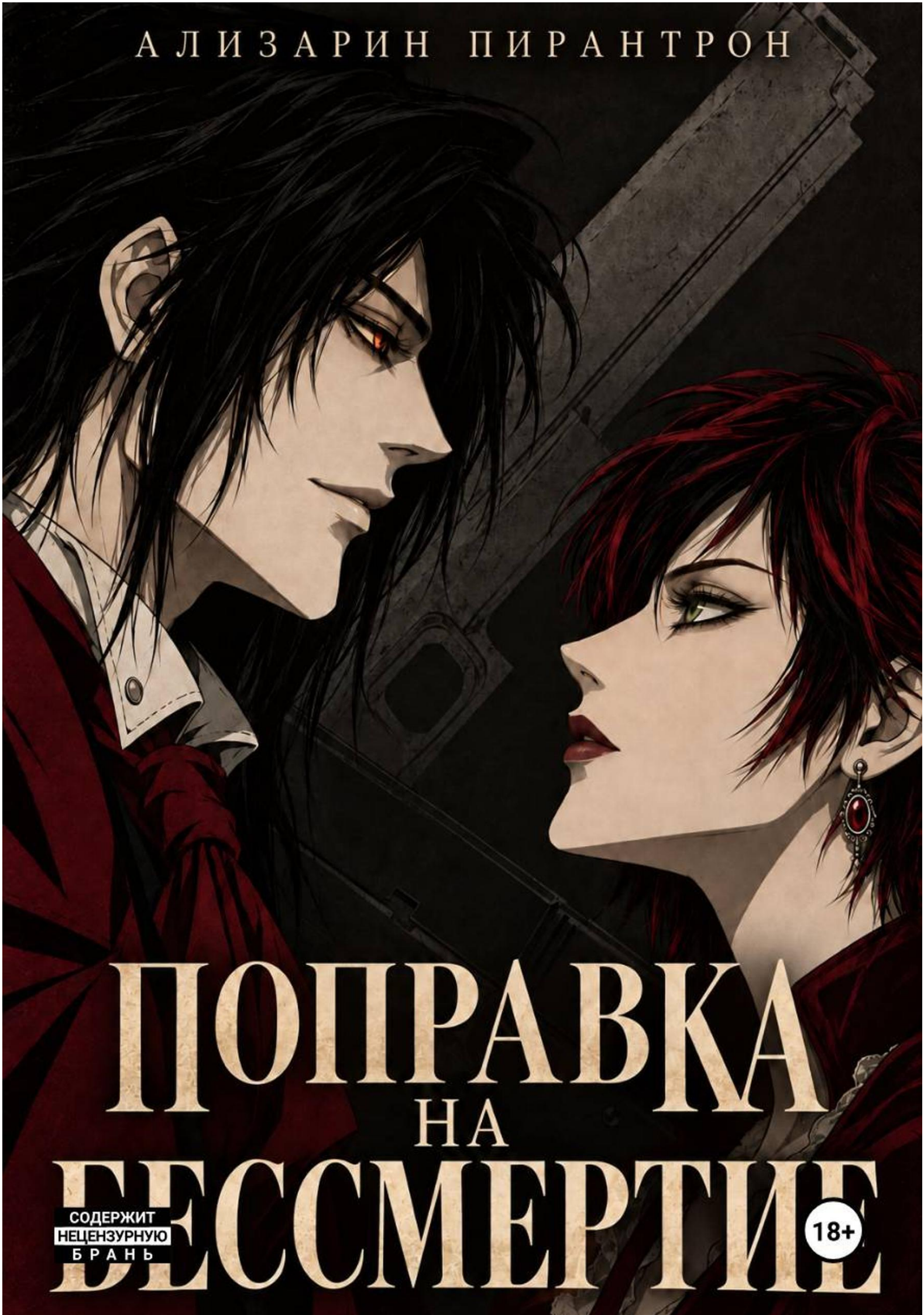

АЛИЗАРИН ПИРАНТРОН
ПОПРАВКА НА БЕССМЕРТИЕ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Ализарин Пирантрон

Поправка на бессмертие

«Автор»
2026

Пирантрон А.

Поправка на бессмертие / А. Пирантрон — «Автор», 2026

Бессмертие имеет свои преимущества. Можно веками заниматься наукой, коллекционировать семейные тайны и любить самого опасного вампира на свете. Правда, последнее требует крепких нервов и изрядного терпения.Графиня Аргента Батори давно привыкла к особенностям службы в организации «Хеллсинг». Её лаборатория оснащена по последнему слову техники, начальница обладает железным характером, а Алукард, с которым её связывают столетия весьма непростых отношений, по-прежнему считает хорошую охоту лучшим развлечением.Но очередное расследование оказывается слишком личным. Кто-то научился похищать воспоминания, присваивать чужие способности и подчинять человеческую волю. Следы ведут к тайнам рода Батори и древней кровной клятве.Теперь Аргенте предстоит выяснить, где заканчивается власть крови и начинается свобода выбора.Алукард, разумеется, намерен помочь. К несчастью для их врагов, у него совершенно особенные представления о семейных ценностях.

© Пирантрон А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Частное дело. 5
Глава 2 19
Глава 3 40
Глава 4 64
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Ализарин Пирантрон
Поправка на бессмертие

Часть I. Частное дело.

«Прошлое следует хранить в надёжном месте. Желательно без доступа родственников».
Из правил хранения архива Батори

Глава 1.

Кровь умела хранить секреты, и Аргента Батори находила это обстоятельство одним из самых занимательных свойств живой материи. За несколько столетий ей довелось наблюдать, как менялись представления человечества о природе крови, от гуморальной теории Гиппократа до молекулярной генетики, от кровопусканий, которыми лечили едва ли не все известные болезни, до секвенирования единичных клеток. Каждое новое поколение исследователей с похвальной уверенностью объявляло прежние заблуждения окончательно преодолёнными, чтобы спустя несколько десятилетий предоставить потомкам удовольствие обнаружить собственные ошибки. Впрочем, сама Аргента тоже не избежала этого увлекательного занятия. Разница заключалась лишь в том, что ей приходилось лично знакомиться с авторами теорий, которые впоследствии опровергала. А еще она успела убедиться, что человечество совершило немало удивительных открытий, но так и не научилось двум простейшим вещам: не вмешиваться в чужие исследования и правильно подписывать пробирки. Первое она ещё могла простить, особенно если вмешательство сопровождалось извинениями и хорошим вином. Второе считала свидетельством интеллектуальной несостоятельности, которую никакие извинения исправить не могли.

Впрочем, сегодняшний вечер обещал обойтись без подобных неприятностей. Лаборатория принадлежала ей безраздельно, сотрудники были отпущены ещё час назад, а на экранах приборов наконец появились результаты, ради которых пришлось пожертвовать тремя неделями работы и изрядным количеством терпения. Последнее Аргента привыкла расходовать бережно, поскольку, вопреки расхожему мнению, бессмертие вовсе не предполагало его неисчерпаемых запасов. Восточное крыло особняка Хеллсинг, некогда отведённое под хозяйственные помещения, за последние десятилетия преобразилось настолько, что прежние владельцы едва ли узнали бы собственное имение. За тяжёлыми дубовыми дверями располагался современный исследовательский комплекс, оснащённый с той щедростью, на какую способна организация, финансируемая британской короной и не привыкшая отчитываться перед широкой публикой. Здесь имелось оборудование, о котором большинство университетских лабораторий могло только мечтать, а некоторые приборы были изготовлены по специальному заказу. Аргента не видела причин довольствоваться посредственными инструментами, когда от качества исследования порой зависело, удастся ли очередному чудовищу пережить встречу с его исследователем.

Особенное удовольствие ей доставляла микроскопия. Возможность рассматривать мельчайшие структуры живой клетки, наблюдать за их изменениями и получать изображения, недоступные человеческому глазу, до сих пор вызывала у неё почти детский восторг. Когда-то ради подобных наблюдений приходилось полагаться на несовершенную оптику, собственную наблюдательность и немалую долю воображения. Теперь достаточно было правильно подгото-

вить образец, задать параметры исследования и дождаться, пока сложнейшая машина выполнит работу, на которую прежде не хватило бы целой человеческой жизни. Разумеется, последнее не мешало Аргенте лично контролировать каждый этап. Она слишком хорошо знала цену результатам, полученным исследователем, который доверяет оборудованию больше, чем собственным знаниям.

Сегодняшний опыт касался одного из наиболее любопытных свойств вампирской крови. Помимо привычных биологических функций, она обладала способностью сохранять следы пережитого своим владельцем. Не воспоминания в человеческом понимании, с образами, голосами и запахами, а нечто значительно более сложное, ускользавшее от большинства известных методов исследования. Аргента занималась этой проблемой много лет, периодически откладывая её ради других задач и неизменно возвращаясь, когда очередное достижение науки открывало новые возможности. На широком мониторе перед ней медленно сменялись изображения клеток, обработанных составом, рецепт которого некогда принадлежал одному из самых тщательно охраняемых семейных секретов Батори. Старинная формула претерпела множество изменений, лишилась нескольких совершенно бесполезных ингредиентов и приобрела ряд новых, зато теперь давала куда более предсказуемые результаты. Предки, несомненно, пришли бы в ужас от подобного обращения с наследием. Особенно если бы узнали, что Аргента окончательно отказалась от обязательного чтения заклинаний над каждой порцией раствора.

Впрочем, предки давно утратили возможность высказывать своё мнение, что делало научную работу значительно приятнее.

Очередное изображение заставило её придвинуться ближе к экрану. Обработанные клетки сохраняли структуру, хотя прежде тот же состав неизменно приводил к её разрушению. Различие было небольшим, почти незаметным, но за три недели бесплодных попыток Аргента научилась распознавать именно такие мелочи. Несколько минут ушло на проверку контрольных образцов, после чего пришлось признать, что на этот раз результат действительно заслуживал внимания. Удовлетворение было тем сильнее, что последние дни выдались на редкость скверными. Дважды приходилось переделывать работу из-за некачественных реактивов, один из приборов потребовал ремонта, а присланный оперативниками материал оказался практически непригодным для исследования. Сопроводительная документация к нему содержала столько пробелов, что Аргента всерьёз подумывала вернуть контейнер отправителю вместе с предложением заняться чем-нибудь более соответствующим его способностям. Например, подметанием двора. Хотя и там требовалась определённая аккуратность.

Вопрос о квалификации сотрудников Хеллсинг она уже успела изложить в служебной записке, выдержанной в самых безупречных выражениях. Опыт преподавания в нескольких европейских университетах научил её, что тщательно сформулированное замечание способно причинить куда больше неудобств, чем откровенная грубость. Особенно если адресат вынужден перечитать его несколько раз, прежде чем окончательно осознает, насколько низко оценили его профессиональные качества.

Университетская жизнь порой вызывала у Аргенты искреннюю ностальгию. Она любила преподавать, любила спорить с коллегами, любила тот особенный азарт, который охватывал молодых исследователей, впервые обнаруживших нечто действительно новое. Досадно было лишь то, что каждые несколько десятилетий приходилось начинать академическую карьеру заново. Коллеги старели, студенты становились профессорами, профессора уходили на покой, а сама она продолжала выглядеть женщиной двадцати пяти лет. Обстоятельство весьма приятное в повседневной жизни, но совершенно неудобное для человека, намеревающегося сохранять одну и ту же университетскую должность на протяжении столетия. Собственные докторские степени она давно перестала считать. Некоторые из них утратили всякую практическую ценность вместе с научными представлениями эпохи, другие были получены под именами, которые теперь не имело смысла вспоминать. Последние дипломы по молекулярной биологии

и генетике, равно как и медицинская квалификация, оставались вполне действительными, хотя предъявлять их в стенах Хеллсинг приходилось нечасто. Интегру гораздо больше интересовали результаты исследований, чем количество букв после имени сотрудника, и в этом отношении Аргента находила своего работодателя исключительно разумной женщиной.

Вернув внимание к монитору, она запустила повторную обработку изображений и потянулась за чашкой кофе, стоявшей возле клавиатуры. Напиток успел остыть, приобрёл отвратительную горечь и совершенно утратил первоначальный аромат. Аргента сделала глоток, поморщилась и с некоторым сожалением отставила чашку. Пожалуй, стоило распорядиться принести свежий. Или найти более приятный способ отметить удачный опыт.

В коридоре послышались шаги, и необходимость принимать решение отпала сама собой. Алукард никогда не испытывал особенной потребности скрывать своё приближение, если только не намеревался кого-нибудь напугать. В последнем случае его присутствие обычно обнаруживалось уже тогда, когда предпринимать что-либо было поздно. Сейчас он шёл совершенно открыто, с той неторопливой уверенностью, которую Аргента помнила ещё со времён, когда за ним стояли настоящие крепости, вооружённые дружины и весьма убедительные представления о княжеской власти.

Впрочем, смена столетий мало повлияла на его привычку появляться там, где ему заблагорассудится. Особенно если речь шла о её лаборатории. Аргента научилась различать его настроение по самым незначительным признакам. Нынешняя поступь выдавала хорошее расположение духа, а отсутствие попытки проникнуть через стену или возникнуть непосредственно за её спиной позволяло надеяться, что государь пришёл с относительно мирными намерениями. Хотя подобные надежды в отношении Алукарда всегда следовало сопровождать некоторой осторожностью. Когда дверная ручка повернулась, она как раз открывала результаты повторного анализа.

– Если ты снова испортил мне донора, государь, надеюсь, на этот раз у тебя найдётся объяснение поубедительнее. Сорок семь пулевых отверстий довольно трудно списать на несчастный случай.

– Сорок шесть, – поправил Алукард, переступая порог. – Последний выстрел был твоим.

– И весьма своевременным, насколько я помню. Ещё немного, и ты принялся бы выяснять, сколько конечностей можно оторвать у существа, прежде чем оно утратит способность отвечать на вопросы.

– Мы так и не узнали.

В его голосе слышалось неподдельное сожаление, и Аргента невольно рассмеялась. Предыдущая операция действительно доставила ему немало удовольствия, хотя для остальных участников закончилась двумя днями оформления отчётов и весьма неприятным разговором с Интегрой. Сама Аргента тогда лишилась ценного образца, но приобрела несколько занимательных наблюдений о способности искусственных вампиров восстанавливать повреждённые ткани. Впрочем, повторять опыт в подобных условиях она не собиралась. Даже самые выдающиеся результаты теряли привлекательность, когда материал приходилось собирать с потолка. Алукард между тем расположился в кресле возле рабочего стола, предварительно отодвинув лежавшую на сиденье папку. Красный плащ свободно ниспадал с подлокотников, широкополая шляпа отбрасывала тень на лицо, а длинные ноги, вытянутые с откровенным пренебрежением к правилам приличия, едва не доставали до соседней тумбы. Некогда подобная манера сидеть в присутствии дамы могла бы вызвать серьёзное недовольство её родственников. Аргента с удовольствием представила, как кто-нибудь из покойных дядюшек попытался бы сделать ему замечание, и решила, что это зрелище стоило бы весьма дорого.

– Надеюсь, ты не собираешься провести здесь весь вечер, наблюдая за моей работой? – поинтересовалась она, возвращаясь к монитору.

– А ты возражаешь?

– Пока нет. Но если начнёшь давать советы, мне придётся пересмотреть своё гостеприимство.

– Я мог бы предложить тебе свежий материал.

– Ты уже предлагал. Именно поэтому у меня до сих пор не хватает двух контрольных образцов.

Разговор доставлял ей удовольствие, хотя внимание по-прежнему было занято результатами исследования. Программа закончила сопоставление изображений, и на экране появились данные, подтверждавшие первоначальное наблюдение. Различия между обработанными и контрольными клетками сохранялись, причём теперь их можно было проследить на нескольких независимых участках. Ещё не открытие, конечно, но достаточно веское основание продолжить работу. Аргента сохранила результаты и с удовлетворением отметила, что впервые за последние дни ей не придётся заканчивать вечер с желанием выбросить половину реактивов в ближайшее окно.

– Кстати, о материале, – произнёс Алукард.

Она повернулась к нему. За долгие годы Аргента успела изучить множество способов, которыми он сообщал неприятные известия, и этот принадлежал к числу наиболее безобидных. Обычно за подобным вступлением следовало известие о предстоящей охоте, очередной прихоти Интегры или каком-нибудь происшествии, которое Алукард находил забавным исключительно потому, что не ему предстояло устранять последствия.

– Что на этот раз?

– Интегра хочет нас видеть.

– Сейчас?

– Разумеется. Она ведь знает, как ты любишь бросать работу на самом интересном месте.

Аргента с сожалением посмотрела на монитор. Продолжение опыта требовало ещё нескольких часов, но основные результаты уже были сохранены, а следующую серию можно было запустить автоматически. И всё же перспектива покинуть лабораторию именно тогда, когда исследования наконец начали приносить плоды, вызывала вполне понятное раздражение. Особенно если причиной окажется очередной искусственный вампир, решивший разнообразить существование жителей Лондона массовым убийством.

– Полагаю, произошло нечто более существенное, чем нападение на случайных прохожих?

– Пятеро убитых. Трое полицейских, двое охранников. Шестой успел добраться до больницы, но вряд ли доживёт до утра.

– Какая трогательная забота о статистике преступности. И почему же понадобилась я?

Алукард снял шляпу и положил её на колено. Это простое движение привлекло внимание Аргенты сильнее, чем перечень жертв. Смерть нескольких человек сама по себе едва ли могла заинтересовать его настолько, чтобы он явился за ней лично. Слишком уж часто приходилось иметь дело с подобными происшествиями. Но сейчас за привычной насмешливостью угадывался азарт, который она хорошо помнила по их совместным охотам. Так бывало, когда среди многочисленных и большей частью скучных противников обнаруживался кто-нибудь способный преподнести сюрприз.

– Наш приятель оказался весьма искусным бойцом, – сообщил он. – Обезоружил двух полицейских, сломал одному шею, а второго убил его собственным ножом. Причём сделал это прежде, чем они успели выстрелить.

– Такое случается. Особенно с людьми, которые слишком полагаются на оружие.

– А затем отобрал у охранника шпагу.

– Шпагу? – Аргента удивлённо приподняла брови. – В Лондоне?

– Коллекционную. Охранник сопровождал владельца антикварного магазина.

Обстоятельство становилось любопытным, хотя пока не настолько, чтобы оправдать срочный вызов. За свою жизнь Аргента встречала немало превосходных фехтовальщиков, включая нескольких совершенно бездарных людей, которым мастерство владения клинком досталось благодаря долгим тренировкам и отсутствию иных занятий. Среди вампиров подобные умения встречались ещё чаще. Бессмертие предоставляло достаточно времени для совершенствования навыков, если, конечно, обладатель бессмертия не успевал погибнуть раньше, чем научится ими пользоваться.

– И что же он сделал с этой шпагой?

– Убил её владельца.

– Начинаю понимать, почему Интегра недовольна.

Алукард рассмеялся, однако на этот раз не стал развивать шутку. Вместо этого поднялся с кресла и подошёл к рабочему столу, где Аргента уже закрывала исследовательские программы. Его присутствие рядом ощущалось столь привычно, что ей не требовалось поворачивать голову, чтобы знать, насколько близко он находится. Когда широкая ладонь легла ей на плечо, она накрыла её своей, продолжая проверять сохранённые данные.

– Ты ещё не слышала самого интересного, графиня.

– Тогда не мучай меня ожиданием, государь. Я и без того пожертвовала ради тебя весьма перспективным вечером.

– Он фехтовал как мастер.

– Ты уже говорил.

– Нет. Я сказал, что он оказался искусным бойцом. А фехтовал он так, словно всю жизнь провёл со шпагой в руке. Вот только до вчерашнего вечера наш красавец работал грузчиком в доках и никогда не учился фехтованию.

Аргента закончила проверку файлов и наконец повернулась к нему. История приобретала совершенно иной оттенок. Необъяснимое мастерство могло оказаться результатом обмана, ошибочных свидетельских показаний или какого-нибудь необычного свойства обращения, однако сочетание нескольких столь различных навыков заслуживало внимания. Особенно если они проявились внезапно, без предшествующего обучения.

– Откуда известно, что он не учился?

– Интегра проверила. И весьма тщательно.

В этом Аргента не сомневалась. Глава Хеллсинг редко позволяла себе роскошь строить предположения на основании случайных слухов, а если уж привлекала к делу двух истинных вампиров, значит, располагала основаниями считать происшествие серьёзным. Тем не менее оставалось несколько вопросов, которые следовало задать прежде, чем отправляться на очередную охоту.

– И где сейчас этот удивительный грузчик?

– Прячется. Пока.

Последнее слово Алукард произнёс с таким удовольствием, что Аргента невольно улыбнулась. В подобные минуты он особенно напоминал ей самого себя времён, когда их знакомство ещё не успело обрасти столетиями общих воспоминаний, привычек и ссор. Время изменило многое, но предвкушение хорошей охоты оставалось для него удовольствием, которому не требовалось искать оправданий.

– Что ж, – произнесла она, выключая монитор. – Надеюсь, Интегра хотя бы позволит мне получить образцы до того, как ты решишь проверить, насколько хорошо он умеет умирать.

Кабинет Интегры Хеллсинг располагался в той части особняка, где старинная английская архитектура ещё сохраняла своё первоначальное назначение. В отличие от исследовательского крыла, здесь не было ни стеклянных перегородок, ни назойливого гудения аппаратуры. Тёмные деревянные панели, высокие книжные шкафы, тяжёлые портьеры и массивный письменный стол создавали обстановку, в которой вполне уместно было обсуждать судьбы государств,

объявлять войны и подписывать смертные приговоры. Последнее, насколько Аргента успела убедиться, случалось здесь значительно чаще первых двух занятий. Хозяйка кабинета сидела за столом, просматривая документы. В пепельнице дымилась сигара, рядом лежала раскрытая папка с фотографиями, а на краю письменного прибора ожидала подписи небольшая стопка бумаг. При появлении посетителей Интегра подняла голову, и Аргента с удовольствием заметила, как выражение её лица изменилось при виде второго гостя.

– Алукард. Я вызывала тебя десять минут назад.

– Я пришёл, хозяйка.

– Вижу. И вижу, что ты опять привёл её.

Последнее слово прозвучало с таким выражением, будто речь шла о чрезвычайно неприятной вещи, которую обнаружили в гостиной после неудачной дезинсекции. Аргента не обиделась. За время знакомства с Интегрой она успела выслушать немало замечаний куда менее учтивых и давно пришла к выводу, что раздражать эту женщину можно даже молчанием, если выбрать для него подходящее место. Впрочем, молчать она не собиралась.

– Добрый вечер, миледи. Надеюсь, моё присутствие не доставляет вам неудобств?

– Доставляет, графиня.

– Какое несчастье. А мой господин уверял, что мы оба совершенно необходимы.

Аргента произнесла последние слова с безупречной почтительностью, какую некогда проявляли придворные дамы, обращаясь к монарху в присутствии иностранных послов. Удовольствие заключалось в том, что почтительность была вполне настоящей, а вот обстоятельства, при которых она её демонстрировала, приводили Интегру в состояние, близкое к бешенству. На скулах главы Хеллсинг обозначились знакомые желваки.

Обнаружение у Алукарда любовницы в своё время стало для неё неприятным сюрпризом. Аргента до сих пор вспоминала тот вечер с особенной нежностью. Интегра, привыкшая распоряжаться своим чудовищным слугой с непререкаемой уверенностью, неожиданно выяснила, что у последнего имеется весьма продолжительная личная жизнь, причём начавшаяся задолго до рождения самой Интегры, её отца и доброй половины известных английских монархов. Справедливости ради, миледи довольно быстро оправилась от потрясения. Гораздо труднее оказалось примириться с тем, что новая знакомая не испытывала ни малейшего желания вести себя как случайная пассия, которой полагалось смущаться, оправдываться и исчезать при появлении законной хозяйки дома. Аргента не исчезала. Более того, она имела собственные интересы, собственное мнение и отвратительную привычку обращаться к Алукарду с титулами, напоминавшими об эпохе, когда он сам отдавал приказы.

– Графиня Батори, – отчеканила Интегра, – я не припоминаю, чтобы предоставляла вам право участвовать в оперативных совещаниях по собственному усмотрению.

– Разумеется, миледи. Именно поэтому я пришла по приглашению моего господина.

За спиной Аргенты раздался низкий смех. Алукард, очевидно, находил происходящее ничуть не менее занимательным, чем она сама, и не собирался облегчать положение своей хозяйке. От этого обстоятельства удовольствие становилось почти неприличным, хотя Аргента прекрасно понимала, что дальнейшее развитие беседы может закончиться приказом покинуть кабинет. Интегра была молода лишь по меркам существ, проживших несколько столетий, и недостаток жизненного опыта с избытком возмещала характером, который заслуживал самого искреннего уважения. И самого глубокого сочувствия. Особенно - к её подчинённым.

– Алукард!

– Вы хотели видеть нас обоих, моя госпожа.

– Я хотела видеть тебя и получить заключение специалиста. Не устраивать здесь семейный приём!

– Тогда вам повезло, – заметила Аргента. – Для семейного приёма я выбрала бы другое платье.

На этот раз Интегра сняла очки. Движение оказалось достаточно выразительным, чтобы даже Аргента сочла благоразумным отказаться от следующей реплики. В конце концов, доводить работодателя до нервного истощения в начале служебного совещания было не слишком предусмотрительно, особенно когда от него зависело финансирование лаборатории. Кроме того, любопытство уже начинало брать верх над желанием развлечься. На разложенных перед Интегрой фотографиях виднелись тела, окровавленный пол и несколько крупных планов повреждений, нанесённых холодным оружием. Одного взгляда хватило, чтобы заметить необычную точность некоторых ударов. Человек, оставивший эти раны, не просто умел пользоваться клинком. Он знал, куда бить, чтобы убить быстро, и обладал достаточным опытом, чтобы не тратить лишних движений. Подобное мастерство плохо сочеталось с рассказом о грузчике, который никогда прежде не держал шпагу.

Интегра проследила за её взглядом, вернула очки на место и придвинула папку ближе к краю стола.

– Полагаю, теперь мы можем заняться делом.

– С величайшим удовольствием, – ответила Аргента, подходя к столу. – Мой господин успел сообщить мне некоторые подробности, но, боюсь, его рассказ отличался присущей ему избирательностью.

– Неужели? – Интегра бросила на Алукарда раздражённый взгляд. – Какая неожиданность.

Взяв верхнюю фотографию, Аргента рассмотрела длинную узкую рану под ключицей убитого охранника. Клинок вошёл под определённым углом, миновав кость, и, судя по расположению повреждений, противник находился несколько сбоку от жертвы. На следующем снимке был запечатлён другой человек, получивший удар в шею. Здесь техника отличалась, хотя оба ранения свидетельствовали о превосходном владении оружием.

– Кто установил, что он не имел подготовки? – спросила Аргента.

– Мы подняли его личное дело, проверили работодателей, знакомых, записи камер наблюдения. До обращения он был совершенно обычным человеком. Ни военной службы, ни спортивного фехтования, ни каких-либо иных занятий, способных объяснить подобные навыки.

– А после обращения?

– Прошло меньше сорока восьми часов.

Этого времени было недостаточно даже для того, чтобы освоиться с изменившимся телом, не говоря уже о приобретении мастерства, на которое люди тратили годы. Аргента перевернула фотографию и вновь посмотрела на расположение ран. В рассказе Алукарда её заинтересовала внезапность появления навыков, но теперь возникал другой вопрос. Два удара, нанесённые с одинаковой точностью, отличались характером движения. Первый принадлежал человеку, привыкшему работать остриём, второй скорее напоминал приём из иной школы, где большое значение придавали режущим ударам.

– Есть запись самого нападения?

Интегра достала из папки небольшой накопитель и положила рядом с фотографиями.

– Именно поэтому вы здесь, графиня. Мне необходимо знать, с чем мы имеем дело, прежде чем Алукард превратит единственного доступного свидетеля в груду мяса.

– Вы несправедливы ко мне, хозяйка, – протянул он с явным удовольствием.

– Я прекрасно знаю, насколько ты способен увлечься.

Аргента тоже знала, и куда лучше, чем Интегра могла предполагать. Однако спорить с хозяйкой Хеллсинг по этому поводу не собиралась. Предстоящая охота обещала оказаться интереснее обычной зачистки, а перспектива получить живой экземпляр искусственного вампира с необъяснимо приобретёнными навыками представлялась достаточно заманчивой, чтобы простить даже вынужденный перерыв в собственных исследованиях.

– В таком случае, леди Хеллсинг, – произнесла она, возвращая фотографии на стол, – полагаю, нам следует заранее договориться о состоянии, в котором вы желаете получить вашего свидетеля.

Интегра посмотрела на неё поверх очков.

– Живым.

– Прекрасно. А сколько конечностей при этом обязательно должно остаться на месте?

Алукард расхохотался. Интегра дождалась, пока смех Алукарда стихнет, и медленно положила сигару на край пепельницы. Судя по тому, с какой тщательностью она это проделала, графине Батори следовало немедленно вспомнить о служебной дисциплине. Аргента, однако, продолжала рассматривать фотографии, поскольку один из снимков заинтересовал её гораздо сильнее, чем перспектива очередной выволочки. На нём была запечатлена рука убитого охранника, всё ещё сжимавшая рукоять шпаги. Положение пальцев выглядело неестественным, а на тыльной стороне ладони отчётливо проступали кровоподтёки.

– Графиня, – произнесла Интегра с той ледяной отчётливостью, которой обычно предшествовали самые неприятные распоряжения, – если вы закончили развлекаться, я хотела бы напомнить, что речь идёт о пяти погибших людях.

Аргента отложила фотографию и подняла на неё взгляд. Упрёк был заслуженным, хотя и не вполне справедливым. Смерть людей никогда не казалась ей забавной сама по себе, но несколько столетий знакомства с человеческой жестокостью приучили относиться к её последствиям без обязательного выражения скорби. Погибшим уже ничем нельзя было помочь, зато живые ещё могли извлечь пользу из обстоятельств их смерти. Впрочем, объяснять подобные вещи Интегре не требовалось. Глава Хеллсинг придерживалась весьма сходных взглядов, просто предпочитала, чтобы сотрудники демонстрировали их с большей сдержанностью.

– Прошу прощения, миледи. Я вовсе не намеревалась проявить неуважение к погибшим. Но прежде чем обещать сохранить вашему подозреваемому все конечности, мне хотелось бы понять, насколько они необходимы для его обезвреживания.

– Я поручаю вам исследовать его, а не обсуждать способы расчленения.

– Одно, к сожалению, не всегда исключает другое.

– Аргента.

Алукард произнёс её имя негромко, с явным удовольствием наблюдая за разговором. В этом единственном слове слышалось достаточно насмешки, чтобы она поняла, насколько его забавляет происходящее. Аргента бросила на него короткий взгляд и обнаружила, что он уже устроился у камина, словно намеревался провести здесь весь вечер. Отсутствие кресла нисколько его не смущало. Он опирался плечом о каминную полку, скрестив руки на груди, и смотрел на Интегру с выражением, которое та, к счастью для окружающих, не могла рассмотреть во всех подробностях из-за отблесков на стёклах его очков.

– Что, мой господин? – отозвалась Аргента с невинным любопытством.

Интегра шумно выдохнула через нос.

– Ещё раз услышу это обращение, и вы оба отправитесь выполнять задание пешком.

Угроза показалась Аргенте настолько своеобразной, что она едва удержалась от улыбки. Пешая прогулка едва ли могла представлять затруднение для двух вампиров, способных при необходимости преодолеть значительную часть Лондона быстрее любого автомобиля. Интегра, несомненно, тоже это понимала, но сейчас её раздражение достигло той степени, при которой даже самые разумные люди позволяли себе небольшие нелепости.

– Как прикажете, миледи, – ответила Аргента и благоразумно занялась фотографиями.

Алукард издал звук, подозрительно напоминавший сдавленный смешок, однако на этот раз не стал вмешиваться. Возможно, решил предоставить ей возможность самой выбрать подходящий момент для следующей провокации. Эта мысль доставила Аргенте удовольствие, но ещё больше её занимало содержимое папки. Среди фотографий обнаружился снимок лица

подозреваемого, сделанный камерой наблюдения. Невысокий мужчина лет тридцати, с тяжёлой нижней челюстью и коротко остриженными волосами, выглядел совершенно непримечательно. На нём была рабочая куртка, испачканная чем-то тёмным, а правую сторону лица покрывали следы недавней драки. Ничто в его облике не напоминало человека, способного за считаные минуты расправиться с несколькими вооружёнными противниками.

– Как его зовут?

– Томас Уилкинс. Тридцать два года, не женат, работает в доках. Дважды задерживался за драки, оба раза отделался штрафом. Никаких связей с известными нам организациями. По крайней мере, пока мы их не обнаружили.

– Когда его обратили?

– Точное время неизвестно. Последний раз живым человеком его видели позавчера вечером. Вчера утром он не явился на работу, а ночью устроил бойню в антикварном магазине.

Аргента внимательно рассмотрела снимок. Лицо Уилкинса не представляло особого интереса, зато положение его правой руки заставило задержаться. Камера запечатлела мужчину в момент, когда он поворачивался к одному из охранников. Даже на не слишком чётком изображении было заметно, как он держал оружие. Кисть располагалась свободно, локоть был слегка согнут, а острие шпаги направлено в сторону противника без той излишней напряжённости, которую обычно проявляют люди, впервые взявшие клинок.

– Он левша? – спросила она.

Интегра перелистнула несколько страниц отчёта.

– Нет. По сведениям работодателя, правша. Почему?

– На одной из фотографий он держит шпагу левой рукой. Причём весьма уверенно.

– Возможно, перекинул оружие после ранения.

– Возможно. Но меня интересует другое. Вы говорили, что он убил владельца магазина и охранника. Судя по повреждениям, приёмы заметно различаются. Если это действительно один и тот же человек, мне хотелось бы увидеть, как он переходил от одного способа боя к другому.

Интегра протянула руку к телефону и распорядилась принести оборудование для просмотра записи. Пока за дверью раздавались торопливые шаги, Аргента продолжила изучать документы. В отличие от большинства оперативных отчётов, этот был составлен достаточно подробно, чтобы порадовать даже её взыскательный вкус. Указывались время обнаружения тел, расположение предметов, предварительные заключения судебного медика и показания свидетелей. Отдельное внимание уделялось повреждениям помещения, поскольку некоторые из них невозможно было объяснить действиями обычного человека.

Особенно любопытным оказался эпизод с металлической дверью подсобки. Судя по описанию, Уилкинс вырвал её из креплений, когда один из охранников попытался укрыться внутри. Подобная сила для новообращённого вампира не представляла ничего необычного, но в сочетании с демонстрируемой точностью движений свидетельствовала о поразительно быстром приспособлении к новым возможностям тела. Большинство обращённых поначалу действовали грубо, полагаясь на превосходство в скорости и силе. Уилкинс, напротив, словно сразу понял, каким образом использовать приобретённые способности с наибольшей выгодой.

Аргента вспомнила собственное обращение, произошедшее в эпоху, когда подобные превращения ещё сопровождались множеством обрядов, обязательность которых впоследствии вызывала у неё искреннее недоумение. Привыкание к изменившимся ощущениям заняло немало времени. Сила, скорость, слух и обоняние требовали совершенно иного отношения к окружающему миру, а некоторые навыки, приобретённые при жизни, приходилось осваивать заново. Впрочем, ей тогда не довелось пережить ничего похожего на внезапное появление чужого мастерства.

Служащий принёс небольшой проектор и подключил его к компьютеру, установленному у стены. Интегра велела приглушить свет, после чего на белой поверхности между книжными шкафами возникло зернистое изображение торгового зала. Камера была закреплена высоко под потолком и охватывала значительную часть помещения. В кадре виднелись стеклянные витрины, несколько шкафов со старинным оружием и массивная стойка, за которой находился пожилой мужчина. Уилкинс появился спустя несколько секунд. Он вошёл неторопливо, огляделся и направился к стойке, где, судя по движениям, о чём-то спросил хозяина. Звука не было, поэтому содержание разговора оставалось неизвестным. Пожилой мужчина указал в сторону одного из шкафов, после чего Уилкинс приблизился к нему и остановился перед выставленным оружием.

– Он пришёл именно за шпагой? – уточнила Аргента.

– Похоже на то, – ответила Интегра. – Владелец утверждал в телефонном разговоре, что посетитель интересовался оружием шестнадцатого века. Через несколько минут связь оборвалась.

На записи Уилкинс вдруг резко повернулся. В кадр вошёл охранник, державший руку возле кобуры, и дальнейшие события развивались с такой скоростью, что Аргента попросила замедлить воспроизведение. Мужчина шагнул навстречу противнику, перехватил его запястье и коротким движением сломал руку. Следующий удар пришёлся в горло. Охранник упал, не успев даже вытащить пистолет. Приём был выполнен чисто, без ненужных усилий. Аргента знала несколько школ рукопашного боя, в которых применялись сходные движения, но по столь короткому эпизоду определить конкретную традицию было затруднительно. Гораздо интереснее оказалось то, что Уилкинс сразу после нападения вновь повернулся к шкафу, словно схватка не заслуживала дальнейшего внимания. Он разбил стекло, извлёк шпагу и некоторое время рассматривал её. Затем неожиданно изменил хват, сделал несколько пробных движений и развернулся к двери, через которую уже входили двое вооружённых полицейских.

Дальнейшее заставило Аргенту забыть о недавней перепалке с Интегрой. Уилкинс встретил первого противника выпадом, выполненным с такой точностью, что тот рухнул прежде, чем успел поднять оружие. Второй полицейский выстрелил, но вампир уже сместился в сторону и, оказавшись рядом, нанёс короткий удар эфесом в лицо. Затем последовало движение, которое Аргента узнала без труда. Она сама изучала подобные приёмы много лет назад, когда фехтование ещё оставалось необходимым умением для человека, намеревавшегося сохранить жизнь при дворе.

– Остановите, пожалуйста.

Изображение замерло в тот момент, когда Уилкинс заносил клинок для следующего удара. Аргента приблизилась к стене, рассматривая положение его корпуса и ног. В отличие от первого выпада, выполненного в манере, напоминавшей классическую итальянскую школу, теперь он использовал движение, характерное для другой традиции. Сам по себе переход между школами не был невозможен, особенно для опытного фехтовальщика, однако Уилкинс не просто менял технику. Менялись его стойка, привычная дистанция и даже манера держать оружие.

– Продолжайте.

На записи вампир сделал ещё два движения, от которых Аргента почувствовала неприятное возбуждение, знакомое каждому исследователю, столкнувшемуся с явлением, не укладывающимся в привычные представления. За несколько секунд Уилкинс продемонстрировал навыки, на приобретение которых человеку потребовались бы годы, причём применял их с такой естественностью, словно они принадлежали ему с рождения.

– Он не учился этому, – произнесла она, скорее размышляя вслух, чем обращаясь к присутствующим. – Во всяком случае, не так, как учатся люди.

– Именно это мы и хотели услышать, – отозвалась Интегра.

Аргента покачала головой, не отрывая взгляда от изображения. Ей не нравилась поспешность подобного вывода, хотя наблюдаемое действительно требовало объяснения. Можно было предположить, что обращение каким-то образом пробудило скрытые способности, но такая гипотеза плохо согласовывалась с разнообразием движений. Гораздо вероятнее представлялось вмешательство извне, однако для этого пришлось бы допустить существование механизма, способного передавать сложные двигательные навыки без длительного обучения. Возможность была настолько соблазнительной, что Аргента почувствовала почти забытый азарт первых самостоятельных исследований. Если подобное действительно происходило, перед ней открывалась область, о которой современная наука пока не имела ни малейшего представления.

– Мне понадобится он живым, – сказала она наконец. – И желательно в состоянии, позволяющем провести полноценное исследование.

– Я уже отдала соответствующее распоряжение, – сухо напомнила Интегра.

– Разумеется. Но теперь я обращаюсь непосредственно к тому, кому предстоит его выполнять.

Аргента повернулась к Алукарду. Тот всё это время наблюдал за записью с выражением откровенного удовольствия, и она прекрасно понимала причину. Неизвестный противник обещал оказаться достаточно искусным, чтобы охота перестала быть скучной. Убедить Алукарда отказаться от подобного развлечения ради научного интереса было задачей не из лёгких, хотя Аргента приобрела в этом деле немалый опыт.

– Мой господин, – произнесла она с самой ласковой интонацией, на какую была способна, – ты ведь не станешь лишать меня такого замечательного подарка?

У Интегры вновь обозначились желваки, но на этот раз Аргента почти не обратила на них внимания. Её гораздо больше интересовало, насколько далеко Алукард готов зайти ради собственного удовольствия и удастся ли убедить его, что живой противник может оказаться куда занимательнее мёртвого. Алукард не спешил отвечать. Он оттолкнулся от каминной полки, подошёл к замершему изображению и некоторое время рассматривал человека со шпагой, словно пытался решить, чего тот заслуживает больше, смерти или нескольких минут развлечения перед ней. Аргента позволила ему насладиться этой мыслью. Она прекрасно усвоила, что прямолинейные просьбы редко доставляли Алукарду столько удовольствия, сколько возможность заставить просителя немного потрудиться. Особенно если просителем оказывалась она.

– Подарка? – переспросил он наконец, повернувшись к ней. – Ты видела, что он делает с людьми, искра моя? А теперь предлагаешь мне обращаться с ним бережно, словно с фарфоровой куклой.

– У меня никогда не было особенной любви к фарфоровым куклам. Они слишком хрупкие и совершенно бесполезные в лаборатории.

– Этот тоже может оказаться хрупким.

– Постарайся выяснить это не сразу.

Алукард расхохотался, запрокинув голову, и звук его смеха разнёсся по кабинету с такой откровенной радостью, что Аргента сама невольно развеселилась. Она любила это его настроение, опасное, безудержное, полное предвкушения, хотя прекрасно знала, чем оно обычно заканчивалось для окружающих. В подобные минуты особенно ясно ощущалась разница между существом, которого веками боялись люди, и мужчиной, способным совершенно искренне радоваться перспективе хорошей драки. Аргента давно перестала пытаться разделять эти две стороны его натуры. Одна не существовала без другой, и требовать от него иной природы было бы столь же нелепо, как просить волка отказаться от охоты из уважения к чувствам овец.

– А если он окажется достойным противником? – поинтересовался Алукард, приближаясь к ней. – Если сумеет удивить меня? Ты ведь не станешь требовать, чтобы я остановился на самом интересном месте?

– Стану, если сочту это необходимым для исследования.

– Какая жестокость.

– У меня превосходный учитель.

Он остановился совсем близко, и Аргента почувствовала знакомый запах пороха, кожи и чего-то неуловимого, принадлежавшего только ему. Красный плащ скользнул по её руке, когда Алукард протянул ладонь и неторопливо поправил выбившуюся прядь волос. Прикосновение было совершенно естественным, лишённым той осторожности, с какой люди обычно касаются друг друга в присутствии посторонних. За долгие годы они привыкли к подобной близости настолько, что Аргента редко задумывалась о впечатлении, которое она производила на окружающих. Впрочем, сейчас обстоятельства располагали к некоторому озорству.

– Подумай, государь, – произнесла она, положив ладонь ему на грудь. – Я провела три недели в лаборатории, испортила несколько совершенно невинных образцов, выслушала жалобы поставщиков и едва не поссорилась с собственным оборудованием. А теперь мне наконец предлагают нечто действительно интересное. Неужели ты откажешь мне в такой малости?

– Малости? – Он обхватил её запястье, не позволяя убрать руку. – Ты просишь меня отказаться от удовольствия убить того, кто, возможно, впервые за долгое время сумеет оказать приличное сопротивление.

– Я прошу тебя отложить это удовольствие. Разница существенная.

– Для тебя, несомненно.

Аргента почувствовала, как большой палец медленно скользнул по внутренней стороне её запястья. В этом движении не было ничего необычного, но она слишком хорошо знала его привычки, чтобы не заметить намеренной неторопливости. Алукард прекрасно понимал, что ей нужен этот образец, и теперь пользовался обстоятельством с тем бессовестным удовольствием, какое всегда доставляла ему возможность немного подразнить её. Если бы речь шла о чём-то действительно важном для него, разговор давно принял бы иной оборот. Пока же он развлекался, и Аргента не видела причин лишать его удовольствия, тем более что сама получала от происходящего немалое наслаждение.

– Ты ведь знаешь, что я могу предложить тебе взамен, – сказала она, чуть понизив голос.

– Вот как?

– Разумеется. Например, позволю присутствовать при вскрытии.

Он посмотрел на неё, и последовавший смех оказался настолько громким, что Интегра с раздражением захлопнула лежавшую перед ней папку.

– Господи всемогущий, – произнесла она. – Вы можете хотя бы пять минут вести себя как взрослые разумные существа?

– Мы и ведём себя как взрослые, леди Хеллсинг, – любезно отозвалась Аргента. – Обсуждаем условия передачи исследовательского материала.

– Вы обсуждаете всё что угодно, кроме выполнения приказа!

– Приказ я выполню, хозяйка, – сообщил Алукард, даже не повернув головы. – Вопрос лишь в том, сколько удовольствия мне позволено получить по дороге.

Интегра сняла очки и потёрла переносицу. Аргента наблюдала за ней с искренним сочувствием, хотя и не настолько глубоким, чтобы отказаться от дальнейших попыток добиться желаемого. Положение главы Хеллсинг действительно было непростым. В её распоряжении находилось одно из самых могущественных и опасных существ на свете, подчинявшееся приказам, но вовсе не обязанное получать от этого удовольствие. Теперь к нему добавилась женщина, которую нельзя было ни запугать, ни заставить смущаться, ни убедить отказаться от соб-

ственных намерений одним лишь суровым взглядом. При всём уважении к Интегре Аргента не могла не находить подобное сочетание обстоятельств восхитительным.

– Алукард, – произнесла хозяйка кабинета, возвращая очки на место, – я приказываю доставить подозреваемого живым. По возможности без тяжёлых повреждений. Мне необходимо выяснить, кто его обратил и каким образом он приобрёл эти навыки. Надеюсь, теперь вопрос закрыт?

– Разумеется, моя госпожа.

Ответ прозвучал безупречно почтительно, но Аргента заметила, как он повернул к ней голову. За стёклами очков сверкнули красные глаза, и по одному этому взгляду она поняла, что Алукард ещё не закончил развлекаться.

– Слышала, искра моя? Хозяйка приказала. Боюсь, мне придётся отказаться от всех удовольствий ради твоих драгоценных пробирок.

– Какая самоотверженность, мой господин. Я непременно оценю твою жертву.

– О, я на это рассчитываю.

Он отпустил её запястье, но прежде, чем отойти, наклонился и коснулся губами её виска. Аргента ответила лёгким прикосновением к его щеке, не придавая этому жесту особенного значения. В конце концов, они позволяли себе куда более откровенные проявления нежности, и присутствие Интегры едва ли могло стать достаточным основанием для внезапной скромности. Однако, когда Алукард выпрямился, его рука вновь легла ей на талию, удерживая рядом. Теперь он смотрел прямо на неё, и насмешливость в его голосе приобрела более тёмный, знакомый оттенок.

– Но запомни, графиня. Если твой новый любимец попытается откусить тебе руку, я оставлю от него ровно столько, сколько потребуется для установления личности.

– Уверяю тебя, я сумею позаботиться о собственных руках.

– Знаю. И всё же не люблю, когда чужие чудовища трогают моё.

Аргента усмехнулась. Слова были произнесены с той бесцеремонной собственнической уверенностью, которая в устах другого мужчины, вероятно, вызвала бы у неё желание немедленно продемонстрировать ему все недостатки подобного отношения. Но Алукард просто любил называть вещи своими именами, особенно если это позволяло лишний раз напомнить окружающим, насколько мало его интересует их мнение.

– Тогда, мой господин, – ответила она, – постарайся не повредить мою собственность. Я ведь тоже не люблю, когда кто-нибудь портит мои игрушки.

На этот раз он рассмеялся тише, с явным одобрением, и наконец отпустил её. Интегра наблюдала за ними с выражением человека, которому только что сообщили о необходимости терпеть подобное поведение до конца своей естественной жизни. Аргента почти пожалела её. Почти, поскольку жалость представлялась совершенно неподходящим чувством по отношению к женщине, способной одним приказом отправить Алукарда на уничтожение целого отряда противников и затем потребовать письменный отчёт о причинах задержки.

– Если представление окончено, – произнесла Интегра, – я хотела бы перейти к обстоятельствам, которые вы оба, по-видимому, сочли недостаточно интересными.

Аргента вернулась к столу, сохранив на лице самое внимательное выражение. Предстоящее задание действительно заслуживало серьёзного отношения, а некоторые детали записи продолжали её беспокоить. Особенно тот короткий эпизод, когда Уилкинс, едва завладев шпагой, словно на несколько мгновений перестал понимать, где находится. Она заметила это ещё при первом просмотре, но тогда внимание отвлекли последовавшие движения. Теперь же хотелось вернуться к записи и рассмотреть этот момент подробнее.

– Что именно вы имеете в виду, миледи?

Интегра раскрыла другую папку, до сих пор лежавшую отдельно от остальных документов. Внутри находились несколько фотографий и лист с машинописным текстом, испещрённый пометками красными чернилами.

– После нападения Уилкинс исчез. Однако около часа назад мы получили сообщение от человека, утверждающего, что видел его в районе Уайтчепела. Свидетель сообщил кое-что ещё.

Она протянула Аргенте лист.

– Наш подозреваемый разговаривал сам с собой. На языке, которого свидетель не понял. Мы получили запись с телефона и передали её специалистам. Они определили язык как валлийский.

Аргента пробежала глазами заключение. Сам по себе валлийский язык не представлял ничего необычного, хотя его появление в устах лондонского грузчика, выглядело достаточно странно. Гораздо интереснее оказались замечания переводчика, указавшего на необычные грамматические формы и несколько выражений, характерных для старых диалектов.

– И что он говорил?

– Требовал вернуть ему имя.

Аргента перечитала перевод. Фраза была короткой, но её содержание показалось неожиданно неприятным. Человек, только что получивший сверхъестественную силу и неизвестным образом овладевший чужими навыками, теперь обращался к кому-то невидимому с требованием вернуть утраченное имя. Можно было предположить бред, психическое расстройство или последствия неудачного обращения, но ни одна из этих версий не объясняла происхождение его мастерства. Она подняла взгляд на Алукарда, который уже перестал улыбаться и теперь с заметным интересом рассматривал лежавший перед ней лист.

– Похоже, государь, – произнесла Аргента, – нам достался гораздо более занятный экземпляр, чем я предполагала.

Глава 2

Интегра не стала задерживать их дольше необходимого. Отдав последние распоряжения, она потребовала, чтобы подозреваемого доставили в особняк до рассвета, и с особенным нажимом повторила приказ сохранить его живым. Аргента сочла благоразумным не напоминать, что подобные требования уже прозвучали трижды. Гораздо больше её занимала валлийская речь Уилкинса, точнее, странное сочетание архаичных выражений и вполне современного произношения, которое переводчик отметил в заключении. Запись следовало прослушать самостоятельно, желательно в спокойной обстановке, но сейчас на это не оставалось времени.

Выйдя из кабинета, она направилась к лестнице, ведущей в исследовательское крыло. Алукард последовал за ней, не выказывая ни малейшего желания торопиться, хотя именно он уверял, что охота обещает оказаться чрезвычайно занимательной. Впрочем, спешка никогда не принадлежала к числу его добродетелей. Когда обстоятельства действительно требовали скорости, он умел действовать быстрее, чем большинство существ успевало осознать опасность. Всё остальное время предпочитал передвигаться с видом человека, которому принадлежит не только дорога, но и право решать, когда по ней следует идти.

– Мне понадобится двадцать минут, – сообщила Аргента, когда они свернули в длинный коридор.

– Десять.

– Пятнадцать, если ты не станешь мешать.

– Пять, если я понесу тебя на руках.

Предложение было высказано с таким невозмутимым нахальством, что Аргента невольно рассмеялась. Она прекрасно представляла, насколько буквально Алукард способен его исполнить, и совершенно не желала появляться перед сотрудниками лаборатории в подобном виде. Не потому, что опасалась за свою репутацию. После совместной жизни с Владом Цепешем беспокоиться о репутации было поздновато. Просто в исследовательском крыле работали люди, которые и без того испытывали определённые затруднения при общении с ним.

– Если ты хотя бы приблизишься ко мне с подобными намерениями, государь, я заставлю тебя лично заполнять всю документацию на полученный материал.

– Ты жестока, искра моя.

– А ты слишком любишь испытывать моё терпение.

– Ещё ни разу не пожалел.

Он догнал её возле лестницы и, обняв за талию, привлёк к себе. Аргента не стала сопротивляться, хотя прекрасно понимала, что подобные остановки плохо согласуются с установленным ею самой сроком. Впрочем, пятнадцать минут представлялись весьма условной величиной, а Интегра вряд ли успеет обнаружить задержку прежде, чем они покинут особняк. Поцелуй оказался коротким, но достаточно настойчивым, чтобы на несколько мгновений отвлечь её от предстоящей работы. Аргента ответила с удовольствием, положив ладонь ему на затылок, и лишь затем отстранилась, когда почувствовала, что он вовсе не намерен ограничиваться достигнутым.

– Позже, государь. У нас, кажется, назначена охота.

– Она никуда не денется.

– В отличие от нашего подозреваемого.

Алукард усмехнулся, но отпустил её, и они продолжили путь. Аргента по дороге мысленно перебирала необходимое оборудование. Обычно выездные исследования ограничивались стандартным набором для забора биологических образцов, однако нынешний случай требовал большей осторожности. Если Уилкинс действительно обладал способностью использовать чужие навыки, оставалось неизвестным, каким образом эти навыки были приобретены

и насколько устойчиво сохранялись. Не исключалось, что после смерти носителя все интересующие её изменения исчезнут, поэтому рассчитывать исключительно на посмертное исследование было бы неразумно. В лаборатории она первым делом проверила состояние приборов, оставленных работать без присмотра. Автоматическая обработка изображений продолжалась, а результаты последней серии уже поступили в рабочую папку. Аргента задержалась возле монитора ровно настолько, чтобы убедиться в отсутствии ошибок, после чего с некоторым сожалением закрыла программу. За сегодняшний вечер она успела приблизиться к решению задачи, которая занимала её последние месяцы, и необходимость оставить исследование на самом интересном месте по-прежнему раздражала. Впрочем, перспектива получить совершенно новый материал постепенно примиряла её с вынужденным перерывом.

Открыв шкаф с выездным оборудованием, Аргента достала небольшой металлический кейс. Внутри находились стерильные инструменты, контейнеры для образцов, портативный анализатор и несколько приспособлений, изготовленных по её собственным чертежам. Последние выглядели достаточно непримечательно, хотя сочетали достижения современной техники с принципами кровной алхимии, которые не преподавались ни в одном университете мира. Некоторые из этих устройств она предпочитала не показывать даже сотрудникам Хеллсинг. Не из опасения, что кто-нибудь сумеет воспроизвести их конструкцию, а потому, что объяснение принципов работы потребовало бы слишком много времени и неизбежно породило бы множество вопросов. Алукард расположился возле двери и наблюдал за приготовлениями с тем выражением, которое Аргента давно научилась распознавать как смесь терпения и откровенного веселья. Он никогда не разделял её любви к лабораторному оборудованию, хотя относился к научным занятиям с куда большим уважением, чем можно было предположить по его замечаниям.Ему довелось видеть, как некоторые из её исследований спасали жизни, а другие позволяли уничтожать противников, которых прежде считали практически неуязвимыми. Тем не менее необходимость возиться с контейнерами, приборами и документацией представлялась ему занятием, совершенно не соответствующим достоинствам настоящей охоты.

– Ты собираешься забрать всю лабораторию? – поинтересовался он, когда Аргента положила в кейс ещё один контейнер.

– Только то, что может понадобиться.

– В таком случае тебе потребуется грузовик.

– Если бы я действительно решила взять всё необходимое, государь, ты бы сейчас помогал мне упаковывать микроскоп.

Он рассмеялся, но больше не мешал. Аргента закончила приготовления, проверила герметичность контейнеров и закрыла кейс. Оставалось переодеться, поскольку нынешнее платье, хотя и вполне подходило для работы в лаборатории, совершенно не годилось для прогулок по ночному Уайтчепелу. Особенно если прогулка предполагала возможность столкновения с вооружённым вампиром. В собственных покоях она задержалась ненадолго. Выбор одежды для подобных случаев давно перестал представлять затруднение. Тёмные брюки, удобные сапоги, плотно сидящий жакет и лёгкое пальто позволяли свободно двигаться, не привлекая излишнего внимания. Впрочем, последнее было относительно. Даже при самом скромном гардеробе Аргента редко оставалась незамеченной, хотя в этом отношении ей было далеко до Алукарда, способного появиться посреди современного Лондона в красном плаще и широкополой шляпе с видом человека, совершенно уверенного в уместности собственного наряда.

Проверив крепления двух пистолетов, она застегнула пояс и взяла саблю. Оружие было старым, изготовленным задолго до появления большинства современных государств, но за прошедшие столетия не утратило ни прочности, ни способности причинять весьма серьёзные повреждения. Аргента предпочитала его многим более современным образцам, поскольку привычный баланс клинка позволял действовать почти без усилий. Впрочем, огнестрельное оружие тоже имело свои преимущества, особенно когда противник не желал подходить на рассто-

яние удара. Вернувшись в лабораторию, она обнаружила Алукарда возле окна. Он смотрел на тёмный парк, раскинувшийся перед особняком, и, судя по всему, успел окончательно соскучиться. При её появлении он обернулся, задержав взгляд на сабле и кобурах.

– Наконец-то.

– Я уложилась в обещанные пятнадцать минут.

– Семнадцать.

– Значит, ты провёл их с пользой, упражняясь в арифметике.

Он оскалился, обнажив клыки, и Аргента почувствовала знакомое предвкушение, которое всегда сопровождало их совместные вылазки. За последние годы подобных случаев стало значительно меньше. Обязанности Алукарда перед Хеллсинг, её собственные исследования и постоянные перемены в мире постепенно изменили привычный уклад жизни. Они по-прежнему проводили вместе немало времени, но возможность отправиться на охоту вдвоём доставляла особенное удовольствие, напоминая о временах, когда большая часть их существования состояла из путешествий, сражений и приключений, о которых теперь предпочитали не рассказывать в приличном обществе.

– Машина ждёт у главного входа, – сообщил Алукард.

– Интегра проявила редкую щедрость.

– Она велела передать, что если ты ещё раз назовёшь меня своим господином в её присутствии, то финансирование твоей лаборатории будет пересмотрено.

Аргента остановилась, искренне поражённая подобной угрозой. Затем рассмеялась, представив, с каким выражением Интегра отдавала это распоряжение. Впрочем, шутка могла оказаться не столь безобидной, как хотелось бы. Глава Хеллсинг обладала достаточной властью, чтобы осложнить жизнь любому сотруднику организации, а научные исследования Аргенты требовали весьма значительных расходов.

– Какое коварство, – заметила она. – Использовать достижения современной науки в качестве средства шантажа.

– Я предложил ей более простой способ.

– Не сомневаюсь, государь. И какой же?

– Запереть нас обоих в подвале.

Она рассмеялась и, подхватив кейс, направилась к выходу. Предстоящее задание обещало оказаться значительно интереснее обычной охоты, а перспектива провести ночь в компании Алукарда примиряла даже с необходимостью покинуть лабораторию. Впрочем, некоторые подробности продолжали вызывать беспокойство. Особенно странное поведение Уилкинса на записи и его требование вернуть утраченное имя. Если эти обстоятельства были связаны, объяснение могло оказаться куда неприятнее, чем предполагала Интегра. У главного входа действительно ожидал автомобиль. Водитель, молодой сотрудник оперативного подразделения, при виде Алукарда заметно напрягся, но сумел сохранить достаточно самообладания, чтобы открыть заднюю дверь. Аргента поблагодарила его и устроилась на сиденье, положив кейс рядом. Алукард последовал за ней, заняв большую часть свободного пространства с той непринуждённостью, которая неизменно вызывала у окружающих желание пересесть куда-нибудь подальше.

Когда машина тронулась, Аргента достала телефон и открыла присланную Интегрой запись валлийской речи. В салоне было достаточно тихо, чтобы разобрать отдельные слова, хотя качество звука оставляло желать лучшего. Мужской голос звучал хрипло, временами срываясь на почти бессвязное бормотание, но некоторые выражения произносились с удивительной отчётливостью. Она прослушала запись дважды, затем вернулась к началу и включила её ещё раз.

– Что-то не так? – спросил Алукард.

– Возможно. Мне не нравится, как он произносит некоторые слова.

– Валлийский?

– Да. Но не совсем тот, которым пользуются сейчас.

Аргента задумчиво провела пальцем по экрану. За свою долгую жизнь ей довелось слышать множество языков и диалектов, давно исчезнувших из повседневной речи. Некоторые она знала достаточно хорошо, другие помнила лишь по отдельным выражениям, но нынешняя запись вызывала смутное ощущение узнавания, которое пока не удавалось связать с определённым временем или местом.

– Он говорит так, словно выучил язык очень давно, – произнесла она наконец. – Или услышал его от человека, жившего несколько столетий назад.

Алукард протянул руку.

– Дай послушать.

Она передала ему телефон и устроилась удобнее, наблюдая за мелькавшими за окном огнями. Лондон постепенно погружался в ночную жизнь, и за стеклом сменялись освещённые витрины, остановки, редкие прохожие и потоки автомобилей. Аргента любила этот город, хотя за столетия он изменился до неузнаваемости. Иногда ей казалось, что от прежнего Лондона сохранились лишь отдельные улицы, несколько старых зданий и неизменная способность его жителей заниматься собственными делами, не обращая внимания на происходящие вокруг странности. Запись закончилась, но Алукард не сразу вернул телефон. Он включил её ещё раз, на этот раз внимательно прислушиваясь к последним словам. Аргента заметила, что его обычная насмешливость исчезла, уступив место сосредоточенности, которую она видела нечасто. Подобная перемена заставила её насторожиться сильнее, чем любые особенности произношения.

– Ты узнал что-нибудь? – спросила она.

Алукард посмотрел на экран, затем медленно повернул голову к ней.

– Возможно.

– Что именно?

Он вновь включил запись, остановив её на короткой фразе, произнесённой почти шёпотом. Аргента прислушалась, пытаясь разобрать слова, но голос оказался слишком тихим, а окружающий шум мешал различить окончания.

– Этого человека я знал, – произнёс Алукард.

Она повернулась к нему всем корпусом. За долгие годы ей довелось услышать от него немало историй о людях, встреченных в прошлом, и далеко не все эти истории заканчивались благополучно. Однако нынешнее признание прозвучало настолько неожиданно, что Аргента на мгновение забыла о собственных предположениях.

– Уилкинса?

– Нет, искра моя.

Алукард вернул ей телефон.

– Того, чьим голосом он говорит.

Аргента ещё несколько секунд смотрела на него, ожидая продолжения. Алукард, однако, устроился на сиденье с таким видом, будто только что сообщил нечто совершенно обыденное, и теперь с удовольствием наблюдал, как она пытается разобраться в услышанном. Подобная манера была ей хорошо знакома. Он обожал преподносить неприятные известия, предоставляя собеседнику самостоятельно оценивать их последствия, а если обстоятельства позволяли ещё и немного помучить любопытством, редко упускал такую возможность.

– Ты ведь понимаешь, что подобное признание требует некоторых пояснений? – спросила она, возвращая запись к началу.

– Неужели?

– Представь себе. Особенно когда речь идёт о человеке, который, судя по всему, умер задолго до рождения нашего грузчика.

Алукард усмехнулся, но на этот раз не стал немедленно отвечать. Он смотрел в окно, за которым проплывали освещённые фасады домов, и Аргента почувствовала, что за привычной насмешливостью скрывается нечто более серьёзное. Не тревога, во всяком случае, она не стала бы называть это тревогой. Скорее интерес, пробудившийся при неожиданном столкновении с давно забытым обстоятельством. За столетия совместной жизни ей доводилось наблюдать подобные перемены достаточно часто, чтобы не путать их с обычным предвкушением охоты.

– Его звали Мадог, – произнёс Алукард наконец. – Мадог ап Рис. Валлиец. Невысокий, тощий, с отвратительным характером и удивительным талантом оказываться там, где его меньше всего желали видеть.

– Ты описываешь половину своих прежних знакомых.

– Этот был особенно настырным.

Аргента улыбнулась, но не стала перебивать. Имя ничего ей не говорило, хотя за прошедшие века она успела познакомиться с немалым количеством людей, имевших отношение к прошлому Алукарда. Некоторые из них оставили заметный след в истории, другие исчезли настолько бесследно, что даже самые старательные хронисты не сохранили о них упоминаний. Мадог ап Рис, судя по всему, принадлежал ко второй категории.

– Когда ты его знал?

– В пятнадцатом веке. Он некоторое время служил человеку, который вообразил себя достаточно могущественным, чтобы торговаться со мной.

– И чем закончилась эта попытка?

– Плохо.

Ответ был произнесён с таким спокойствием, что Аргента предпочла пока не уточнять подробности. Она слишком хорошо представляла, что именно Алукард мог считать неудачным завершением переговоров, особенно в те времена, когда дипломатия в Восточной Европе отличалась известной прямотой. Гораздо важнее было выяснить, каким образом воспоминания о давно умершем валлийце оказались связаны с нынешним происшествием.

– Он был вампиром?

– Нет. Обыкновенный человек. Достаточно храбрый, чтобы не убежать при виде меня, и достаточно глупый, чтобы попытаться меня обмануть.

– Любопытное сочетание. Обычно такие люди живут недолго.

– Он и не прожил.

Алукард произнёс это без малейшего сожаления, и Аргента не стала требовать от него чувств, которых он, по всей вероятности, никогда не испытывал. Смерть Мадога произошла несколько столетий назад, в обстоятельствах, о которых она пока ничего не знала. Однако сам факт, что Алукард узнал его речь, заслуживал внимания. За столь долгое время человеческие голоса стирались из памяти даже у существ, способных сохранять воспоминания с необычайной точностью. Если же он различил не только язык, но и особенности произношения, значит, знакомство оставило достаточно сильное впечатление.

– Ты уверен, что это именно его голос?

– Я помню, как он говорил.

– Это не совсем одно и то же, государь. Люди могут обладать похожими голосами, особенно если запись плохого качества. Кроме того, ты сам сказал, что прошло несколько столетий.

Алукард повернулся к ней, и Аргента почувствовала знакомое предупреждение ещё прежде, чем он заговорил. Ему не нравилось, когда его память подвергали сомнению, особенно в вопросах, связанных с прошлым. Впрочем, она никогда не считала это достаточным основанием для отказа от научной осторожности.

– Я помню его, искра моя.

– Тогда расскажи, что именно ты услышал.

Он протянул руку, и Аргента вновь передала телефон. На этот раз Алукард не стал прослушивать запись целиком, а сразу переместил её к последним секундам. Из динамика донёсся хриплый голос, произнёсший несколько слов на валлийском, после чего последовал короткий всплеск помех.

– Вот это, – сказал он.

Аргента прислушалась. Фраза была слишком короткой, чтобы уверенно судить о диалекте, но теперь, когда внимание оказалось сосредоточено именно на ней, удалось различить несколько слов. Человек требовал вернуть ему имя, однако произносил это не как просьбу. Скорее как приказ, обращённый к кому-то, кого он считал обязанным подчиниться.

– Что в ней особенного?

Алукард усмехнулся, но веселья в этом выражении Аргента не уловила.

– Он кричал её, когда умирал.

На несколько мгновений она забыла о телефоне. Не потому, что подобное признание могло её потрясти. За столетия жизни Аргента слышала достаточно предсмертных слов, чтобы перестать придавать им мистическое значение. Однако совпадение выглядело слишком точным. Если человек, умерший пятьсот лет назад, действительно произнёс эту фразу в присутствии Алукарда, а теперь её повторял новообращённый вампир, никогда не имевший отношения к валлийцу, объяснение требовалось куда более серьёзное, чем случайное сходство голосов.

– И что ты ему ответил?

Алукард посмотрел на неё с неожиданным интересом.

– Ничего.

– Совсем?

– Он уже не мог меня услышать.

Аргента опустила взгляд на экран. Её занимало не столько содержание давнего разговора, сколько сама возможность передачи подобного воспоминания. Человеческий мозг хранил информацию в сложнейших взаимодействиях нервных клеток, и никакая известная биологическая структура крови не могла непосредственно воспроизводить чужую речь вместе с интонациями, привычками и эмоциональными оттенками. Вампирская природа, разумеется, нарушала множество привычных представлений о физиологии, однако даже здесь существовали определённые закономерности. Если Уилкинс действительно получил доступ к воспоминаниям Мадога, требовалось выяснить, каким образом они сохранились после смерти первоначального владельца и кто сумел перенести их в другое существо. Особенно неприятным представлялось то, что передавались, по-видимому, не отдельные образы, а целые комплексы приобретённых навыков. Умение фехтовать, особенности речи, привычные движения и, возможно, даже эмоциональные реакции. Подобное вмешательство затрагивало саму основу личности, превращая человека в носителя чужого опыта. Аргента уже сталкивалась с попытками изменить память при помощи крови, но прежние опыты никогда не давали столь убедительных результатов. Большинство заканчивалось тяжёлыми нарушениями поведения, потерей ориентации или гибелью испытуемого.

– Мадог был хорошим фехтовальщиком? – спросила она.

– Нет.

Ответ заставил её нахмуриться.

– Совсем?

– Он умел держать меч за правильный конец. Иногда этого хватало.

Аргента невольно рассмеялась, хотя мысль, возникшая у неё, была далеко не забавной. Если Уилкинс демонстрировал навыки нескольких совершенно разных людей, а голос принадлежал третьему, значит, речь могла идти не об одном доноре. Она вновь вспомнила запись из антикварного магазина, особенно странные переходы между различными манерами боя.

Возможно, то, что первоначально показалось ей необычайным мастерством одного человека, представляло собой сочетание навыков нескольких носителей.

– Значит, мы ищем не одного покойника, – произнесла она задумчиво. – И, вероятно, не двух.

– Сколько тебе нужно?

– Пока не знаю. Но если твой валлиец действительно имеет отношение к происходящему, придётся выяснить, кто ещё оказался в этой компании.

Алукард рассмеялся, и Аргента почувствовала, как его настроение вновь меняется. Возможность столкнуться с противником, обладавшим чужими способностями, очевидно, нравилась ему всё больше. Для неё же ситуация приобретала совершенно иной смысл. Чем дольше она размышляла над услышанным, тем сильнее становилось подозрение, что перед ними результат целенаправленного вмешательства, причём выполненного человеком или существом, обладавшим весьма глубокими знаниями о природе вампирской крови. Машина свернула на узкую улицу, где старые кирпичные дома теснились между небольшими магазинами и закусочными. Вечерняя жизнь здесь ещё не затихла. Возле пабов стояли компании молодых людей, из открытых дверей доносилась музыка, а редкие прохожие торопились по своим делам, не подозревая, что где-то поблизости скрывается существо, способное за несколько минут расправиться с вооружённым отрядом.

Водитель сообщил, что до предполагаемого местонахождения подозреваемого осталось около десяти минут. Аргента убрала телефон и проверила крепления оружия. Сабля лежала рядом с кейсом, пистолеты оставались в кобурах, а под одеждой находились несколько небольших ампул, содержимое которых могло пригодиться в случае, если обычные средства окажутся недостаточно эффективными. Впрочем, применять их без необходимости она не собиралась. Некоторые алхимические составы действовали слишком разрушительно, чтобы использовать их против существа, которое предполагалось доставить в лабораторию живым.

– Государь, – произнесла она, повернувшись к Алукарду, – у меня появилась ещё одна просьба.

– Ещё одна?

– Постарайся не разговаривать с ним до того, как я выясню, насколько он способен контролировать собственные воспоминания.

– Боишься, что я напугаю твоего нового любимца?

– Боюсь, что он узнает тебя.

Алукард некоторое время смотрел на неё, затем медленно оскалился.

– Вот теперь, искра моя, ты начинаешь меня заинтересовывать.

Аргента не ответила. Она смотрела на огни Уайтчепела, приближавшиеся за окном, и пыталась представить, что произойдёт, если существо, собранное из чужих воспоминаний, встретит человека, которого один из его прежних владельцев знал при жизни. Возможно, ничего. Возможно, оно просто не поймёт, почему незнакомое лицо вызывает странные чувства. Но если переданные воспоминания сохраняли не только сведения, но и связанные с ними реакции, встреча могла оказаться непредсказуемой. Именно поэтому ей хотелось первой поговорить с Уилкинсом. Не как с противником, которого необходимо уничтожить, а как с существом, чья собственная личность, возможно, уже начала исчезать под тяжестью чужого прошлого. Впрочем, прежде следовало его найти.

Автомобиль остановился возле неприметного кирпичного здания, в котором когда-то располагалась небольшая типография. Теперь первый этаж занимала мастерская по ремонту бытовой техники, а верхние, судя по заколоченным окнам и облупившейся вывеске, давно пустовали. За углом тянулся узкий проезд, заставленный мусорными контейнерами. Оттуда доносились запахи сырости, старого масла и гниющих овощей, к которым примешивалось нечто более интересное.

Кровь.

Аргента почувствовала её ещё до того, как водитель заглушил двигатель. Запах был слабым, но свежим, и исходил он не из мастерской. Где-то в глубине проезда недавно пролилась кровь, причём достаточно много, чтобы даже влажный лондонский воздух не успел уничтожить её следы.

– Насколько надёжны сведения о его местонахождении? – спросила она, открывая кейс.

– Последний сигнал поступил двенадцать минут назад, мэм, – ответил водитель. – Наблюдатели видели мужчину, соответствующего описанию. Он вошёл в здание через заднюю дверь. С тех пор никто не выходил.

– Наблюдатели?

– Двое наших сотрудников. Они находятся на соседней улице.

Аргента достала небольшой прибор, проверила заряд и убрала его во внутренний карман пальто. Затем взяла саблю, поправила перевязь и вышла из машины. Ночной воздух оказался прохладным, с мелкой моросью, едва различимой в свете фонарей. На противоположной стороне улицы несколько молодых людей курили возле закрытого магазина, не обращая на прибывших никакого внимания. Обычная городская жизнь продолжалась своим чередом, и Аргента невольно подумала, что человечество обладало удивительной способностью не замечать опасности до тех пор, пока та не начинала непосредственно пожирать его представителей. Алукард выбрался следом и остановился рядом, с явным удовольствием оглядывая окрестности. Красный плащ совершенно не сочетался с обстановкой Уайтчепела, зато сам его обладатель выглядел так, словно именно здесь намеревался провести самый приятный вечер за последние несколько месяцев.

– Чувствуешь? – спросила Аргента.

– Разумеется.

– Свежая кровь. И довольно много.

– Кто-то уже начал без нас.

В его голосе прозвучало недовольство, настолько искреннее, что Аргента не удержалась от улыбки. Она прекрасно понимала, что речь идёт не о жалости к возможной жертве. Алукард просто не любил опаздывать к хорошему сражению, особенно когда предполагал, что противник способен оказать достойное сопротивление.

– Возможно, наш приятель проголодался, – заметила она. – После обращения это случается.

Они свернули в проезд. Под ногами хрустели осколки стекла, вода собиралась в выбоинах асфальта, а вдоль стены тянулись ржавые трубы, из которых время от времени падали тяжёлые капли. Аргента шла первой, внимательно прислушиваясь к звукам здания. За кирпичной кладкой ощущалось слабое движение, слишком нерегулярное для работающего механизма. Кто-то перемещался по верхнему этажу, временами останавливаясь, словно прислушивался к происходящему снаружи. У задней двери обнаружился первый труп. Мужчина лет сорока лежал на боку, прижав одну руку к животу. Куртка пропиталась кровью, а рядом валялась связка ключей. Судя по одежде, он мог оказаться сторожем или случайным посетителем мастерской. Аргента присела возле тела, осторожно коснулась шеи и убедилась, что помочь уже невозможно. Кровь ещё сохраняла тепло, однако сердце остановилось несколько минут назад.

– Не больше четверти часа, – произнесла она, осматривая рану. – И убили его не ради пищи.

Алукард остановился рядом.

– Откуда знаешь?

– Он потерял слишком много крови, но почти вся она осталась здесь. Нашему другу, похоже, больше нравится убивать, чем питаться.

Повреждение выглядело странно. Рана была глубокой, но её края не соответствовали обычному ножевому удару. Аргента осторожно раздвинула ткань куртки и обнаружила несколько параллельных разрывов, словно кто-то пытался проникнуть внутрь тела пальцами. Подобное случалось при нападениях новообращённых, ещё не научившихся соизмерять силу движений, однако в данном случае повреждения были нанесены с неприятной точностью. Она достала небольшой стерильный тампон, взяла образец крови с края раны и убрала его в контейнер. Не исключалось, что среди следов окажется биологический материал нападавшего. После этого поднялась, стараясь не наступить в лужу возле порога.

– Мне всё меньше нравится наш грузчик, – заметила она.

– А мне всё больше.

Алукард произнёс это с откровенным удовольствием, и Аргента не стала спорить. Его интерес к опасным противникам давно перестал удивлять её, хотя порой доставлял немало хлопот. Впрочем, нынешний случай обещал оказаться занимательным и для неё самой. Если Уилкинс действительно использовал чужие навыки, то способ убийства мог свидетельствовать о том, что приобретённые способности проявлялись не только в обращении с оружием. Дверь оказалась незапертой. За ней начинался узкий коридор, освещённый единственной лампой под потолком. На полу виднелись следы грязной обуви, а возле лестницы лежал опрокинутый стул. Из глубины здания доносился тихий металлический стук, повторявшийся через неравные промежутки времени.

Аргента остановилась, прислушиваясь. Звук напоминал удары небольшого предмета о железную поверхность, но в нём угадывался определённый ритм. Три коротких удара, пауза, ещё два, затем продолжительный скрежет. Возможно, кто-то возился с замком или пытался открыть металлический шкаф. Однако после третьего повторения она поняла, что стук слишком размеренный для случайной работы.

– Слышишь? – спросила она вполголоса.

– Да.

– Он что-то делает.

– Похоже, ждёт.

Алукард шагнул вперёд, и Аргента заметила, как его настроение изменилось. Прежняя ленивость исчезла, движения стали собранными, а внимание полностью сосредоточилось на происходящем наверху. Она знала эту перемену достаточно хорошо, чтобы не мешать. Когда Алукард действительно вступал в охоту, все привычные насмешки и театральные жесты могли исчезнуть в одно мгновение, уступив место холодной, почти безжалостной точности. Поднимаясь по лестнице, Аргента держала руку возле рукояти сабли. Деревянные ступени скрипели под ногами, но скрывать приближение они не пытались. Если Уилкинс обладал хотя бы частью способностей настоящего вампира, он давно почувствовал их присутствие. Вопрос заключался лишь в том, собирался ли он бежать, нападать или попытаться вступить в разговор.

На втором этаже обнаружился длинный коридор с несколькими закрытыми дверями. Из-под одной из них пробивался тусклый свет, и именно оттуда доносился металлический стук. Аргента остановилась возле стены, прислушиваясь к звукам внутри. Помимо ударов слышалось тяжёлое дыхание, временами переходившее в тихое бормотание. Валлийский. Она не сразу разобрала слова, но характерное звучание языка узнала без труда. Голос принадлежал мужчине, однако теперь он казался гораздо ниже, чем на записи. Временами бормотание прерывалось короткими вскриками, после которых следовало несколько секунд тишины. Аргента посмотрела на Алукарда. Тот стоял неподвижно, слегка склонив голову, и слушал с таким вниманием, что она почувствовала невольное беспокойство. Впервые за весь вечер происходящее, по-видимому, заинтересовало его не только как возможность хорошей драки.

– Подожди здесь, – прошептала она. – Я попробую поговорить с ним.

– Нет.

Ответ прозвучал негромко, но настолько категорично, что Аргента повернулась к нему.

– Государь, мы ведь договорились.

– Ты договорилась. Я слушал.

Она едва не рассмеялась, однако вовремя вспомнила, что за дверью находится существо, способное за несколько минут убить нескольких вооружённых людей. Спорить с Алукардом посреди коридора представлялось занятием не только бесполезным, но и потенциально опасным. Вместо этого Аргента приблизилась к нему и положила ладонь на предплечье.

– Мне нужно услышать, что он скажет, прежде чем увидит тебя. Если он действительно носит чужие воспоминания, твоё появление может вызвать непредсказуемую реакцию.

– Именно поэтому я и хочу войти.

– А я хочу получить ответы, прежде чем ты начнёшь выяснять, насколько хорошо он умеет сражаться.

Алукард усмехнулся, но не отстранился. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, и Аргента прекрасно понимала, что убедить его будет непросто. Впрочем, она не собиралась отступать. Возможность наблюдать поведение Уилкинса до встречи с Алукардом представлялась слишком ценной, чтобы пожертвовать ею ради его нетерпения.

– Пять минут, мой господин, – произнесла она мягче. – Всего пять минут. Если он нападёт, ты получишь свою охоту.

– А если не нападёт?

– Тогда я получу своего пациента.

Алукард рассмеялся, но на этот раз в его смехе слышалось нечто более мрачное.

– Ты слишком любишь подбирать сломанные игрушки, искра моя.

– А ты слишком любишь их ломать.

Он наклонился ближе, и Аргента почувствовала, как его пальцы коснулись её подбородка.

– Пять минут, – произнёс он. – Но если он попробует причинить тебе вред, я войду. И тогда не проси меня быть нежным.

Она улыбнулась, прекрасно понимая, что последнее предупреждение относится скорее к Уилкинсу, чем к ней.

– Договорились, государь.

Аргента осторожно приблизилась к двери и постучала. Металлический стук внутри мгновенно прекратился. Несколько секунд стояла тишина, затем раздался шорох, словно кто-то медленно поднялся с пола.

– Томас Уилкинс? – позвала она по-английски. – Меня зовут Аргента Батори. Я врач. Мне нужно с вами поговорить.

Ответа не последовало, но она отчётливо услышала, как мужчина приблизился к двери. Его дыхание стало неровным, а затем раздался тихий голос, произнёсший несколько слов на валлийском. Аргента узнала фразу из записи. Он требовал вернуть ему имя.

– Я не знаю, кто его забрал, – ответила она на валлийском, стараясь говорить спокойно. – Но, возможно, сумею помочь вам вспомнить.

За дверью что-то тяжело упало. Послышался скрежет, затем короткий, болезненный стон. Аргента почувствовала, как напряжение в коридоре усиливается, и невольно положила руку на рукоять сабли.

– Кто ты? – спросил мужчина.

Теперь он говорил по-английски, но голос звучал совершенно иначе. Исчезла хрипота, изменилось произношение, а интонации приобрели резкость, которой прежде не было. Аргента с неприятным изумлением поняла, что слышит не просто смену языка. Перед ней словно находился другой человек.

– Аргента Батори, – повторила она. – Я пришла помочь вам.

Из-за двери донёсся короткий смешок.

– Батори?

Он произнёс фамилию с таким выражением, что Аргента почувствовала внезапный холод. Не страх, скорее настороженность, вызванную совершенно неожиданной реакцией. Уилкинс мог слышать её имя раньше, однако в его голосе прозвучало узнавание, слишком личное для случайного знакомства.

– Ты из тех Батори? – спросил он.

Аргента медленно выпрямилась.

– Смотря кого вы имеете в виду.

За дверью вновь раздался смех, теперь более громкий, почти истерический. Мужчина что-то пробормотал на незнакомом языке, затем резко ударил по двери изнутри. Дерево треснуло, и Аргента отступила на шаг, обнажая саблю.

– Кровь, – произнёс Уилкинс. – Я помню кровь.

Последовавший удар сорвал дверь с петель. Аргента успела увидеть только мелькнувшую фигуру и блеск металла. Клинок ударил туда, где мгновение назад находилась её шея, но она уже сместилась в сторону, пропуская противника мимо. Сабля встретила чужое оружие с резким звоном, и от силы столкновения по руке прошла неприятная дрожь. Уилкинс двигался значительно быстрее, чем можно было предположить по записи, а его первый выпад отличался такой точностью, что Аргента сразу поняла, насколько опасным окажется противник. Он развернулся, не теряя равновесия, и вновь атаковал. Теперь удар был нанесён совершенно иначе, с широким движением корпуса и неожиданной сменой направления. Аргента парировала его, отступила и почувствовала, как клинок скользнул по рукаву пальто, оставив длинный разрез.

– Томас! – крикнула она. – Послушайте меня!

Ответом стал третий выпад. На этот раз Уилкинс попытался обойти её защиту движением, которое Аргента узнала слишком поздно. Она успела отвести клинок, но противник уже оказался рядом, и его свободная рука метнулась к её горлу. Пришлось резко отступить, одновременно ударив его эфесом в лицо. Хрустнула кость, мужчина пошатнулся, однако почти сразу выпрямился, словно повреждение не причинило ему ни малейшего неудобства. За спиной Аргенты раздался знакомый смех.

– Пять минут, искра моя? – произнёс Алукард. – Боюсь, твой пациент не умеет считать.

Она не успела ответить. Уилкинс вдруг замер, уставившись куда-то поверх её плеча. Изуродованное лицо исказилось, губы задрожали, а пальцы, сжимавшие оружие, разжались настолько, что клинок едва не выпал на пол.

– Нет, – прошептал он.

Аргента почувствовала, как за её спиной Алукард медленно приблизился.

– Нет... – повторил Уилкинс, пятясь. – Ты мёртв.

Голос снова изменился. Теперь он звучал так же, как на записи, с теми самыми валлийскими интонациями, которые Алукард узнал ещё в машине.

– А вот ты, – произнёс Алукард с явным удовольствием, – похоже, никак не можешь решить, каким хочешь быть.

Уилкинс издал пронзительный крик и бросился на него. Первый удар пришёлся Алукарду в грудь. Шпага вошла глубоко, пробив красную ткань плаща и чёрный сюртук под ним. Уилкинс вложил в выпад всю силу, на какую было способно его новое тело, и, судя по тому, как уверенно продолжил движение, рассчитывал закончить схватку прежде, чем противник успеет ответить. Для обычного человека расчёт был бы вполне разумным. Для вампира, который за свою жизнь пережил куда более неприятные способы умерщвления, подобная предусмотрительность представляла скорее повод для веселья.

– Хорошо! – рявкнул Алукард, схватив клинок голой рукой. – Ещё!

Уилкинс попытался выдернуть оружие, но сталь оказалась зажата намертво. На мгновение его лицо исказилось от усилия, затем он неожиданно отпустил рукоять и ударил Алукарда ногой в колено. Приём был выполнен безупречно, с коротким разворотом корпуса и точным переносом веса. Не дожидаясь результата, нападавший отскочил к стене, сорвал с крюка тяжёлую металлическую цепь и хлестнул ею по лицу противника. Звон ударившегося о каменную кладку железа заглушил смех Алукарда. Цепь рассекла воздух, выбив из стены облако штукатурной пыли, а Уилкинс уже двигался следом, не оставляя времени на ответ. Несколько стремительных ударов заставили Аргенту отступить к лестнице, чтобы не оказаться между двумя сражающимися. Противник менял дистанцию с пугающей лёгкостью, словно в его распоряжении находился не один набор выученных движений, а целая коллекция боевых привычек, каждая из которых включалась при подходящих обстоятельствах.

Именно это и завораживало. Первые два удара цепью принадлежали человеку, привыкшему обращаться с гибким оружием. Третий оказался грубым, почти неумелым, зато следующий сопровождался ловким захватом, позволившим бы опутать противнику руку, если бы тот пожелал подставиться. Различия были слишком заметными, чтобы списать их на случайность. Уилкинс не просто пользовался чужими приёмами. Временами он словно забывал, каким оружием располагает и против кого сражается. Алукард поймал цепь, обмотал её вокруг запястья и дёрнул. Уилкинс пролетел через коридор, врезался спиной в стену и обрушил на себя половину старой штукатурки. Не успели осыпаться первые обломки, как он оттолкнулся от кирпичной кладки, перевернулся в воздухе и приземлился на ноги. Из разбитого носа текла кровь, нижняя челюсть заметно сместилась, но движения оставались быстрыми и точными.

– Вот это уже лучше! – Алукард выдернул шпагу из собственной груди и с презрительной небрежностью отбросил её. – Покажи, чему ещё тебя научили.

Уилкинс оскалился. Из его горла вырвался хриплый звук, в котором Аргента с удивлением различила несколько слов на незнакомом языке. Голос был высоким, почти мальчишеским, и совершенно не подходил грузному мужчине с окровавленным лицом. Затем противник внезапно изменил стойку, прижал локти к корпусу и бросился вперёд, нанося короткие удары, рассчитанные на поражение горла и суставов. Алукард позволил ему приблизиться. Первый удар пришёлся в шею, второй раздробил несколько рёбер, третий, направленный в висок, заставил голову вампира резко повернуться. Аргента видела, как Уилкинс наращивает темп, пользуясь каждым мгновением мнимого преимущества, и понимала, что обычный противник давно лежал бы на полу с переломанными костями. Однако Алукард даже не пытался защищаться. Он принимал удары с таким удовольствием, словно присутствовал на представлении, которое наконец начало оправдывать стоимость билета.

– Слишком медленно, – произнёс он, когда Уилкинс в очередной раз попытался достать его горло.

Ответом стал яростный рык. Нападавший развернулся и нанёс удар ногой, способный снести человеку голову. Алукард перехватил его за голень, поднял над полом и с размаху швырнул в противоположную стену. Кирпичная кладка не выдержала. С грохотом обрушилась часть перегородки, открыв проход в соседнее помещение. Среди облака пыли посыпались обломки досок, старые коробки и остатки мебели. Аргента прикрыла лицо рукавом, спасаясь от известковой крошки, и с раздражением подумала, что при таком обращении с исследовательским материалом обещание доставить его живым вскоре приобретёт весьма условный смысл.

– Государь! – окликнула она. – Я просила сохранить мне пациента, а не размазать его по всему зданию!

– Он ещё жив, искра моя!

Из пролома донёсся оглушительный треск. Уилкинс вырвал из пола металлическую трубу и обрушил её на голову Алукарда, который успел шагнуть следом. Удар оказался настолько сильным, что железо согнулось, а противник на мгновение исчез в облаке пыли.

– Пока жив! – уточнила Аргента, пробираясь через обломки.

За разрушенной стеной находилось помещение, некогда служившее складом. Высокие окна были заколочены фанерой, вдоль стен тянулись пустые стеллажи, а посреди комнаты стоял массивный верстак, заваленный ржавыми инструментами. В слабом свете аварийной лампы всё выглядело серым и грязным, за исключением крови, ярко выделявшейся на полу и обломках кирпича. Уилкинс пятился к окну. В его движениях появилась неровность, которой прежде не было. Он несколько раз резко повернул голову, словно пытался прислушаться к голосам, недоступным остальным, и вдруг принялся что-то бормотать, хватаясь свободной рукой за висок.

Аргента остановилась у пролома. Поведение противника менялось слишком быстро, чтобы объяснить его исключительно полученными повреждениями. Мгновение назад он действовал с поразительной точностью, теперь же с трудом удерживал равновесие и, похоже, переставал понимать, где находится. Даже взгляд его сделался рассеянным, а губы продолжали произносить обрывки слов на разных языках.

– Томас! – позвала она.

Мужчина вздрогнул. На мгновение его лицо приобрело выражение такого неподдельного ужаса, что Аргента почувствовала неприятный укол сочувствия.

– Помогите, – прохрипел он. – Пожалуйста... Я не знаю, что со мной...

Голос принадлежал уже не валлийцу и не тому неизвестному, который только что сражался с Алукардом. Перед ней стоял испуганный человек, едва способный связно говорить. Он оглядывался по сторонам, словно впервые увидел разрушенное помещение, и с растущим ужасом рассматривал собственные окровавленные руки.

– Они не замолкают, – прошептал Уилкинс. – Я слышу их всё время. Они говорят... Они заставляют меня...

Аргента сделала осторожный шаг вперёд. За её спиной Алукард уже освободился от обломков и наблюдал за происходящим с явным интересом, но пока не вмешивался. Возможность получить хотя бы несколько связных ответов представлялась слишком ценной, чтобы упускать её ради поспешности.

– Кто заставляет вас, Томас?

– Я не знаю. Они все здесь. Я помню то, чего никогда не видел. Людей, которых не знаю. Какой-то дом... Женщину... Господи, я помню, как она умирает, но это не я её убил!

Он судорожно схватился за голову. Пальцы впились в волосы, по лицу потекли слёзы, смешиваясь с кровью. Аргента видела, как мучительно он пытается удержать собственные мысли, и впервые за весь вечер по-настоящему пожалела несчастного. Превратить человека в сосуд для чужих воспоминаний было жестокостью особого рода. Тело могло выдержать невероятные нагрузки, но разум, вынужденный одновременно переживать несколько чужих жизней, рано или поздно должен был начать разрушаться.

– Послушайте меня, Томас. Я могу помочь, но вам нужно успокоиться. Сосредоточьтесь на моём голосе и постарайтесь вспомнить, что произошло до вашего обращения.

Уилкинс поднял голову. На несколько секунд его дыхание выровнялось, и Аргента позволила себе осторожную надежду. Если удастся удержать его внимание достаточно долго, возможно, получится выяснить хотя бы обстоятельства превращения. Впрочем, надежда оказалась преждевременной.

– Батори, – произнёс он.

Голос вновь изменился. Исчезли испуг и растерянность, а вместо них появилась холодная, почти презрительная уверенность. Уилкинс медленно выпрямился, опустил руки и посмотрел на неё с выражением, которое заставило Аргенту насторожиться сильнее, чем все предыдущие попытки нападения.

– Я знаю эту кровь.

Последние слова прозвучали на языке, которого она не слышала уже очень давно. Аргента почувствовала, как внутри поднимается холодное раздражение. Не страх, хотя обстоятельства вполне оправдывали бы подобное чувство. Гораздо неприятнее оказалось узнавание. Произношение, выбор слов, сама манера строить фразу принадлежали эпохе, когда семейство Батори ещё обладало властью, достаточной для того, чтобы его имя произносили с почтением или ненавистью, но редко с равнодушием.

– Кто вы? – спросила она на том же языке.

Уилкинс усмехнулся.

– Ты должна помнить.

Он сделал шаг вперёд, и Аргента заметила, как изменилось положение его рук. Плечи опустились, корпус слегка развернулся, а вес тела переместился на заднюю ногу. Подобную стойку она знала слишком хорошо. Ей доводилось видеть её в исполнении людей, обучавшихся фехтованию при дворах Восточной Европы, где мастерство владения клинком нередко определяло продолжительность жизни гораздо надёжнее, чем происхождение или богатство.

– Назовите себя, – потребовала она.

– Кровь не забывает.

Уилкинс бросился вперёд.

На этот раз нападение оказалось настолько неожиданным, что Аргента едва успела обнажить саблю. Противник подхватил с верстака длинный стальной прут и нанёс стремительный удар, направленный в грудь. Она отвела его в сторону, одновременно смещаясь к стене, но следующий выпад последовал без малейшей задержки. Металл звякнул о металл, искры посыпались на грязный пол, и Аргента почувствовала, как знакомый ритм боя постепенно вытесняет все посторонние мысли. Уилкинс двигался теперь совершенно иначе. Исчезла грубая сила новообращённого, исчезли резкие смены приёмов, столь заметные в начале схватки. Перед ней находился фехтовальщик, привыкший к определённой школе и владевший ею с такой уверенностью, что каждое движение естественно продолжало предыдущее. Даже использование неподходящего оружия не мешало ему сохранять привычную технику.

Аргента встретила очередной удар, развернулась и провела короткую атаку в плечо. Клинок рассёк ткань куртки и вошёл в плоть, но противник лишь отступил на полшага, после чего вновь попытался достать её остриём прута. Пришлось уйти в сторону, пропуская удар мимо корпуса, и воспользоваться открывшейся возможностью, чтобы рассечь ему предплечье. Кровь брызнула на пол.

Именно этого Аргента и добивалась. Отступив к верстаку, она позволила противнику сделать ещё один выпад, затем резко опустилась ниже линии удара и свободной рукой коснулась свежей раны. На пальцах осталась кровь, горячая и густая, с тем особенным привкусом чужой силы, который невозможно было спутать с обычной человеческой кровью. Мир вокруг на мгновение изменился.

Не исчез и не погрузился во тьму. Просто привычные ощущения уступили место другим, гораздо более глубоким и неприятным. Кровь Уилкинса была переполнена чужими следами, настолько многочисленными и беспорядочно переплетёнными, что Аргента едва сумела различить отдельные отголоски. Обрывки страха, ярости, боли, странные ощущения чужих тел, воспоминания о местах, которых она никогда не видела. Всё это обрушилось одновременно, словно кто-то распахнул двери нескольких десятков комнат, в каждой из которых люди кричали на разных языках.

Пришлось немедленно разорвать контакт. Аргента отшатнулась, с трудом удержав равновесие. На долю мгновения она потеряла из виду противника, и этого оказалось достаточно. Стальной прут ударил её в бок, пробив пальто и скользнув между рёбрами. Боль вспыхнула резко, обжигающе, но куда неприятнее оказалось ощущение чужой крови, всё ещё оставшейся на пальцах. Уилкинс попытался выдернуть оружие для следующего удара.

Не успел. Чёрная тень метнулась через помещение, и Алукард оказался рядом прежде, чем Аргента сумела отступить. Его рука сомкнулась на горле противника, оторвала от пола и с чудовищной силой впечатала в стену. Кирпичи треснули, сверху посыпалась штукатурка, а металлический прут выпал из пальцев Уилкинса и с грохотом покатился по полу.

– Я предупреждал тебя, искра моя.

Голос Алукарда звучал негромко, почти ласково, но Аргента слишком хорошо знала эту интонацию. Ещё мгновение, и от её драгоценного пациента действительно останется лишь материал для посмертного исследования.

– Государь, – произнесла она, прижимая ладонь к ране, – не смей его убивать.

Алукард даже не повернул головы. Он держал Уилкинса за горло, позволяя тому беспомощно дёргаться, и с явным удовольствием наблюдал, как попытки освободиться становятся всё слабее.

– Он тебя ранил.

– Я заметила.

– Тогда почему он ещё жив?

Аргента выдернула из раны обломившийся конец прута и с раздражением отбросила его. Повреждение было неприятным, но далеко не смертельным, а восстановление уже началось. Гораздо больше её беспокоило то, что Алукард, по-видимому, решил воспользоваться случившимся как достаточным основанием для отмены всех прежних договорённостей.

– Потому что я попросила тебя сделать мне подарок, – ответила она, стараясь говорить спокойно. – И очень надеюсь, что мой господин не собирается отнимать его обратно при первом же удобном случае.

Он наконец повернулся к ней. За стёклами очков горели красные глаза, а на губах появилась улыбка, от которой большинство людей предпочло бы немедленно покинуть помещение.

– Ты просишь слишком многого, графиня.

– Зато редко.

– Лжёшь.

– Совершенно бессовестно. Но сейчас это не имеет значения.

Несколько мгновений Алукард смотрел на неё, затем рассмеялся и ослабил хватку. Уилкинс судорожно вдохнул, закашлялся и попытался что-то произнести, однако вместо слов из его горла вырвался лишь хрип. Аргента приблизилась, уже готовая воспользоваться краткой передышкой, когда заметила странную перемену. Лицо пленника постепенно расслабилось, судороги прекратились, а взгляд, прежде полный ярости, приобрёл неожиданную ясность. Он смотрел не на неё, а на Алукарда, и в этом взгляде появилось выражение, которого Аргента никак не ожидала увидеть. Узнавание.

– Господин... – прошептал Уилкинс на валлийском.

Алукард перестал смеяться.

– Мадог?

Имя прозвучало тихо, почти вопросительно. Аргента остановилась, чувствуя, как любопытство вновь вытесняет боль. Перед ней разворачивалось нечто совершенно невероятное. Человек, умерший пять столетий назад, словно на несколько мгновений получил возможность заговорить чужими устами. Уилкинс судорожно втянул воздух.

– Я не хотел... – произнёс он. – Клянусь, я не знал...

Алукард медленно приблизил лицо к пленнику.

– Чего ты не знал?

Мужчина задрожал. На его лице отразился такой ужас, что Аргента невольно вспомнила слова Алукарда о последней встрече с валлийцем. Если воспоминания действительно сохраняли связанные с ними чувства, то сейчас Уилкинс переживал нечто гораздо более страшное, чем обычный страх перед сильным противником.

– Они сказали... – прошептал он. – Они сказали, что ты мёртв...

Алукард оскалился.

– Как видишь, ошиблись.

Уилкинс закричал. Крик оборвался внезапно, словно кто-то перерезал невидимую нить. Его тело выгнулось, пальцы судорожно сжались, а из носа и рта хлынула густая тёмная кровь. Аргента почувствовала резкое изменение в том странном присутствии, которое уловила при прикосновении к его ране. Чужие воспоминания, ещё недавно беспорядочно переплетённые, словно начали разрушаться, увлекая за собой саму личность носителя.

– Алукард, отпусти его! – крикнула она.

Он разжал пальцы, и Уилкинс рухнул на пол. Аргента уже стояла рядом, опускаясь на колени и доставая из внутреннего кармана подготовленный контейнер. Кровь продолжала вытекать изо рта пленника, но теперь в ней появилось нечто необычное, едва заметное даже для вампирского зрения. Тёмные сгустки распадались прямо на глазах, словно происходило стремительное разрушение самой структуры крови. Она успела наполнить контейнер и закрыть его прежде, чем Уилкинс вновь забился в судорогах.

– Что с ним? – спросил Алукард.

– Не знаю. Но если это продолжится, он погибнет.

Аргента положила ладонь на грудь пленника, пытаясь определить, сохраняется ли у него хотя бы подобие устойчивого кровообращения. Сердце билось беспорядочно, с длинными паузами, а температура тела стремительно падала. Применять обычные методы помощи было бессмысленно. Требовалось вмешательство, способное остановить разрушение, но она пока не понимала его природы. Внезапно Уилкинс открыл глаза.

– Не отдавайте... – прошептал он.

Аргента наклонилась ближе.

– Кому?

Его губы дрогнули, пытаясь сложиться в слово. На мгновение показалось, что он сумеет ответить, но вместо этого из горла вырвался тихий стон.

– Кровь... не отдавайте ему кровь...

Тело обмякло. Аргента ещё несколько секунд пыталась восстановить хотя бы слабую реакцию, однако все усилия оказались бесполезны. Разрушение происходило слишком быстро, а вмешательство без понимания его механизма могло лишь ускорить гибель. В конце концов пришлось признать очевидное. Томас Уилкинс умер, так и не успев рассказать, кто превратил его в носителя чужих жизней. Она медленно поднялась, сжимая контейнер с образцом. Алукард стоял рядом и смотрел на тело с выражением, которое Аргента не сразу сумела определить. Прежнее веселье исчезло, уступив место сосредоточенности, почти суровой. Он не пытался скрыть разочарования, хотя причина его, вероятно, заключалась не только в преждевременной смерти противника.

– Я не убивал его, – произнёс он.

– Знаю.

– Тогда что произошло?

Аргента посмотрела на тёмную кровь, медленно растекавшуюся по полу. Её собственная рана почти затянулась, но неприятное ощущение от прикосновения к Уилкинсу всё ещё сохранялось. Слишком много чужих воспоминаний, слишком много следов, которые не могли принадлежать одному существу. И среди них было нечто ещё, едва различимое, но вызывавшее смутное чувство узнавания.

– Полагаю, государь, – ответила она, убирая контейнер в кейс, – кто-то очень не хотел, чтобы мы узнали, как устроен наш покойник.

Она вновь посмотрела на тело. Теперь, когда судороги прекратились, лицо Уилкинса выглядело почти мирным, словно смерть наконец избавила его от невыносимого шума чужих

голосов. Аргента опустилась рядом и осторожно коснулась его руки. Кожа уже холодела, но кровь ещё сохраняла следы того, что произошло. Возможно, их удастся прочитать. Возможно, часть воспоминаний исчезла вместе с носителем. Однако один вопрос теперь не давал ей покоя. Кто сумел собрать столько чужих жизней в одном человеке и зачем понадобилось возвращать к существованию тех, кто давно должен был оставаться мёртвым?

Смерть Уилкинса не принесла тишины. За стеной продолжала капать вода, где-то внизу дребезжала плохо закреплённая оконная рама, а в проломе между комнатами осыпалась штукатурка, потревоженная недавней схваткой. С улицы доносились голоса прохожих, не подозревавших, что над их головами только что разыгралась небольшая трагедия с участием нескольких давно умерших людей. Аргента расстегнула ворот пальто и осторожно ощупала место ранения. Плоть под пальцами уже восстановилась, оставив после себя неприятную ломоту и совершенно безнадёжно испорченную одежду. Сквозное отверстие в ткани раздражало её едва ли не сильнее самой раны. Пальто было новым, великолепно сидело и, что особенно досадно, приобретено после нескольких часов поисков, которые она предпочла бы потратить на что-нибудь более интересное.

– Ты испортил мне вечер, государь, – заметила она, разглядывая разорванный бок.

Алукард перевёл взгляд с покойника на неё.

– Я?

– Разумеется. Если бы ты не принялся развлекаться с нашим несчастным грузчиком, возможно, мне удалось бы получить от него несколько связных ответов.

– Он проткнул тебя железкой.

– И был за это наказан. Не вижу причин продолжать обсуждение.

Алукард приблизился, отстранил её руку и осмотрел повреждение. Аргента позволила ему убедиться, что рана затянулась, хотя выражение его лица обещало очередной спор. Впрочем, спорить он не стал. Вместо этого двумя пальцами подцепил край разорванной ткани, рассматривая дыру с таким видом, будто именно она представляла главное оскорбление.

– Хорошее пальто, – произнёс он.

– Было.

– Куплю тебе другое.

– Ты уже обещал мне новое после того, как предыдущее сгорело в Праге.

– И купил.

– Красное.

– Тебе шло.

Аргента рассмеялась. Воспоминание о пражском происшествии по-прежнему вызывало у неё смешанные чувства. Тогда они лишились гостиничного номера, двух чемоданов и большей части гардероба, зато приобрели несколько весьма ценных документов и одного чрезвычайно благодарного свидетеля, который впоследствии прожил ещё сорок лет исключительно благодаря тому, что вовремя решил сотрудничать. Алукард, разумеется, считал поездку исключительно удачной. Особенно потому, что пожар устроил собственноручно.

– На этот раз я выберу сама, – предупредила она.

– Как пожелаешь, искра моя.

Его ладонь задержалась у неё на талии, прежде чем он отступил. В иной обстановке Аргента, пожалуй, позволила бы себе воспользоваться возникшей близостью, но сейчас мысли занимало содержимое контейнера. Взятая кровь уже начинала менять цвет, и это обстоятельство требовало немедленного внимания. Она достала кейс, установила его на относительно чистый участок верстака и открыла отделение с образцами. Небольшая прозрачная ёмкость содержала всего несколько миллилитров крови, однако жидкость выглядела так, словно в ней происходила невидимая борьба. Тёмные сгустки медленно распадались, оставляя после себя мутноватые полосы, а на стенках контейнера появлялся тонкий осадок.

Аргента нахмурилась. При нормальных обстоятельствах подобные изменения можно было бы объяснить разрушением клеток, но здесь процесс развивался с совершенно неестественной скоростью. Даже вампирская кровь, лишённая связи с организмом, не должна была вести себя подобным образом. По крайней мере, не без внешнего воздействия.

– Что-то нашла? – спросил Алукард.

– Пока только новые неприятности. Материал разрушается, и мне не нравится, как быстро это происходит.

– Тогда забери ещё.

Он указал на тело. Предложение было разумным, хотя Аргента сомневалась, что кровь покойника окажется значительно лучше уже полученного образца. Тем не менее терять было нечего. Она достала стерильный шприц, приблизилась к Уилкинсу и осторожно ввела иглу в крупный сосуд на шее. Кровь набиралась медленно, значительно гуще обычного, но её всё ещё удалось получить в количестве, достаточном для нескольких исследований. Затем пришлось заняться тканями. Если разрушение происходило только в крови, образцы других органов могли сохранить сведения о первоначальном состоянии организма. Аргента предпочла бы проводить подобные манипуляции в нормальной лаборатории, а не посреди разгромленного склада, но обстоятельства редко проявляли уважение к требованиям научной методологии. Приходилось довольствоваться тем, что имелось под рукой, и надеяться, что условия транспортировки не испортят оставшийся материал.

Алукард наблюдал за её работой с явным любопытством. Подобные занятия никогда не вызывали у него отвращения, хотя терпения обычно хватало ненадолго. На этот раз он не торопил, возможно, потому, что сам пытался разобраться в случившемся. Аргента заметила, как несколько раз его взгляд возвращался к лицу Уилкинса, и невольно задумалась о том, насколько неприятной могла оказаться встреча с человеком, который заговорил голосом давно умершего знакомого.

– Ты действительно помнишь Мадога? – спросила она, закрывая очередной контейнер.

– Разумеется.

– Каким он был?

Алукард некоторое время рассматривал покойника, затем усмехнулся.

– Трусом, когда это было удобно. Храбрецом, когда становилось поздно бояться. Он любил деньги, хорошее вино и чужих женщин, но не умел обращаться ни с одним из этих удовольствий.

– Судя по описанию, человек был весьма занят.

– И весьма недолго.

Аргента улыбнулась, однако продолжила расспросы. Если воспоминания Мадога действительно оказались частью личности Уилкинса, следовало выяснить, при каких обстоятельствах валлиец умер и кто мог получить доступ к его останкам. Разумеется, спустя пять столетий подобные поиски представлялись почти безнадёжными, но в мире, где существовали вампиры и кровная алхимия, некоторые сведения сохранялись значительно дольше, чем предполагали историки.

– Где он умер?

– В Валахии.

– Это я уже поняла. Где именно?

Алукард назвал небольшое селение, название которого Аргента слышала лишь в старых хрониках. Она мысленно попыталась определить его положение, припоминая карты пятнадцатого века, но современная география этих мест изменилась настолько, что без дополнительных сведений установить точное местонахождение было затруднительно.

– Ты похоронил его?

Вопрос вызвал короткий смешок.

– Нет.

– Кто-нибудь похоронил?

– Возможно.

Аргента подняла на него взгляд. Подобные ответы раздражали её не столько своей краткостью, сколько очевидным нежеланием уточнять обстоятельства. Алукард прекрасно понимал, почему она спрашивает, но, по-видимому, не считал судьбу останков валлийца вопросом, заслуживающим особенного внимания.

– Государь, мне необходимо знать, где находилось тело после смерти. Если кто-то использовал его кровь или ткани, это могло иметь значение.

– Пятьсот лет назад?

– Именно. Ты ведь сам сказал, что узнал его голос.

Алукард усмехнулся, но на этот раз ответил без дальнейших уклонений.

– Его оставили у дороги. Через несколько дней там уже ничего не было.

Аргента задумалась. В пятнадцатом веке исчезновение тела само по себе не представляло ничего удивительного. Дикие животные, падальщики, местные жители, опасавшиеся болезней, могли уничтожить или перенести останки без всякого злого умысла. Однако теперь, когда речь шла о возможном сохранении чужих воспоминаний, даже столь давнее обстоятельство приобретало иной смысл. Она закончила упаковку образцов и закрыла кейс. Оставалось дождаться оперативной группы, которой предстояло забрать тело и осмотреть помещение. Интегра наверняка потребует подробного объяснения, почему подозреваемый, доставку которого живым она приказала обеспечить, умер прежде, чем покинул место обнаружения. Аргента уже представляла себе предстоящий разговор и с некоторым удовольствием думала о том, что на этот раз ответственность придётся разделить с Алукардом. Впрочем, Интегра, вероятно, найдёт способ обвинить обоих, причём каждого по отдельности.

– Нам следует сообщить о случившемся, – произнесла она.

Алукард достал телефон и набрал номер. Разговор оказался коротким. Аргента слышала раздражённый голос Интегры даже на расстоянии, хотя разобрать слова не могла. Судя по тому, как довольно усмехался Алукард, хозяйка Хеллсинг не ограничивалась формальными замечаниями.

– Он умер, – сообщил он в трубку. – Нет, я его не убивал. Да, графиня получила образцы. Нет, она тоже его не убивала.

Последовала пауза, во время которой Аргента успела проверить крепления контейнеров.

– Разумеется, хозяйка. Мы оба совершенно невиновны.

Он отключил связь прежде, чем Интегра успела ответить.

– Что она сказала? – поинтересовалась Аргента.

– Что ждёт нас немедленно.

– И?

– Что если я ещё раз приведу тебя на задание, она прикажет тебе остаться в лаборатории.

Аргента подняла брови.

– Какое необычайное проявление заботы о моей безопасности.

– Я сказал ей, что ты будешь недовольна.

– Надеюсь, ты не стал уточнять насколько.

Алукард рассмеялся и убрал телефон. Аргента вновь посмотрела на тело Уилкинса, пытаясь определить, не упустила ли чего-нибудь важного. В разрушенном помещении по-прежнему пахло кровью и пылью, но теперь к этим запахам примешивалось нечто едва различимое, напоминавшее горькие травы и нагретый металл. Она почувствовала его ещё во время схватки, однако тогда не придала значения, приняв за следы старых технических жидкостей, которыми пропитался пол склада. Теперь запах исходил непосредственно от покойника. Аргента приблизилась и осторожно провела пальцами по его запястью. На коже обнаружились несколько едва

заметных точек, расположенных слишком правильно, чтобы быть случайными повреждениями. Они напоминали следы инъекций, но образовывали необычный рисунок, который заставил её насторожиться.

Она достала небольшой фонарь, направила свет на руку Уилкинса и внимательно рассмотрела отметины. Кожа вокруг них выглядела неповреждённой, однако под поверхностью проступали тонкие тёмные линии, соединявшие точки между собой. Рисунок был почти незаметен, но его геометрия показалась Аргенте неприятно знакомой. Когда-то подобные знаки наносили на кожу людей, участвовавших в определённых алхимических обрядах. Не для украшения и не ради демонстрации принадлежности к тайному обществу. Они служили частью сложной системы, позволявшей направлять действие приготовленных составов и удерживать их влияние в пределах человеческого тела.

Аргента почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она видела этот рисунок прежде. Не в современных исследованиях и не среди многочисленных документов, собранных Хеллсинг. Его изображение хранилось в одном из старых семейных манускриптов, принадлежавших Батори. Рукопись считалась утраченной после пожара, уничтожившего часть родового архива, но Аргента прекрасно помнила несколько страниц, которые успела изучить задолго до катастрофы.

– Алукард, – произнесла она, не отрывая взгляда от руки покойника, – подойди сюда.

Он приблизился, и Аргента указала на тёмные линии под кожей.

– Видишь?

– Да.

– Это не случайные повреждения. Кто-то нанёс их намеренно.

Алукард склонился ниже, рассматривая рисунок.

– Знакомо?

Аргента медленно выпрямилась. Ей не нравилось то, что приходилось признать, особенно в присутствии человека, который слишком хорошо знал историю её семьи.

– Боюсь, да.

Она вновь посмотрела на отметины. Если память не обманывала, подобные знаки использовались в старых опытах по сохранению чужого опыта в крови. Большинство этих исследований считалось неудачным, а некоторые завершились настолько страшными последствиями, что даже среди Батори предпочитали не вспоминать о них без необходимости.

– Это семейная алхимия, – произнесла она наконец. – Очень старая. И, насколько мне известно, давно забытая.

Алукард рассмеялся, но на этот раз его смех прозвучал мрачно.

– Значит, искра моя, кто-то решил воскресить ваши старые развлечения.

Аргента не ответила. Она смотрела на тонкие линии под кожей мёртвого человека и пыталась вспомнить, кто ещё мог знать об их назначении. За прошедшие столетия семейные архивы неоднократно разграбляли, продавали, уничтожали и восстанавливали по обрывкам сохранившихся записей. Некоторые рукописи исчезли бесследно, другие оказались в частных коллекциях, где их владельцы едва ли понимали истинную ценность приобретённого. Но этот рисунок был слишком точным. Кто-то не просто нашёл старинный рецепт. Кто-то сумел воспользоваться им, усовершенствовать и довести до результата, которого прежние алхимики так и не достигли. Аргента осторожно накрыла руку Уилкинса чистой тканью, защищая отметины от случайных повреждений. Теперь предстояло выяснить, какие ещё следы оставил неизвестный исследователь и почему для своих опытов он выбрал человека, чья смерть привлекла внимание Хеллсинг. Впрочем, один вопрос уже начинал беспокоить её сильнее остальных. Если в крови Уилкинса действительно сохранились воспоминания людей, умерших несколько столетий назад, кто-то должен был получить к ним доступ. А значит, существовал способ извлекать

из крови не только сведения о прошлом, но и сам опыт, превращая чужие жизни в материал для новых существ. И этот способ, по всей видимости, имел отношение к её собственной семье.

Глава 3

К тому времени, когда Аргента вернулась в лабораторию, Интегра успела выкурить две сигары, ознакомиться с предварительным рапортом оперативной группы и, судя по всему, прийти к твёрдому убеждению, что ни один из участников сегодняшнего задания не заслуживает ни малейшего снисхождения.

Об этом свидетельствовали пепельница, заполненная окурками, раскрытая папка на рабочем столе и сама хозяйка Хеллсинг, расположившаяся в кресле, которое обычно занимала Аргента. Впрочем, последняя подробность раздражала куда меньше, чем сигарный дым, уже успевший проникнуть в исследовательскую зону. У входа в лабораторию висела совершенно недвусмысленная табличка, запрещавшая курение. Аргента заказала её после того, как один из сотрудников оперативного отдела умудрился стряхнуть пепел в ёмкость с расходными материалами. Интегра, разумеется, табличку видела. Более того, теперь она смотрела прямо на неё, затягиваясь с таким выражением, будто собиралась лично проверить устойчивость запрещающего знака к воздействию табачного дыма. Видимо, право командовать организацией Хеллсинг включало в себя и право подвергать экспериментальной проверке противопожарные инструкции. Жаль только, что результаты подобных исследований редко отличались научной новизной.

– Добрый вечер, миледи, – произнесла Аргента, проходя к столу. – Как мило, что вы решили составить мне компанию. Надеюсь, кофе вам предложили?

– Батори.

– Значит, не предложили. Какое упущение.

– Ты привезла труп.

– Вообще-то труп привезли сотрудники вашей организации. Я привезла образцы, которые, в отличие от него, ещё представляют научную ценность.

Интегра медленно сняла очки. Аргента успела прожить достаточно долго, чтобы научиться распознавать предупреждения, и этот жест относился к числу самых красноречивых. Особенно когда его совершала женщина, имевшая в своём распоряжении вооружённое подразделение, неограниченный доступ к боеприпасам и Алукарда. Последний пункт, правда, едва ли следовало считать преимуществом в спорах с Аргентой. Впрочем, уступать кресло она не собиралась. Вместо этого поставила кейс на рабочую поверхность, включила вытяжку и с удовольствием услышала, как загудела вентиляция.

Алукард появился следом, совершенно не обременённый ни оборудованием, ни чувством вины. На его красном плаще ещё оставались следы строительной пыли, а на перчатке темнело пятно крови, которое он, судя по всему, не счёл нужным удалить. При виде Интегры он широко ухмыльнулся, словно обнаружил в лаборатории неожиданное развлечение, приготовленное специально для него. Аргента мысленно посочувствовала хозяйке Хеллсинг. Появление Алукарда в подобном настроении обещало превратить любое служебное разбирательство в испытание, к которому не готовили даже самые суровые английские пансионы.

– Хозяйка, – приветствовал он её с преувеличенной учтивостью. – Вы всё ещё сердитесь?

– Алукард, заткнись.

– Значит, да.

Аргента с трудом удержалась от смеха. Она слишком хорошо знала обоих, чтобы ожидать мирного разговора, особенно после неудачного завершения операции. Интегра не терпела нарушения приказов, Алукард получал от её раздражения совершенно неприличное удовольствие, а сама Аргента находилась в том редком положении, когда могла сочувствовать обеим сторонам, не соглашаясь ни с одной. При этом ей никогда не приходило в голову считать их отношения обыкновенным противостоянием начальницы и непокорного подчинён-

ного. За десятилетия совместной службы между ними сложилось взаимопонимание, которому многие супруги могли бы позавидовать. Интегра знала, на что способен Алукард, понимала его природу и не питала иллюзий относительно его жестокости. Он же признавал её власть с той своеобразной добровольностью, на какую способен лишь тот, кого практически невозможно заставить подчиняться. Их связывала привязанность, не нуждавшаяся ни в признаниях, ни в нежностях. И всё же Аргента прекрасно видела, насколько неприятным становилось для миледи любое напоминание о существовании другой, совершенно недоступной ей близости. Что ж, никто не обещал, что владение чудовищем даёт исключительные права на его сердце. Особенно если чудовище уже несколько столетий как распорядилось им по собственному усмотрению.

– Я приказала доставить Уилкинса живым, – продолжила Интегра, обращаясь уже к ней. – Предпочтительно без тяжёлых повреждений. В результате он мёртв, здание частично разрушено, один из наших сотрудников едва не попал под обломки, а местная полиция требует объяснить, почему в пустующей типографии произошло нечто, напоминающее взрыв.

– Уилкинс умер не от полученных повреждений, миледи, – возразила Аргента, надевая лабораторный халат. – И если бы мой господин не вмешался, он, вероятно, успел бы убить меня прежде, чем его собственный организм окончательно разрушился.

Интегра резко повернула к ней голову. Аргента отметила это движение с удовлетворением исследователя, получившего воспроизводимый результат. Обращение действовало безотказно. Миледи могла сохранять невозмутимость перед полчищами упырей, выслушивать донесения о массовых убийствах и отдавать приказы, от которых у любого здравомыслящего человека задрожали бы руки. Однако два простых слова, произнесённые Аргентой с совершенно искренней нежностью, заставляли её челюсти сжиматься с завидным постоянством. Самое восхитительное заключалось в том, что никакого обмана здесь не было. Алукард действительно был её господином, хотя смысл, который Аргента вкладывала в это обращение, не имел ничего общего со служебной иерархией Хеллсинга. И уж тем более не требовал разрешения Интегры.

– Какая трагедия, – заметил Алукард. – Мне пришлось испортить ему вечер.

Интегра повернулась к нему.

– Ты мог обездвижить его!

– Я обездвижил.

– Не проламывая стены!

– Этого условия в приказе не было.

Аргента отвернулась к шкафу с расходными материалами, позволив себе улыбнуться. Спор обещал затянуться, а ей требовалось немедленно заняться образцами. За время дороги кровь Уилкинса заметно изменилась. Один из контейнеров теперь содержал почти чёрную жидкость, на поверхности которой собирались мелкие хлопья, тогда как второй сохранял более привычный цвет, хотя и в нём происходило нечто странное. Различия между образцами, взятыми до и после смерти, оказались настолько выраженными, что Аргента уже начала подозревать существование механизма, запускавшего разрушение в определённый момент. Если бы этот механизм удалось обнаружить, неприятности с Интегрой можно было бы счесть вполне оправданными издержками исследования. Во всяком случае, в научной литературе встречались эксперименты, обходившиеся человечеству значительно дороже нескольких кирпичных стен.

Она установила контейнеры в охлаждаемый блок и открыла программу регистрации. На экране появилась карточка нового исследования, требовавшая указать происхождение материала, обстоятельства получения и предполагаемые направления анализа. Обычно заполнение подобных форм доставляло ей определённое удовольствие. Порядок в документации позволял избежать множества неприятностей, особенно когда речь шла об исследованиях, результаты

которых невозможно было опубликовать в обычном научном журнале. Сегодня, однако, присутствие Интегры и Алукарда делало даже эту привычную процедуру несколько затруднительной. Аргента с некоторым сожалением подумала, что ни одна существующая система лабораторного учёта не предусматривала графы «образец получен в ходе семейного развлечения с разрушением недвижимости». А ведь подобное дополнение могло бы заметно облегчить её работу.

– Ты меня слушаешь, Батори?

– Разумеется, миледи. Вы недовольны тем, что Уилкинс умер, мой господин недоволен тем, что не успел его убить, а я недовольна тем, что он умер до того, как я смогла задать ему необходимые вопросы. Полагаю, мы достигли полного взаимопонимания.

Интегра посмотрела на неё с таким выражением, будто всерьёз размышляла, нельзя ли уволить человека, который формально никогда не состоял в штате на обычных условиях. Затем затушила сигару и поднялась из кресла. Аргента отметила, что на этот раз миледи предпочла оставить без внимания провокационное обращение. Впрочем, подобная сдержанность едва ли свидетельствовала о примирении. Скорее, хозяйка Хеллсинг решила не доставлять ей удовольствия слишком очевидной реакцией. Разумное решение, хотя и несколько запоздалое.

– Я хочу знать, с чем мы столкнулись.

– Именно этим я и собираюсь заняться. Но если вы намерены присутствовать при исследовании, миледи, мне придётся попросить вас соблюдать некоторые правила.

– Какие ещё правила?

Аргента указала на табличку возле двери.

– Для начала не курить. Кроме того, не трогать оборудование без разрешения, не мешать работе и не требовать окончательных выводов через пять минут после получения образца.

Алукард рассмеялся, привалившись плечом к дверному косяку.

– Осторожнее, хозяйка. Она способна выставить вас за дверь.

– Хотела бы я посмотреть, как она попробует.

– Я тоже, – с удовольствием согласился он.

Аргента покачала головой. Интегра могла приказать ему уничтожить целый город и не усомниться, что приказ будет исполнен, но стоило Аргенте назвать его своим господином и получить в ответ ласковое «искра моя», как на лице хозяйки Хеллсинг появлялось выражение человека, обнаружившего вопиющее нарушение субординации. И ведь не придерёшься. Никаких приказов они не нарушали, секретов организации не разглашали, даже имущество пока оставалось целым. Просто существовала часть жизни Алукарда, на которую власть Хеллсинг никогда не распространялась. Аргента находила это обстоятельство восхитительным, хотя и подозревала, что сама Интегра предпочла бы подвергнуть его строгой служебной проверке.

Рабочая часть лаборатории занимала просторное помещение, отделённое стеклянной перегородкой от кабинета и зоны хранения образцов. Здесь располагались современные анализаторы, автоматизированные станции подготовки проб и оборудование для молекулярно-генетических исследований. Большую часть приборов Аргента подбирала лично, иногда добиваясь приобретения настолько дорогостоящих моделей, что Интегра начинала подозревать её в намерении разорить организацию под благовидным предлогом развития науки. Подозрения были совершенно беспочвенны. Аргента вовсе не собиралась разорять Хеллсинг, хотя и считала, что экономить на хорошем оборудовании способны только люди, не представляющие, сколько времени теряется при работе с плохим. Миледи, конечно, предпочитала вкладывать средства в оружие, боеприпасы и содержание вооружённых подразделений. Словно хорошая центрифуга не могла оказаться полезнее очередного бронетранспортёра. Особенно когда бронетранспортёр всё равно предстояло списать после знакомства с Алукардом.

Первым делом она приготовила несколько проб для микроскопического исследования. В крови, полученной при жизни Уилкинса, сохранялись клетки с необычными включениями,

тогда как посмертный образец выглядел значительно хуже. Разрушение затронуло большую часть клеточных структур, и некоторые участки препарата представляли собой почти бесформенную массу. При этом среди повреждённых элементов обнаруживались отдельные образования, сохранявшие удивительно правильную форму. Аргента увеличила изображение и задержалась возле монитора.

– Любопытно.

Интегра немедленно приблизилась.

– Что?

– Пока не уверена. Посмотрите сюда, миледи.

Она вывела изображение на большой экран. Среди клеток виднелись тонкие тёмные структуры, соединявшиеся в небольшие группы. Они напоминали нити, но их расположение не соответствовало ни одному известному Аргенте варианту естественных клеточных образований. Особенно странным было то, что некоторые нити словно проходили сквозь повреждённые клетки, связывая их между собой.

– Это паразит? – спросила Интегра.

– Возможно, но я сомневаюсь. Паразиты обычно имеют собственную организацию, а здесь мы видим нечто, больше похожее на искусственно созданную структуру.

– Искусственно?

– Да. И если я права, её назначение связано не столько с поддержанием жизни носителя, сколько с сохранением определённой информации.

Алукард подошёл ближе. Его присутствие Аргента ощутила прежде, чем он оказался рядом, по привычному холодку, скользнувшему вдоль спины, и лёгкому прикосновению к талии. Он наклонился над её плечом, рассматривая изображение с интересом, который обычно проявлял к новым видам оружия.

– Красиво, – заметил он. – Для того, что убило нашего приятеля.

– Красота и опасность прекрасно уживаются, мой господин. Ты должен это знать лучше многих.

– Особенно хорошо я знаю это благодаря тебе, искра моя.

Алукард произнёс последние слова достаточно тихо, чтобы они могли считаться предназначенными только ей, но недостаточно тихо, чтобы их не услышала Интегра. Аргента почувствовала, как его пальцы скользнули по её талии, задержавшись на бедре, и с удовольствием позволила себе чуть откинуться назад, касаясь его груди. Никакой необходимости в подобной близости, разумеется, не было, но и причин отказываться от неё она не находила. Особенно в присутствии миледи, чья челюсть заметно напряглась при очередном «мой господин».

– Если вы закончили, – произнесла хозяйка Хеллсинг с ледяной вежливостью, – возможно, мы вернёмся к исследованию?

– Разумеется, миледи, – отозвалась Аргента, не спеша отстраняться. – Простите, мы немного отвлеклись.

– Я заметила.

Алукард тихо рассмеялся, и Аргента почувствовала, как его губы коснулись её щеки. Поцелуй оказался коротким, почти невинным, но произведённый эффект стоил значительно большего. Интегра с таким усилием сжала папку, что плотный картон заметно прогнулся. Аргента решила, что дальнейшее испытание её терпения следует отложить. В конце концов, лабораторное оборудование стоило дорого, а миледи находилась в том настроении, когда даже случайно брошенная папка могла превратиться в оружие. На экране обнаружилась ещё одна особенность, гораздо более важная, чем внешний вид странных структур. При изменении освещения некоторые нити начинали проявляться отчётливее, словно содержали вещество, способное взаимодействовать с определённым диапазоном излучения. Подобное свойство само по

себе не представляло ничего сверхъестественного, однако в сочетании с необычной организацией крови заставляло задуматься.

Она сохранила изображение и перешла к следующему препарату. Здесь структуры оказались менее повреждёнными, а их расположение позволяло различить определённую закономерность. Нити не образовывали случайных скоплений. Они соединялись в небольшие замкнутые фигуры, повторявшиеся с удивительной точностью. Аргента почувствовала, как прежнее беспокойство возвращается, на этот раз гораздо сильнее. Она уже видела подобные формы, хотя и не под микроскопом. В старых семейных рукописях они изображались как часть алхимических схем, предназначенных для удержания определённых свойств крови. Тогда их считали символическими обозначениями, не имеющими прямого отношения к физической структуре вещества. Теперь же перед ней находилось нечто, слишком напоминавшее эти рисунки, чтобы сходство можно было назвать случайным.

– Миледи, – произнесла она, не отрывая взгляда от экрана, – мне понадобится доступ к закрытому архиву.

– К какому именно?

– К материалам, изъятым из частных коллекций Восточной Европы после войны. Особенно интересуют рукописи, связанные с трансильванской алхимией.

Интегра нахмурилась.

– Зачем?

Аргента повернулась к ней. Объяснять предстояло осторожно, поскольку некоторые подробности семейной истории Батори не относились к числу сведений, которыми хотелось делиться даже с союзниками. Впрочем, скрывать очевидное было бессмысленно. Интегра уже знала о знаках, обнаруженных на теле Уилкинса, и наверняка успела сопоставить их с предварительными сведениями, полученными от оперативной группы. При этом сама мысль о необходимости объяснять историю рода Батори женщине, чьи предки посвятили немало сил изучению способов уничтожения вампиров, обладала своеобразным очарованием. Оставалось надеяться, что миледи не потребует представить генеалогическое древо с перечнем совершённых преступлений. На составление такого документа ушло бы слишком много времени.

– Потому что я видела подобные структуры в старых рукописях моей семьи. Не в точности такие, но достаточно близкие, чтобы проверить возможную связь.

– Ты хочешь сказать, что твои предки занимались подобными опытами?

– Некоторые из них занимались вещами значительно более неприятными, миледи. Впрочем, не думаю, что это станет для вас откровением.

Алукард тихо рассмеялся. Аргента почувствовала, как его пальцы чуть крепче сомкнулись на её талии, и невольно улыбнулась. Он прекрасно знал, насколько разнообразными были увлечения некоторых представителей её рода, и временами вспоминал о них с совершенно неподобающим удовольствием. Особенно когда мог сопроводить воспоминания подробностями, которые приличные историки предпочитали опускать. Впрочем, Алукард никогда не испытывал особенного уважения к приличным историкам. По его мнению, они слишком часто портили хорошие истории, пытаясь сделать их достоверными.

– О, семейные традиции Батори, – произнёс он. – Прекрасная тема для вечерней беседы. Особенно если пригласить священника.

– Мой господин, – предупредила Аргента, – не начинай.

– Я ещё ничего не сказал.

– Именно поэтому я и предупреждаю.

Интегра устало потёрла переносицу, но Аргента успела заметить, как при очередном обращении её пальцы на мгновение замерли. Миледи, по-видимому, уже начала воспринимать слова «мой господин» как разновидность персонального издевательства, причём совершенно справедливо. Аргента не собиралась отказываться от привычного обращения ради чужого спо-

койствия, особенно когда оно доставляло столько удовольствия самому Алукарду. Однако определённая осторожность всё же представлялась разумной. В конце концов, хозяйка Хеллсинг могла проявить удивительную изобретательность, если её терпение окончательно иссякало.

– Мне нужны факты, – произнесла Интегра. – Не семейные предания и не ваши воспоминания о том, как кто-то пятьсот лет назад занимался колдовством.

– Тогда придётся немного подождать, миледи, – ответила Аргента. – Наука, к сожалению, не всегда готова подчиняться приказам главы Хеллсинг.

Она вновь повернулась к экрану и увеличила изображение. Теперь одна из фигур стала видна достаточно отчётливо, чтобы различить её основные элементы. Три замкнутые петли соединялись в центре, образуя узел, от которого расходились тонкие линии. Рисунок выглядел простым, почти изящным, но именно эта простота и заставила Аргенту почувствовать неприятный холод. В семейных манускриптах подобный знак обозначал не сохранение крови, как она первоначально предположила. Его использовали для другого, гораздо более сложного действия, связанного с переносом определённых свойств от одного носителя к другому.

Аргента медленно откинулась на спинку кресла. Перед ней находилось подтверждение того, что прежде представлялось лишь смутным подозрением. Кто-то сумел соединить старую кровную алхимию с современными методами воздействия на организм, причём результат оказался достаточно устойчивым, чтобы позволить Уилкинсу пользоваться чужими навыками. Оставалось выяснить, каким образом удалось преодолеть ограничения, с которыми сталкивались прежние исследователи, и почему созданная система разрушилась сразу после встречи с Алукардом.

– Ну? – нетерпеливо спросила Интегра.

Аргента посмотрела на неё, затем на Алукарда. Последний, по-видимому, уже догадался, что она обнаружила нечто важное, поскольку перестал улыбаться и теперь внимательно рассматривал экран.

– Полагаю, миледи, – произнесла она, – наш неизвестный коллега воспользовался одной из самых неприятных идей моих предков.

– Какой именно?

– Возможностью сохранять чужие воспоминания в крови и переносить их новому носителю. Причём, судя по результатам, ему удалось добиться того, что прежде считалось практически невозможным.

Интегра медленно выпрямилась.

– Создать вампира, обладающего чужими навыками?

– Не только. Если мои предположения верны, он научился сохранять не отдельные воспоминания, а целые фрагменты личности. Возможно, даже несколько одновременно.

Алукард тихо рассмеялся. На этот раз в его смехе прозвучало такое откровенное удовольствие, что Аргента невольно почувствовала тревогу. Она слишком хорошо знала, как сильно его привлекали опасные противники, особенно те, кто пытался нарушить привычные границы возможного. Впрочем, опасения за судьбу неизвестного исследователя были совершенно преждевременны. Для начала следовало его найти, а затем попытаться убедить Алукарда, что человек, способный создать подобную технологию, представляет гораздо большую ценность живым. Учитывая сегодняшние события, задача обещала оказаться непростой.

– Значит, кто-то решил собирать людей по частям, – произнёс он. – Как занятно.

Аргента вновь посмотрела на изображение. Вопрос о том, кто именно занимался подобными опытами, оставался открытым, однако теперь она понимала, почему Уилкинс погиб столь необычным образом. Если система действительно удерживала несколько чужих личностей, её разрушение могло вызвать цепную реакцию, уничтожившую организм носителя. Но что

именно послужило причиной разрушения, пока оставалось неизвестным. Интегра некоторое время молчала, затем взяла со стола папку с предварительным рапортом.

– Хорошо. Ты получишь доступ к архиву. Но я хочу, чтобы все результаты поступали непосредственно мне. И никаких самостоятельных экспериментов с подобными технологиями без моего разрешения.

Аргента повернулась к ней с искренним удивлением.

– Миледи, неужели вы действительно думаете, что я стану заниматься подобными вещами без необходимых мер предосторожности?

– Я думаю, что ты способна на многое, если считаешь исследование достаточно интересным.

– Какая лестная характеристика.

– Это не комплимент.

– Тем не менее я его принимаю.

Алукард рассмеялся и наклонился к её уху.

– Осторожнее, искра моя. Ещё немного, и она прикажет запереть нас обоих.

Аргента улыбнулась, не отрывая взгляда от экрана.

– Тогда, мой господин, надеюсь, ты хотя бы позаботишься о том, чтобы в подвале оказалось достаточно места для оборудования.

Интегра с шумом закрыла папку. На этот раз движение получилось настолько резким, что несколько листов выскользнули наружу и рассыпались по столу. Аргента с удовольствием отметила, что миледи наконец достигла того состояния, когда даже собственные документы переставали подчиняться ей с должной дисциплиной.

– Я вас обоих ненавижу.

– Знаем, хозяйка, – довольно отозвался Алукард.

Он обнял Аргенту за плечи и, не обращая внимания на присутствие Интегры, поцеловал её в шею. Жест был совершенно естественным, привычным для них обоих, но хозяйка Хеллсинг отреагировала так, словно кто-то только что совершил грубейшее нарушение субординации непосредственно у неё под носом. Впрочем, именно это, вероятно, и произошло, если рассматривать происходящее с точки зрения миледи. Аргента заметила, как Интегра на мгновение задержала взгляд на руке Алукарда, лежавшей у неё на плече, а затем резко отвела глаза. В этом коротком движении было нечто гораздо более личное, чем обычное раздражение начальницы. Возможно, именно поэтому Аргенте впервые за вечер стало немного неловко. Она не сомневалась, что Интегра никогда не призналась бы в подобной слабости, даже если бы её прижали к стене с пистолетом у виска. Особенно если пистолет держала бы сама Аргента.

– Алукард, – произнесла она с опасной вежливостью, – убери от неё руки.

Он медленно повернул голову, продолжая удерживать Аргенту возле себя.

– Почему, хозяйка?

– Потому что я приказываю.

Аргента почувствовала, как его пальцы слегка сжались на её плече. Алукард явно наслаждался происходящим, и она прекрасно понимала, что сейчас он способен превратить совершенно обыденное распоряжение в затяжное противостояние исключительно ради собственного удовольствия. Однако позволять миледи распоряжаться их отношениями она тоже не собиралась. При этом ей вовсе не хотелось превращать их близость в оружие против Интегры. Как бы ни раздражала её властность хозяйки Хеллсинг, Аргента слишком хорошо понимала, какое место та занимает в жизни Алукарда. Это место было заслужено десятилетиями доверия, опасности и взаимной преданности. И всё же признание чужих прав не означало готовности уступить собственные.

– Миледи, – произнесла Аргента с безукоризненной учтивостью, – если вас беспокоит соблюдение служебной дисциплины, уверяю, мой господин совершенно не мешает мне работать. Более того, его присутствие иногда оказывается весьма полезным.

– Я не сомневаюсь, – процедила Интегра.

– Как приятно, что мы наконец пришли к согласию.

Алукард рассмеялся, и Аргента позволила себе короткий поцелуй, прежде чем мягко высвободиться из его объятий. Не потому, что подчинилась требованию Интегры, разумеется. Просто исследование действительно требовало внимания, а превращать лабораторию в арену выяснения личных отношений представлялось не самой разумной идеей. Особенно когда на столе находились образцы, способные оказаться ключом к чрезвычайно опасной технологии. Она вновь занялась препаратом, предоставив им возможность продолжить обмен любезностями. Исследование только начиналось, и впереди предстояло немало работы. Впрочем, теперь у неё появилось направление, которого ещё несколько часов назад не существовало. Если удастся найти сохранившиеся семейные рукописи, возможно, получится понять, каким образом неизвестный исследователь сумел превратить старую алхимическую теорию в действующую технологию.

А пока следовало разобраться с тем, что находилось непосредственно перед ней, и постараться не обращать внимания на двух чрезвычайно могущественных существ, которые, судя по всему, решили превратить её лабораторию в место выяснения давних взаимных претензий. Аргента с некоторым удовольствием подумала, что, если миледи всё-таки решит запереть их в подвале, придётся настоять на выделении отдельного помещения для Алукарда. Иначе он непременно начнёт развлекаться с оборудованием, а это обойдётся организации значительно дороже любой разрушенной типографии.

Интегра, к счастью, не стала приводить угрозу в исполнение. Вместо этого она собрала рассыпавшиеся листы, выровняла их о край стола и вернула в папку с той тщательностью, которая обычно предшествовала особенно неприятным распоряжениям. Аргента наблюдала за этим краем зрения, продолжая работать с изображением препарата. Миледи умела превращать даже простейшие движения в демонстрацию власти, и, пожалуй, именно это отличало её от многочисленных людей, которым для достижения сходного эффекта требовались крики, оружие или хотя бы несколько вооружённых подчинённых.

– Копию предварительного заключения я хочу получить до утра, – произнесла Интегра, застёгивая папку. – Архивные материалы будут предоставлены тебе после проверки допуска. И, Батори, если обнаружится, что кто-либо из твоих родственников имеет отношение к происходящему, я рассчитываю узнать об этом прежде, чем он появится на пороге моего дома.

– Разумеется, миледи. Хотя, учитывая возраст некоторых моих родственников, я бы не стала исключать вероятность, что они предпочтут появиться непосредственно из-под порога. В нашей семье всегда были весьма своеобразные представления о приличиях.

Алукард издал негромкий смешок. Интегра удостоила его взглядом, в котором Аргента без труда прочла предупреждение, затем направилась к двери. Уже взявшись за ручку, она остановилась и обернулась. На мгновение показалось, что сейчас последует ещё одно распоряжение, касающееся лаборатории, образцов или недопустимости разрушения лондонской недвижимости. Однако взгляд миледи задержался на Алукарде.

– Завтра утром ты мне понадобишься. Лично. Без сопровождения.

– Как прикажете, хозяйка.

Он произнёс это спокойно, без привычного издевательского оттенка, и Аргента невольно отвлеклась от монитора. Подобные перемены в его голосе всегда были интереснее самых изощрённых насмешек. Алукард мог доводить Интегру до белого каления, демонстративно пренебрегать приличиями и получать удовольствие от каждого её раздражённого взгляда, но существовала граница, которую он прекрасно чувствовал. Когда миледи обращалась к нему не как к

непокорному чудовищу, требующему очередного выговора, а как к тому, кому действительно доверяла, он отвечал совершенно иначе. Интегра коротко кивнула. На Аргенту она посмотрела уже с прежней холодной неприязнью.

– И убери эту кровь с моего оборудования, Батори. Я не намерена оплачивать ещё один ремонт.

– Непременно, миледи. Как только вы перестанете использовать мою лабораторию в качестве курительной комнаты.

Дверь закрылась несколько громче, чем требовалось для исправного английского замка. Аргента проводила её взглядом и вернулась к препарату. Вытяжка постепенно справлялась с табачным дымом, хотя запах дорогих сигар ещё сохранялся возле кресла. Придётся проветривать кабинет, протирать поверхности и, возможно, заказать новую табличку с запретом курения. На этот раз стоило изготовить её из металла и добавить изображение черепа. Впрочем, Интегра, вероятно, сочла бы подобное украшение частью семейной символики Хеллсинга и продолжила курить с прежним удовольствием. За спиной послышались неторопливые шаги. Алукард обошёл рабочий стол, остановился рядом и некоторое время рассматривал изображение, которое она оставила на экране.

– Ты сегодня особенно старательно испытывала терпение хозяйки, искра моя.

– Не больше обычного. К тому же она сама явилась в мою лабораторию, заняла моё кресло и закурила. В цивилизованном обществе подобное поведение считается достаточным основанием для объявления войны.

– А в твоём обществе?

– В моём обществе за это могли отравить.

– Какое счастье, что времена изменились.

– Не уверена, что к лучшему.

Он рассмеялся, но вместо того, чтобы продолжить разговор, протянул руку к её лицу. Аргента почувствовала прикосновение пальцев под подбородком и повернула голову навстречу. Алукард рассматривал её с тем откровенным, почти хищным интересом, который за долгие годы так и не утратил способности вызывать приятное волнение. Его большой палец скользнул по нижней губе, задержался на мгновение, а затем он наклонился и поцеловал её. Поцелуй оказался куда менее целомудренным, чем те, которыми он развлекался в присутствии Интегры, и Аргента охотно ответила, положив ладонь ему на грудь. От плаща пахло дождём, порохом и кровью Уилкинса. Последнее обстоятельство несколько портило романтическую обстановку, хотя для двух вампиров подобные мелочи едва ли могли считаться серьёзным препятствием.

– Мой господин, – произнесла она, когда он позволил ей прерваться, – если ты намерен соблазнить меня прямо здесь, придётся хотя бы снять плащ. На нём столько грязи, что я рискую получить замечание от собственной службы санитарного контроля.

– Ты собираешься читать мне лекцию о чистоте?

– Я собираюсь напомнить тебе, что на этой одежде находятся биологические следы, которые ещё предстоит исследовать.

Алукард медленно провёл пальцами по её шее, остановившись у воротника халата.

– Тогда займись исследованием.

– Сейчас?

– Ты ведь так любишь свою работу.

Аргента фыркнула. Подобная наглость была совершенно в его духе. Он мог бы попросить её снять плащ, мог бы даже сделать это самостоятельно, но предпочёл превратить простейшую просьбу в приказ, прекрасно зная, какую реакцию вызовет. Особенно после того, как весь вечер слушал её «мой господин» в присутствии Интегры. Видимо, решил напомнить, что некоторые обращения имеют последствия, не ограничивающиеся раздражением хозяйки Хеллсинг.

– Боюсь, государь, ты слишком высоко оцениваешь моё служебное рвение. Раздевать подозрительных мужчин ради получения образцов я готова исключительно в рабочее время.

– А сейчас?

– Сейчас я работаю.

– Тем хуже для тебя.

Он снял шляпу и положил её на свободный край стола, затем расстегнул плащ. Аргента с удовлетворением отметила, что хотя бы одна часть её требований была исполнена без дополнительных переговоров. Правда, Алукард тут же испортил впечатление, бросив плащ ей на руки.

– Исследуй.

– Какой ты щедрый.

– Я всегда щедр с тобой, искра моя.

– Особенно когда речь идёт о чужом труде.

Она аккуратно сложила плащ, стараясь не касаться загрязнённых участков, и поместила его в большой стерильный пакет для последующего отбора следов. Подобная процедура могла показаться излишней, но после обнаружения неизвестных структур в крови Уилкинса Аргента предпочитала не упускать ни одной возможности получить дополнительные материалы. Если на одежде Алукарда сохранились частицы крови, не подвергшиеся разрушению, они могли оказаться полезнее образцов, собранных непосредственно с тела погибшего. Алукард наблюдал за её действиями с явным удовольствием. Без плаща он выглядел несколько менее театрально, хотя красный костюм, тёмные очки и выражение откровенного превосходства всё равно не позволяли принять его за обыкновенного посетителя научной лаборатории.

– Ты ведь понимаешь, что миледи действительно сердится? – спросила Аргента, запечатывая пакет.

– Разумеется.

– И прекрасно знаешь почему.

– Конечно.

Его невозмутимость была настолько вызывающей, что Аргента не удержалась от улыбки. Впрочем, вопрос занимал её серьёзнее, чем хотелось показывать. Интегра никогда не говорила о своих чувствах прямо, да и сама Аргента не имела привычки вторгаться в чужие привязанности без необходимости. Но отрицать существование той особой связи, которая объединяла хозяйку Хеллсинг с её древним слугой, было бы глупо.

– Она ревнует, – заметила Аргента, снимая перчатки. – И ты этим пользуешься.

– А ты нет?

– Я хотя бы делаю это с некоторым изяществом.

Алукард рассмеялся и подошёл ближе. На этот раз он не стал ограничиваться прикосновением к талии. Обхватив её за бёдра, он легко поднял Аргенту и усадил на край свободной рабочей поверхности, предварительно отодвинув в сторону коробку с одноразовыми наконечниками. Движение было настолько уверенным и привычным, что она успела лишь ухватиться за его плечи, прежде чем оказалась лицом к лицу с ним.

– С изяществом? – переспросил он, устраиваясь между её коленями. – Ты трижды назвала меня своим господином только ради того, чтобы посмотреть, как хозяйка скрипит зубами.

– Четырежды.

– Тем более.

– И вовсе не только ради этого.

– Тогда ради чего?

Аргента провела пальцами по его воротнику, поправляя складку ткани, которая раздражала её с самого возвращения. Вопрос был задан с той ленивой насмешливостью, за которой она слишком хорошо знала настоящую требовательность. Алукард не нуждался в подтвержде-

ниях своей власти, но любил получать их от неё, особенно когда мог превратить признание в маленькое испытание.

– Потому что мне нравится так тебя называть, – ответила она. – Разве этого недостаточно?

– Вполне.

Он наклонился, коснувшись губами её шеи, и Аргента почувствовала знакомое удовольствие, смешанное с лёгким раздражением. Алукард умел быть невыносимым именно тогда, когда прекрасно понимал, что ему всё простят. Его ладонь легла ей на затылок, удерживая рядом, и поцелуй стал глубже. Она ответила с охотой, но, когда его пальцы добрались до застёжки халата, перехватила руку.

– Мой господин, у меня в холодильнике разлагается единственный пригодный образец крови, а ты решил заняться моим воспитанием.

– Ты нуждаешься в воспитании.

– Ты мог бы уже смириться с результатом.

– Я терпелив.

– Невероятно.

Он усмехнулся, однако руку убрал. Вместо этого коснулся губами её лба и отступил настолько, чтобы она могла соскользнуть со стола. Аргента поправила халат, с некоторым сожалением отметив, что подобные отвлечения становятся всё более соблазнительными по мере того, как работа усложняется. Впрочем, неизвестный исследователь, сумевший создать Уилкинса, едва ли согласился бы отложить свои опыты ради её личного счастья. Она вернулась к оборудованию и открыла результаты предварительного анализа. Программа закончила обработку изображений, выделив несколько участков, в которых необычные структуры сохранялись лучше всего. На одном из них тёмные нити образовывали фигуру, практически совпадавшую с рисунком из семейного манускрипта. Аргента увеличила изображение, затем вывела рядом старую схему, которую много лет назад оцифровала из сохранившихся записей. Сходство оказалось неприятно точным.

– Посмотри, – позвала она Алукарда. – Видишь центральный узел?

Он подошёл к экрану, и Аргента указала на три соединённые петли.

– В старых рукописях этот знак называли узлом преемственности. Предполагалось, что он позволяет сохранить определённые свойства крови после смерти носителя. Но здесь структура изменена. Кто-то добавил дополнительные соединения, которых не было в первоначальной схеме.

– И что это даёт?

– Пока не знаю. Возможно, повышает устойчивость системы. Или позволяет удерживать больше одного набора воспоминаний.

Алукард склонил голову, рассматривая изображение. Аргента ожидала очередного замечания о семейных увлечениях Батори, но он неожиданно протянул руку и указал на одну из тёмных линий.

– А это?

Она приблизила изображение. Возле центрального узла действительно находился небольшой участок, который прежде ускользнул от её внимания. Линия была тоньше остальных и заканчивалась крошечным утолщением, напоминавшим каплю.

– Интересно, – пробормотала Аргента. – Я не заметила.

– Бывает.

– Постарайся не слишком наслаждаться этим обстоятельством.

– Я ещё даже не начал.

Она увеличила контрастность и сравнила участок с сохранившимися схемами. Ни в одном из известных ей вариантов подобного элемента не было. Зато его расположение вызывало смутное воспоминание о другой группе алхимических знаков, связанных не с сохране-

нием, а с подчинением. Аргента нахмурилась. Если центральный узел действительно удерживал чужие воспоминания, дополнительная структура могла выполнять роль своеобразного ограничителя. В старых опытах подобные элементы использовались для подавления самостоятельной активности перенесённой крови. Однако здесь неизвестный исследователь, похоже, столкнулся с куда более сложной задачей. Уилкинс не просто обладал чужими навыками. Он слышал чужие голоса, переживал чужие воспоминания и временами полностью терял собственную личность. Возможно, дополнительный элемент предназначался для управления этим хаосом.

– Полагаю, это не просто хранилище, – сказала она. – Здесь предусмотрен механизм контроля.

– Над кем?

– Над носителем. Или над теми, чьи воспоминания в него поместили.

Алукард медленно выпрямился. Его привычная насмешливость никуда не исчезла, но теперь в ней чувствовалось нечто более мрачное. Аргента вспомнила, как Уилкинс реагировал на его появление, как менялся голос несчастного докера, когда одна из чужих личностей узнала древнего вампира, и как стремительно началось разрушение крови после этого узнавания.

– Ты ведь помнишь Мадога? – спросила она.

– Прекрасно.

– Он боялся тебя.

– У него были причины.

– Но боялся не только тебя. Когда Уилкинс умирал, он просил не отдавать кому-то кровь. Возможно, тому, кто создал эту систему.

Алукард обошёл стол и остановился возле окна. За стеклом тянулся тёмный парк, освещённый редкими фонарями. Дождь усилился, и капли теперь стекали по стеклу длинными неровными дорожками. Аргента наблюдала за его отражением, почти неразличимым на фоне ночи, и вспоминала рассказ о валашской деревне, где пять столетий назад погиб человек, чьи воспоминания каким-то образом оказались в крови лондонского докера.

– Мадог был трусом, – произнёс Алукард. – Но не глупцом. Он служил человеку, который полагал, будто способен заключать сделки с существами, превосходящими его понимание. Когда всё закончилось, валлиец пытался спасти собственную шкуру, предложив мне сведения о своём хозяине.

– И ты отказался?

– Я выслушал его.

Аргента посмотрела на него внимательнее. Подобный ответ мог означать что угодно, особенно если речь шла о событиях, произошедших во времена, когда Алукард ещё не приобрёл привычки соблюдать хотя бы некоторые ограничения, установленные Хеллсингом.

– А потом?

Он повернулся к ней.

– Потом Мадог умер.

– Какая удивительная последовательность событий. Полагаю, подробности мне придётся извлекать из тебя хирургическим путём.

– Попробуй, искра моя. Мне будет любопытно.

Аргента фыркнула и вновь посмотрела на экран. Спорить с ним о прошлом можно было бесконечно, особенно когда он намеренно превращал каждую подробность в повод для новой насмешки. Однако сейчас её занимал другой вопрос. Если Мадог действительно умер пять столетий назад, откуда неизвестный исследователь получил материал, позволивший воспроизвести его воспоминания? Сохранение крови в течение столь длительного времени представляло собой сложнейшую задачу даже для вампирской физиологии, а уж извлечение из неё пригодной информации требовало методов, о которых современная наука не имела ни малейшего

представления. Она открыла результаты анализа второго образца и сопоставила их с первым. Разрушение клеток продолжалось, но необычные нити сохранялись значительно лучше окружающих структур. Более того, некоторые из них образовывали плотные скопления, словно после гибели носителя система пыталась удержать хотя бы часть собственного содержимого.

Аргента увеличила один из участков, затем другой. В обоих случаях возле центрального узла обнаруживалось то самое крошечное утолщение, на которое указал Алукард. При этом в посмертном образце оно выглядело повреждённым.

– Вот оно, – произнесла она, чувствуя, как исследовательский азарт постепенно вытесняет усталость. – Посмотри, здесь соединение разорвано. И здесь тоже.

Алукард вернулся к столу.

– Что это означает?

– Пока только то, что разрушение началось именно в этой области. Если дополнительный элемент действительно отвечает за контроль, его повреждение могло запустить распад всей системы.

Она вывела на экран изображения, полученные из разных образцов, и некоторое время сравнивала их, стараясь не поддаться соблазну преждевременных выводов. Уилкинс погиб слишком быстро, а собранного материала было недостаточно для полноценного исследования. Тем не менее обнаруженная закономерность заслуживала внимания. Если удастся установить природу соединения, возможно, получится понять, каким образом неизвестный исследователь управлял перенесёнными воспоминаниями и почему этот механизм отказал. Алукард наклонился над её плечом, внимательно рассматривая повреждённый участок. Его ладонь легла на спинку кресла, почти окружив Аргенту, и она ощутила знакомое удовольствие от этой ненавязчивой, но совершенно недвусмысленной близости. Он никогда не нуждался в демонстрации собственной силы. Достаточно было одного движения, чтобы пространство вокруг него словно изменяло свои границы, подчиняясь его присутствию.

– Ты слишком увлеклась, искра моя, – произнёс он негромко.

– Я работаю.

– Уже несколько часов.

– И собираюсь продолжать.

– Я заметил.

Аргента повернула голову, собираясь ответить, но обнаружила его лицо совсем близко. В тёмных очках отражался свет монитора, а под ними угадывалось выражение, которое она знала слишком хорошо. Алукард явно решил, что научные открытия не освобождают её от необходимости уделять внимание собственному господину.

– Ты ведь не собираешься снова сажать меня на стол? – спросила она.

– Собирался.

– Как предусмотрительно, что я спросила.

Он усмехнулся, провёл пальцами по её волосам и слегка запрокинул ей голову, вынуждая встретить его взгляд.

– Ты устала, Аргента.

Она хотела возразить, но остановилась. Усталость действительно давала о себе знать, хотя признавать это было неприятно. Рана в боку давно затянулась, однако регенерация потребовала сил, а несколько часов напряжённой работы после схватки с Уилкинсом не способствовали восстановлению. К тому же она почти ничего не ела с самого утра. Для вампира подобная небрежность не представляла непосредственной опасности, но вполне могла сказаться на внимании, особенно при работе с материалом, требующим предельной осторожности.

– Немного, – признала она.

– Тогда сделай перерыв.

– Мой господин, я почти закончила.

– Вот именно. Почти.

Он наклонился и поцеловал её, не оставив возможности продолжить спор. Аргента ответила, чувствуя, как напряжение постепенно отступает. В его поцелуе не было торопливости, зато присутствовала та спокойная уверенность, с которой Алукард привык добиваться желаемого. Он не пытался отвлечь её от работы окончательно, но совершенно ясно давал понять, что дальнейшие переговоры о необходимости отдыха считает излишними. Когда он отстранился, Аргента провела пальцами по его щеке и негромко рассмеялась.

– Ты становишься невыносимым.

– Становлюсь?

– Хорошо, всегда был.

– И всё же ты остаёшься со мной.

– У каждого есть недостатки.

Алукард рассмеялся, а затем протянул руку к клавиатуре и, прежде чем она успела возмутиться, перевёл монитор в режим ожидания. Аргента уставилась на потемневший экран, после чего медленно повернулась к нему.

– Ты только что вмешался в научное исследование.

– Я спас тебя от него.

– Миледи будет в восторге, когда узнает, что её самый опасный слуга занимается саботажем лабораторной работы.

– Расскажешь ей утром.

Он подхватил её на руки прежде, чем она успела придумать достойное возражение. Аргента возмущённо ахнула, хотя прекрасно понимала, что сопротивление в данном случае доставит ему лишь дополнительное удовольствие. Вместо этого она обвила рукой его шею и посмотрела на оставшийся позади рабочий стол. Образцы находились в охлаждаемом блоке, оборудование завершило обработку данных, а результаты были сохранены. Никакой катастрофы от короткого перерыва действительно не произойдёт.

– Ты хотя бы позволишь мне выключить остальное оборудование?

– Оно уже выключено.

Аргента нахмурилась. Алукард улыбнулся с таким откровенным самодовольством, что ей захотелось немедленно проверить, не успел ли он заодно отключить всю лабораторию от электросети.

– Когда ты успел?

– Пока ты любовалась своими картинками.

– Это микрофотографии, мой господин.

– Разумеется.

Он направился к двери, и Аргента с некоторым сожалением оглянулась на экран. Исследование действительно придётся продолжить позже. Впрочем, мысль о том, что впереди её ждёт несколько часов отдыха в обществе Алукарда, заметно облегчала расставание с работой. Особенно если учесть, что неизвестный исследователь едва ли успеет за это время уничтожить все следы своего существования. У самой двери она вдруг вспомнила о последнем изображении. Повреждённый узел, дополнительное соединение и странная устойчивость тёмных нитей складывались в закономерность, которую она пока не могла объяснить. Возможно, после отдыха удастся взглянуть на данные иначе. А может быть, придётся вернуться к старым рукописям и поискать там сведения, которые прежде казались не более чем суевериями давно умерших алхимиков.

– Мой господин, – произнесла она, устраиваясь удобнее в его руках, – завтра мне действительно понадобится архив.

– Получишь.

– И, возможно, помощь в поисках.

– Моя?

– Разумеется. Ты ведь прекрасно помнишь пятнадцатый век.

Алукард тихо рассмеялся.

– Не весь, искра моя. Некоторые годы были удивительно скучными.

– Тогда начнём с тех, которые тебе запомнились.

Он остановился, посмотрел на неё поверх очков и усмехнулся с тем выражением, которое неизменно предвещало неприятности для всех, кроме самой Аргенты.

– Осторожнее с желаниями, графиня. Ты можешь узнать обо мне гораздо больше, чем рассчитывала.

– После стольких столетий? Сомневаюсь.

– Тем интереснее будет тебя удивить.

Алукард, по всей видимости, считал, что право распоряжаться чужим временем входит в число его неотъемлемых привилегий, наряду с бессмертием, способностью превращаться в тень и совершенно возмутительной привычкой появляться за спиной именно тогда, когда его меньше всего ожидали. Аргента могла бы привести немало исторических примеров, подтверждающих, что подобные убеждения плохо сказываются на семейной жизни, однако так и не обнаружила достаточно убедительного способа переубедить собственного господина. Особенно когда тот уже принял решение и теперь нёс её по коридору особняка Хеллсинг с невозмутимостью человека, которому никто не посмеет указать на нарушение приличий.

Справедливости ради, Аргента не особенно стремилась освободиться. После схватки в Уайтчепеле, нескольких часов лабораторной работы и продолжительного общения с Интегрой, чей характер сегодня мог бы послужить самостоятельным объектом исследования, перспектива добраться до спальни без необходимости пользоваться собственными ногами выглядела весьма привлекательно. Раздражало исключительно то, что Алукард прекрасно это понимал. Он вообще имел отвратительную привычку замечать её слабости раньше, чем она сама соглашалась признать их существование.

– Мой господин, – заметила она, когда они миновали лестничную площадку, украшенную портретом очередного сурового предка семейства Хеллсинг, – если ты намерен и впредь похищать меня с рабочего места, я буду вынуждена потребовать официального оформления подобных мероприятий. С указанием причин, продолжительности и предполагаемого ущерба научной деятельности.

– Потребуй, искра моя. Мне любопытно посмотреть, кто осмелится подписать жалобу на меня.

– Миледи, разумеется. Причём с таким удовольствием, что я почти готова предоставить ей эту возможность исключительно ради наблюдения.

Алукард рассмеялся, и низкий звук его смеха отозвался в пустом коридоре. Аргента почувствовала, как он чуть крепче прижал её к себе, преодолевая последние ступени. На стенах дрожали отражения старинных светильников, из высоких окон тянуло влажной прохладой, а где-то в глубине особняка негромко переговаривались сотрудники ночной смены. Дом жил своей обычной жизнью, в которой вооружённые патрули, секретные архивы и древние чудовища давно стали столь же привычными, как расписание завтраков. Впрочем, если бы кто-нибудь из молодых охранников встретил их сейчас, завтра по коридорам непременно поползли бы слухи. Особенно учитывая, что Алукард имел склонность поощрять подобные разговоры, если они обещали испортить настроение Интегре.

– Ты сегодня слишком старательно дразнила хозяйку, – снова напомнил он, открывая дверь их покоев плечом.

– Неужели? А мне казалось, я проявила редкую сдержанность. Ни разу не напомнила ей, что курение в лаборатории запрещено не только внутренним распорядком, но и элементарным здравым смыслом. Почти не комментировала её манеру отдавать распоряжения. Даже позво-

лила занять моё кресло, хотя за подобное самоуправство некоторые мои предки отправили бы виновного в темницу.

– И всё же ты прекрасно знала, что делаешь, когда называла меня своим господином.

Аргента подняла голову. Он смотрел на неё с тем насмешливым вниманием, которое всегда предшествовало особенно неприятным вопросам. Прекрасно. Значит, разговор об Интегре всё-таки состоится, причём именно сейчас, когда она собиралась принять ванну, переодеться и провести хотя бы час без необходимости объяснять очевидные вещи людям, которые по долгу службы должны были понимать их самостоятельно.

– Я называю тебя так уже несколько столетий, – напомнила она. – Если миледи только сегодня обнаружила, что это обращение существует, боюсь, её осведомлённость о личной жизни сотрудников организации оставляет желать лучшего.

– Она обнаружила это гораздо раньше.

– Тогда тем более странно, что до сих пор не издала соответствующий приказ.

Алукард опустил её на пол возле дивана, но, когда Аргента собралась отойти, удержал за талию. Она позволила ему притянуть себя ближе, положила ладони на лацканы и обнаружила, что одна из пуговиц снова застёгнута неправильно. Подобная небрежность у человека, способного с поразительной точностью управлять собственной внешностью, могла объясняться исключительно желанием её подразнить. Аргента расстегнула пуговицу и принялась исправлять положение, пока Алукард с откровенным удовольствием наблюдал за её занятием.

– Интегра не нуждается в приказах, чтобы выражать своё неудовольствие, – заметил он. – Особенно когда речь идёт о тебе.

– Какое счастье, что я не обязана отчитываться перед ней о каждом проявлении нежности. Хотя подозреваю, что она с удовольствием ввела бы соответствующий журнал регистрации. В двух экземплярах, с обязательной подписью свидетеля.

Он наклонился, коснулся губами её виска и задержался возле уха.

– Ты ревнуешь её, искра моя?

Аргента закончила возиться с пуговицей и подняла взгляд. Вопрос был задан почти лениво, однако она слишком хорошо знала Алукарда, чтобы принимать подобную небрежность за отсутствие интереса. Он мог превратить в развлечение что угодно, от поединка с вооружённым отрядом до разговора о чувствах, которые собеседник предпочёл бы оставить при себе. Особенно если этот собеседник имел несчастье любить его достаточно давно, чтобы перестать бояться подобных игр, но не настолько давно, чтобы научиться всегда выходить из них победителем.

– Миледи? – переспросила она с безукоризненным удивлением. – Мой господин, неужели ты полагаешь, что я способна ревновать тебя к женщине, которая предпочитает общество сигары обществу любого мужчины?

– Она предпочитает моё общество.

Алукард рассмеялся, но не отпустил её. Аргента почувствовала, как его ладонь переместилась выше, к затылку, и пальцы осторожно запутались в волосах. В этом жесте была привычная властность, не требовавшая ни усилий, ни демонстрации превосходства. Он просто удерживал её рядом, ожидая ответа, и Аргента с некоторым раздражением признала, что вопрос действительно заслуживает большего, чем очередная насмешка.

– Нет, – ответила она наконец. – Я не ревную Интегру. Но иногда мне хочется напомнить ей, что владеть твоими услугами и владеть тобой целиком не одно и то же. Особенно когда она начинает путать эти понятия.

Алукард посмотрел на неё с явным удовольствием. Затем медленно наклонился и поцеловал, не позволяя продолжить рассуждения о правах собственности. Аргента охотно ответила, чувствуя, как его пальцы скользнули вдоль шеи и остановились у воротника халата. Поцелуй оказался долгим, неторопливым, с той уверенной настойчивостью, которую он проявлял

во всём, что действительно его занимало. Когда он наконец отстранился, Аргента обнаружила, что совершенно забыла, какую именно мысль собиралась высказать.

– Сними халат, графиня, – велел он негромко. – От тебя пахнет спиртом, кровью и чужой смертью.

– Удивительно, что ты жалуешься. Обычно подобные ароматы вызывают у тебя исключительно приятные воспоминания.

– Сегодня я предпочёл бы твой собственный запах.

Аргента усмехнулась, расстёгивая халат. Он умел произносить самые простые вещи так, что они превращались одновременно в приказ, комплимент и совершенно непристойное обещание. Причём с видом человека, который всего лишь осведомился о погоде. Она отправила халат в корзину для загрязнённой одежды, сняла туфли и с удовольствием прошлась босиком по мягкому ковру. После долгого вечера подобные мелочи приобретали почти неприличную привлекательность.

Их покои представляли собой довольно своеобразный компромисс между старинным замком, современной квартирой и логовом существа, чьи представления об уюте формировались в те времена, когда хорошей мебелью считалась та, которую не слишком жалко залить кровью. Высокие окна закрывали тяжёлые портьеры, на стенах висели картины, пережившие нескольких владельцев, а возле камина стоял современный холодильный шкаф, содержимое которого могло вызвать серьёзные вопросы у санитарной инспекции. На низком столике лежали её записи, оставленные утром, рядом обнаружилась книга, которую Аргента искала уже третью неделю. Она остановилась, узнав потёртый кожаный переплёт.

– Алукард, это мой экземпляр «Истории трансильванских княжеств»?

– Возможно.

– Тот самый, который исчез из моего кабинета?

– Какая любопытная история.

Аргента взяла книгу. Между страницами обнаружилась закладка, изготовленная из старинной игральной карты. У Алукарда всегда были весьма своеобразные представления о ценности вещей. Он мог без сожаления уничтожить бесценный исторический артефакт, если тот мешал ему добраться до противника, и одновременно хранить какую-нибудь совершенно непримечательную безделушку исключительно потому, что она напоминала о давно умершем человеке.

– Ты украл мою книгу, – констатировала она, перелистывая страницы.

– Я предпочитаю выражение «временно освободил от недостатка внимания».

– И давно?

– Достаточно, чтобы убедиться, что автор идиот.

– Какое счастье, что ты не занимаешься научным рецензированием. Академическое сообщество понесло бы невосполнимые потери.

Алукард подошёл к холодильному шкафу и достал оттуда две бутылки с тёмной жидкостью. Аргента наблюдала, как он наполняет бокалы, и невольно отметила, что выбрал именно тот запас, который она предпочитала после тяжёлой работы. Никаких вопросов о вкусах, никаких попыток угодить напоказ. Он просто знал, что ей нравится, и считал совершенно естественным помнить подобные вещи. Впрочем, за столетия они оба накопили достаточно привычек друг друга, чтобы при желании составить подробнейшее руководство по взаимному раздражению. Аргента подозревала, что подобный труд пользовался бы огромным успехом среди семейных психологов, если бы кто-нибудь рискнул его опубликовать.

Она устроилась на диване, поджав под себя ноги, и приняла протянутый бокал. Кровь оказалась нужной температуры, с тем глубоким, чуть терпким вкусом, который она любила. Аргента сделала несколько глотков, чувствуя, как приятное тепло постепенно разливается по телу. Напряжение последних часов начало отступать, хотя мысли всё ещё возвращались к Уил-

кинсу, его странной смерти и повреждённым структурам, обнаруженным в крови. Алукард сел рядом, забрал у неё книгу и положил на столик, не обращая внимания на возмущённый взгляд. Затем притянул её к себе, устраивая так, чтобы она могла опереться спиной на его грудь. Аргента охотно подчинилась. После нескольких часов работы стоять на ногах совершенно не хотелось, а его объятия были куда удобнее любого кресла, даже если сам обладатель этих объятий время от времени демонстрировал характер, достойный самых дурных представителей балканской аристократии.

Некоторое время они сидели, слушая дождь за окнами. За стеной старинные часы отбили половину второго, где-то внизу прошли сотрудники охраны, переговариваясь вполголоса. Особняк Хеллсинга никогда не спал по-настоящему, и это обстоятельство Аргента находила весьма разумным. Организация, занимающаяся уничтожением нежити, едва ли могла позволить себе роскошь нормального рабочего графика.

– Ты солгала Интегре, – произнёс Алукард.

Аргента не шелохнулась, хотя мысленно позволила себе несколько выражений, которые в присутствии миледи наверняка повлекли бы очередную лекцию о приличиях.

– Какое суровое обвинение. Надеюсь, у тебя имеются доказательства.

– Ты сказала ей, что узел предназначался для сохранения воспоминаний. Но не объяснила, ради чего его создавали.

Она медленно повернула голову. Алукард смотрел на неё поверх бокала, и выражение его лица не оставляло сомнений в том, что он прекрасно понял разницу. Аргента почувствовала невольное раздражение. Разумеется, именно он должен был заметить. Интегра сосредоточилась на возможностях неизвестной технологии, а Алукард, которому, казалось бы, полагалось скучать при одном упоминании клеточных структур, уловил то, что она намеренно обошла стороной.

– Я не солгала, мой господин. Я сообщила миледи ту часть сведений, которую могла подтвердить. Научная добросовестность, знаешь ли, иногда требует определённой осторожности.

– Как благородно. Особенно для Батори.

– Не злоупотребляй моей любовью к тебе.

Он рассмеялся, поставил бокал на стол и переместил ладонь с её плеча на талию. Аргента почувствовала, как пальцы слегка сжались, удерживая её рядом. В этом жесте не было угрозы, но она слишком хорошо знала его манеру вести подобные разговоры. Алукард любил предоставлять собеседнику возможность добровольно признаться во всём, прежде чем начинал задавать по-настоящему неприятные вопросы. Когда-то подобная привычка сделала его весьма успешным правителем. Теперь она делала его невыносимым любовником, особенно если речь шла о секретах, которые Аргента предпочла бы некоторое время сохранить при себе.

– Рассказывай, графиня.

– Ты мог бы попросить.

– Я мог бы, – согласился он с такой невозмутимостью, что Аргента едва не рассмеялась. – Но ты ведь прекрасно знаешь, что я предпочитаю получать ответы без лишних церемоний.

– Какая неожиданность. А я-то полагала, что твоя склонность к приказам осталась в пятнадцатом веке вместе с кольями и турецкими послами.

Алукард наклонился, коснулся губами её шеи и задержался там ровно настолько, чтобы она ощутила знакомое, совершенно неуместное сейчас удовольствие. Аргента прекрасно понимала, что он делает. В его исполнении даже обычный разговор мог превратиться в своеобразную охоту, где добыче позволялось сопротивляться исключительно ради удовольствия охотника. Впрочем, она никогда не считала себя беззащитной жертвой, а потому, вместо того чтобы продолжать препирательства, устроилась удобнее и положила ладонь ему на грудь.

– Узел наследования, – начала она, – никогда не предназначался для простого переноса воспоминаний. Это была лишь побочная возможность. Мои предки пытались решить куда

более занимательную задачу. Они хотели научиться передавать способности древних вампиров тем, кто такими способностями не обладал. Не отдельные навыки, которые можно приобрести обучением, а саму природу этих способностей, то, что делает одного вампира сильнее другого.

Алукард слушал, не перебивая. Аргента чувствовала его внимание почти физически, хотя внешне он оставался совершенно расслабленным. Подобная сосредоточенность всегда нравилась ей больше любых восторженных расспросов. Он не нуждался в подробных объяснениях очевидного, не требовал упрощать сложные вещи и, что особенно приятно, никогда не пытался изображать понимание там, где его не было. Если Алукард задавал вопрос, значит, ответ действительно его интересовал.

– Представь себе, – продолжила она, – возможность взять мастерство фехтовальщика, знания учёного или способности колдуна и передать совершенно другому существу. Без обучения, без многолетней практики, без необходимости вообще понимать, каким образом эти навыки были приобретены. Для моих предков подобная перспектива выглядела чрезвычайно соблазнительной. Особенно учитывая, что большинство из них предпочитало получать желаемое с минимальными усилиями, если не считать усилий, затраченных на мучения подопытных.

– Люди всегда мечтали получить всё, не заплатив должной цены, – заметил Алукард.

– В данном случае цену платили другие. Причём довольно высокую. Большинство опытов заканчивалось гибелью носителя, остальные приводили к разрушению личности. Однако среди сохранившихся записей упоминался особый тип крови, способный удерживать множество чужих сущностей одновременно. Её называли царской.

Он медленно провёл пальцами по её плечу, и Аргента почувствовала, как изменилось его внимание. Она не видела его лица, но прекрасно знала эту перемену. Насмешливое благодушие уступало место чему-то более сосредоточенному и опасному, хотя внешне Алукард мог оставаться совершенно неподвижным.

– И где твои предки собирались раздобыть такую кровь?

– В этом и заключалась проблема. Они не знали ни одного существа, которое согласилось бы добровольно предоставить материал. А попытки получить его силой обычно заканчивались весьма печально для исследователей. Как ни странно, древние вампиры редко испытывали благодарность к людям, пытавшимся разобрать их на полезные компоненты.

Алукард негромко рассмеялся, но Аргента уже видела, что шутка не отвлекла его от сути. Она повернулась к нему лицом, поставив бокал на столик, и некоторое время рассматривала знакомые черты. Ей доводилось видеть его в самых разных состояниях, от ленивого благодушия до ярости, способной превратить целые улицы в бойню. Она знала, что скрывается за его человеческим обликом, и никогда не питала иллюзий относительно природы существа, которого любила. Именно поэтому обнаруженное в крови Уилкинса казалось особенно тревожным.

– Я думаю о тебе, мой господин, – произнесла она наконец. – О том, что Уилкинс узнал тебя, хотя никогда прежде не встречал. О том, что в его крови находились воспоминания человека, погибшего пять столетий назад. И о том, что его организм начал разрушаться именно тогда, когда одна из чужих личностей осознала, кто перед ней.

Алукард медленно провёл пальцами по её щеке.

– Ты опасаешься, что кто-то воспользовался моей кровью.

– Я опасаюсь, что кто-то научился воспроизводить её свойства.

Это различие представлялось Аргенте принципиальным. Получить кровь Алукарда было трудно, но не невозможно. За столетия он пролил её достаточно, чтобы при желании можно было собрать целую коллекцию образцов. Гораздо серьёзнее выглядела возможность искусственного воспроизведения тех особенностей, которые делали его уникальным. Если неизвестный исследователь действительно приблизился к подобному результату, речь шла уже не об отдельных опытах с чужими воспоминаниями, а о попытке создать совершенно новый тип вампира.

– И ты решила не сообщать об этом хозяйке, – произнёс он.

– Пока нет. У меня недостаточно доказательств. Кроме того, ты прекрасно знаешь миледи. Стоит ей услышать слова «кровь Алукарда» и «неизвестный эксперимент», как половина оперативного отдела отправится прочёсывать Лондон, а вторая начнёт требовать объяснений от меня. Причём именно в таком порядке. Я предпочла бы сначала понять, с чем мы столкнулись, а уже потом устраивать военную операцию с неизбежным разрушением исторической застройки.

– Она заботится о безопасности организации.

– Я знаю, – ответила Аргента, на этот раз без привычной насмешки. – И не собираюсь скрывать от неё сведения, которые действительно могут представлять угрозу. Но между обоснованным подозрением и доказанным фактом существует разница, которую миледи иногда предпочитает не замечать. Особенно когда речь идёт о тебе.

Алукард некоторое время рассматривал её, затем усмехнулся и притянул ближе. Аргента позволила себе устроиться у него на коленях, чувствуя, как усталость постепенно берёт своё. Однако разговор ещё не был закончен. Оставалась подробность, которую она не сообщила Интегре и которая тревожила её гораздо сильнее самой возможности использования древней крови.

– В старых схемах узел наследования имел дополнительный элемент, – продолжила она, положив ладонь ему на грудь. – Небольшую петлю возле центрального соединения. В крови Уилкинса она тоже присутствовала, но оказалась повреждена. В семейных рукописях этот элемент назывался печатью повиновения. Предполагалось, что он удерживает перенесённые сущности под контролем, не позволяя им действовать самостоятельно или подавлять личность носителя.

– И что же тебя беспокоит?

– Печать должна была разрушаться только по воле того, кто её создал.

Алукард медленно улыбнулся. На этот раз в его улыбке не было ничего добродушного, и Аргента почувствовала знакомый холодок удовольствия. Она слишком хорошо знала это выражение. Так он смотрел на противника, который ещё не понимал, насколько неудачно выбрал себе врага.

– Значит, кто-то убил нашего приятеля, – произнёс он.

– Возможно. Или попытался уничтожить доказательства. Но если печать действительно управлялась извне, то человек, создавший Уилкинса, мог наблюдать за происходящим и принять решение в тот момент, когда понял, что мы его обнаружили.

Алукард рассмеялся негромко, почти ласково. Аргента почувствовала, как его ладонь легла ей на затылок, удерживая рядом.

– Как предусмотрительно с его стороны.

– Я бы предпочла назвать это трусостью.

– Одно другому не мешает.

Он наклонился и поцеловал её. Аргента ответила, но, когда он отстранился, не удержалась от замечания, что неизвестный исследователь представляет гораздо большую ценность живым, особенно если действительно сумел усовершенствовать технологию, над которой её предки безуспешно бились несколько столетий. Алукард выслушал её с выражением откровенного удовольствия, словно сама мысль о необходимости сдерживаться обещала доставить ему немало развлечений.

– Для тебя, искра моя, я готов проявить великодушие, – произнёс он. – Позволю ему ответить на твои вопросы.

– А потом?

– А потом он ответит на мои.

Аргента вздохнула. Вот теперь она узнавала собственного господина.

– Только не превращай допрос в представление, мой господин, – попросила она. – Мне действительно нужны ответы.

– Тогда постарайся задавать хорошие вопросы.

– Ты невыносим.

– А ты всё ещё здесь.

Он притянул её ближе, и Аргента с удовольствием устроилась у него на коленях, положив голову на плечо. Спорить с последним утверждением было затруднительно. Она имела достаточно возможностей убедиться, что совместная жизнь с Алукардом не станет спокойной, благопристойной или хотя бы предсказуемой. И всё же каждый раз, когда он обнимал её вот так, без свидетелей и необходимости играть перед кем-либо роль чудовища, она испытывала то редкое чувство покоя, которого не могла найти больше нигде. За окнами продолжал идти дождь. На каминной полке тихо тикали часы, рядом с диваном стояли недопитые бокалы, а на столике лежала книга, которую Алукард совершенно бесстыдно украл из её кабинета. Аргента провела пальцами по его волосам и подумала, что завтра непременно потребует вернуть остальные пропавшие издания. Хотя прекрасно понимала, что он, скорее всего, предложит ей поискать их самостоятельно, а затем превратит поиски в очередное развлечение.

– Мой господин, – произнесла она спустя некоторое время, – ты ведь расскажешь мне о Мадоге?

– Расскажу, – отозвался он, но по выражению его лица Аргента поняла, что продолжения сегодня не последует.

Она могла бы настоять, разумеется. Могла бы привести несколько убедительных доводов, напомнить о необходимости расследования и даже пригрозить, что завтра отправится в архив без него. Однако Алукард уже наклонился к её губам, и возражение пришлось отложить. В конце концов, некоторые споры действительно могли подождать до утра. Она ответила на поцелуй, обвила рукой его шею и позволила себе забыть о лаборатории, архивных рукописях и неизвестном исследователе, который, возможно, уже совершил самую большую ошибку в своей жизни. Тот ещё не знал, что привлёк внимание Алукарда. И Аргента почти пожалела его.

Стук совпал со щелчком дверной ручки. Аргента ещё не успела отстраниться от Алукарда, когда дверь распахнулась и в комнату боком протиснулась девушка с серебряным подносом. Фарфоровые чашки подпрыгнули на блюдцах, чайник с тонким изогнутым носиком скользнул к краю, но гостья подхватила его мизинцем и водворила обратно. С такой скоростью можно было перехватить летящий нож. Для доставки чая способ выглядел несколько расточительным.

– Учитель, я принесла… Ой.

Виктория Серас остановилась посреди ковра. Свет из коридора золотил короткие светлые волосы, взъерошенные на затылке, и мягкие пряди у щёк. Большие голубые глаза переместились с Алукарда на Аргенту, опустились к его руке у неё на талии и поспешно уставились в чайник. На вид девушке было чуть больше двадцати. Небольшой нос, полные губы, округлые щёки, на которых уже проступал румянец. С таким лицом следовало торговать цветами или возмущаться непристойностями за соседним столиком. Впрочем, последнее у неё, вероятно, получилось бы и здесь.

Форменный воротничок был застёгнут аккуратно, зато тесная на пышной груди рубашка натягивалась при каждом движении. Короткая юбка, высокие чулки и тяжёлые служебные ботинки довершали наряд, в котором Хеллсинг отправлял свою новую сотрудницу охотиться на нечисть. Аргента с сомнением оглядела полоску открытой кожи над чулками. Судя по выбору формы, миледи рассчитывала сначала соблазнить противника девичьими прелестями, а затем пристрелить, пока тот отвлёкся. На ткани сэкономили с поразительной избирательностью. Самой Интегре для командования из кабинета требовался добротный брючный костюм, а девушке, которой предстояло лазить через ограды и ползать под обстрелом, выдали юбку

едва длиннее поясного ремня. Аргента всё ещё держала Алукарда за ворот. Отпускать его не хотелось, хотя присутствие третьей вампирской особы с чайным сервизом заметно меняло её планы. Она попробовала отступить ровно настолько, чтобы видеть гостью, и почувствовала, как его ладонь плотнее легла на талию. Подняв голову, Аргента встретила откровенно довольный взгляд. У него развлечение продолжалось.

– Входи, полицейская, – произнёс он. – Ты уже вошла.

– Простите! Я не знала, что вы… Я думала, после выезда…

Серас попыталась отступить, каблук зацепился за край ковра, и фарфор зазвенел снова. Аргента невольно стиснула пальцами ткань воротника. За вечер эта девушка наверняка держала в руках оружие, способное пробить автомобиль навылет. Теперь её одолевали две чашки и чайник, причём чайник, кажется, побеждал.

– Поднос на стол, Виктория. Сначала поднос.

Освободившись от руки Алукарда, Аргента успела перехватить чашку, съехавшую с блюдца, и поставила её рядом с сахарницей. Фарфор оказался тёплым, почти прозрачным у края, с тонкой синей веточкой под золотым ободком.

– Я постучала, – тихо сказала Серас, опуская поднос.

– Я слышала. В следующий раз дождитесь ответа.

За спиной раздался низкий смешок. Аргента обернулась: Алукард остался у кресла, совершенно не стесняясь того, что ворот его рубашки был расстёгнут, а галстук она так и не вернула на место. Смотрел он на неё, и именно это раздражало больше всего. Серас ещё можно было выпроводить. С его весельем предстояло разбираться лично. Аргента задержала взгляд на Серас, пока та поправляла на подносе ложечку, уже лежавшую совершенно ровно. Пальцы девушки метнулись к сахарнице, затем к ручке чайника. Хотелось попросить её наконец оставить посуду в покое, но для этого пришлось бы продолжить разговор, которого Аргента не желала с самого начала.

Серас ей никогда не нравилась. Она могла признать за девушкой храбрость, даже доброту, хотя последняя в Хеллсинге представлялась сомнительным приобретением. Но Виктории недоставало воспитания, выдержки, самого простого умения почувствовать, когда её присутствие становится обременительным. Светский лоск ещё можно было привить. С тем особым оттенком тьмы, который Аргента ценила в породистых вампиршах, дело обстояло хуже: Серас носила своё бессмертие с растерянностью девицы, получившей чужое дорогое платье и не знающей, куда в нём отправиться. К тому же она краснела. После смерти, после первой охоты, с клыками во рту – всё ещё краснела при виде мужчины с расстёгнутым воротом. Глупенькая дракулина-девственница, которую её создатель почему-то находил достойной внимания. Аргента провела большим пальцем по тёплой ручке чашки, с неудовольствием сознавая, что сейчас ей особенно приятно думать о Серас именно так.

– Вас ведь учили входить в чужие комнаты? – спросила она.

– Да. Простите, я…

– Тогда не будем винить ваших воспитателей.

Подняв чашку, Аргента повернулась к Алукарду. Он уже устроился в кресле, вытянув ноги, и наблюдал за ними с таким удобством, будто вечер наконец начал складываться по его вкусу. От этого хотелось быть ещё менее любезной.

– Мой господин, в следующий раз, когда решишь подарить кому-нибудь вечную жизнь, приложи к ней несколько уроков хороших манер. У тебя будет достаточно времени.

Он оскалился, и Аргента ощутила знакомое удовольствие от того, что всё-таки задела его внимание.

– Начни с себя, графиня. Девчонка принесла тебе чай.

– И получила возможность уйти с благодарностью. Но ты её задержал.

Алукард протянул руку ладонью вверх. В этом жесте было достаточно повелительности, чтобы Аргента прекрасно поняла приглашение, и достаточно самоуверенности, чтобы захотелось его проигнорировать. Она поставила чашку на стол и осталась рядом с Серас, хотя ещё недавно сама цеплялась за его ворот.

– Не сейчас. Я знакомлюсь с результатами твоего воспитания.

Его рука опустилась на подлокотник. Улыбка стала шире, обнажив клыки, а взгляд скользнул по Аргенте с той неторопливой пристальностью, от которой ей захотелось подойти. Именно поэтому она взялась за чайник и повернула его носиком к чашке.

– Виктория, вам с сахаром?

– Две… Если можно, – выдавила Серас и тут же подняла глаза. – То есть я не себе принесла. Я не знаю, вам вообще…

Щёки её снова порозовели. Аргента положила в чашку два кусочка сахара, стараясь не задеть щипцами тонкий край. Наливать чай оказалось полезным занятием: оно позволяло смотреть на струйку янтарной жидкости, пока девушка подбирала слова для вопроса, который вполне могла задать собственному создателю.

– Вампиры способны пить чай, Виктория. И получать от него удовольствие. Но по своей физиологии мы должны пить кровь. Чай этого не заменит, сколько бы сахара вы в него ни положили.

Она поставила чайник и подвинула чашку к краю стола. Серас потянулась за ней обеими руками, почти благодарно, и эта поспешная готовность принять снисхождение почему-то раздражила сильнее прежнего. Аргента могла бы закончить на этом. Вместо этого придержала блюдце пальцами, вынуждая девушку поднять взгляд.

– Вам следовало усвоить это раньше, чем браться нас обслуживать. Отказ от крови не сделает вас снова человеком. Только голодной, слабой и обременительной для тех, кому придётся вас спасать.

– Аргента. Подойди.

От его голоса она убрала руку от блюдца. Алукард сидел всё так же, но улыбки на лице больше не было. Он смотрел прямо на неё, и в этом коротком приказе не оставил ничего, что можно было бы принять за приглашение продолжить перепалку. Особенно неприятно было услышать его при Серас. Девушка застыла с чашкой, не поднося её ко рту, и Аргента пожалела, что вообще предложила ей остаться. Теперь следовало либо устроить спор через всю комнату, либо подойти. Она выбрала второе, слишком сердитая, чтобы доверять собственному голосу, и остановилась возле кресла.

– Что?

Он взял её за запястье и потянул чуть ближе. Аргента шагнула, собираясь наклониться к нему, но свободная ладонь Алукарда тяжело шлёпнула её по ягодице. Резкий звук заставил Серас пискнуть за спиной. Боль была короткой. Гораздо сильнее ударило сознание того, что он позволил себе это при посторонней, словно мог наказать её и затем вернуться к прерванному разговору. Аргента вырвала запястье и ударила его по лицу открытой ладонью, вложив в пощечину всю злость, которую до этого тратила на чай, фарфор и несчастную девчонку. Его голова мотнулась. В пальцах осталось неприятное покалывание, но отступать Аргента не стала. Она стояла вплотную к креслу, глядя, как Алукард медленно возвращает лицо к ней, и уже не испытывала ни малейшего желания язвить.

– При ней ты этого делать не будешь.

Алукард поднялся, и Аргента отступила ровно настолько, чтобы между ними осталось место для удара. Уходить она не собиралась. Когда его рука потянулась к её плечу, перехватила запястье и оскалилась, уже не заботясь о том, какое впечатление произведёт на девушку за спиной. Он рыкнул в ответ. Низкий звук отозвался в груди, неприятно знакомый по охоте, и в следующую секунду Аргента оказалась прижата к спинке соседнего кресла. Обивка треснула

под пальцами. Вывернувшись прежде, чем он успел удержать вторую руку, она впилась клыками в его предплечье. Алукард резко втянул воздух и разжал ладонь. Этого хватило, чтобы оттолкнуть его от себя. Каблуки скользнули по ковру, столик качнулся, и Серас сдавленно вскрикнула, подхватывая чайник.

– Выйди, полицейская.

Приказ прозвучал отчётливо даже сквозь рычание. Серас не потребовалось повторять. Дверь закрылась, отсекая свет коридора, и Аргента наконец разжала пальцы. Теперь можно было злиться на него без свидетелей, не заботясь о том, какой урок извлечёт из происходящего его несносная воспитанница.

– Ты испортила мне рубашку, – заметил Алукард, взглянув на растянутый ворот.

– У тебя есть другие.

Он поднялся, вынуждая её запрокинуть голову, и остановился достаточно близко, чтобы она могла различить тонкий след своей ладони на его щеке. След исчезал. Досадно быстро.

– Ещё ударишь?

Аргента взялась за его ворот прежде, чем успела решить, что именно ответит. Ей нравился этот взгляд, слишком внимательный для ленивой усмешки, нравилось, что теперь всё его внимание принадлежало ей. Обида ещё не прошла, но продолжать ссору всерьёз уже не хотелось.

– Попробуй удержать.

Он поймал её руку, когда она толкнула его в грудь. Аргента вывернулась, зацепила ногой его сапог и едва не опрокинула их обоих на кресло. Алукард рассмеялся, принимая её вес, и развернул так резко, что пришлось ухватиться за его плечо. Она зарычала ему прямо в лицо, обнажив клыки, а затем щёлкнула зубами возле удерживавшей её перчатки.

– Осторожнее, графиня. Это последняя целая пара.

– Сними.

Пока он смотрел на неё, Аргента освободила запястье и попыталась обойти его сбоку. Ответный шлепок заставил её возмущённо обернуться, но на этот раз она уже смеялась, хватая его за отворот жилета. Алукард перехватил обе её руки и удержал у своей груди. Пришлось признать поражение, по крайней мере до тех пор, пока он не ослабит хватку. Она потянулась к нему сама. Он встретил её поцелуем, и Аргента закрыла глаза, позволяя себе наконец забыть о чае, испорченном вороте и девушке, которая наверняка всё ещё краснела где-нибудь за дверью. Когда его пальцы разжались, она положила ладонь ему на щёку, туда, где совсем недавно оставила след.

– Серас сюда больше не пускай.

Алукард усмехнулся у её губ, но к двери всё-таки повернулся. Щёлкнул замок.

Глава 4

Утро в особняке Хеллсинг началось с обстоятельства, которое Аргента сочла чрезвычайно благоприятным: Алукард отправился на аудиенцию к миледи в превосходном расположении духа и с таким количеством следов её зубов на шее, что даже самый невнимательный наблюдатель едва ли усомнился бы в причинах его довольства. Она проводила его до дверей спальни, остановившись у высокого зеркала, и с удовольствием оценила результаты ночи. На фоне белоснежного воротника рубашки две багровые отметины выглядели особенно вызывающе. Третья, расположенная ниже ключицы, почти скрывалась под тканью, но Аргента прекрасно знала, где её искать. К сожалению, большая часть остальных повреждений уже успела исчезнуть. Вампирская регенерация представляла собой замечательное достижение природы, хотя в некоторых обстоятельствах проявляла совершенно неуместную поспешность.

– Мой господин, – произнесла она, поправляя ему галстук, – ты уверен, что намерен предстать перед миледи именно в таком виде?

Алукард, до этого с откровенным интересом наблюдавший за её попытками придать его одежде подобие пристойности, перевёл взгляд на отражение. На губах появилась та самая улыбка, которую Аргента хорошо помнила ещё по временам, когда он предпочитал встречать незваных гостей на крепостных стенах. С тех пор его методы несколько усовершенствовались, однако удовольствие от предстоящего столкновения осталось прежним.

– Ты недовольна своей работой, графиня?

– Напротив, чрезвычайно довольна. Меня беспокоит исключительно её демонстрация в служебное время. Миледи и без того придерживается весьма предвзятого мнения о моём влиянии на тебя.

– Неужели?

В его голосе прозвучало такое откровенное удовольствие, что Аргента прекратила возиться с воротником и посмотрела на него. Вот оно, собственно, и было. Не следы укусов, не помятая рубашка и даже не предстоящая выволочка, которую он, по всей видимости, ожидал с тем же нетерпением, с каким порядочные люди ожидают приглашения на званый ужин. Алукард прекрасно понимал, какое впечатление произведёт на Интегру, и собирался насладиться каждой минутой. При этом совершенно не исключалось, что разговор будет серьёзным. В его характере каким-то непостижимым образом уживались способность с подлинным уважением относиться к хозяйке и желание довести её до белого каления исключительно ради удовольствия наблюдать за последствиями.

– Не смей делать вид, будто не понимаешь, о чём я говорю, – предупредила Аргента. – Вчера миледи была не в настроении. Сегодня, полагаю, оно станет ещё хуже, когда ты войдёшь в кабинет с видом человека, которому только что сообщили о капитуляции Османской империи.

Алукард рассмеялся, запрокинув голову, и Аргента с удовлетворением отметила, что сравнение пришлось ему по вкусу. Исторические аналогии действовали на её господина гораздо лучше большинства современных шуток, особенно если затрагивали события, в которых он когда-то принимал непосредственное участие. Правда, существовал риск, что он немедленно начнёт исправлять неточности, и тогда утренний разговор затянется до обеда. К счастью, сегодня его занимало другое.

– Ты предлагаешь мне явиться к хозяйке с повинной головой? – поинтересовался он, наклоняясь к ней. – Опустить глаза, сложить руки и поклясться, что впредь буду вести себя пристойно?

Аргента представила эту картину и невольно усмехнулась. Алукард, смиренно стоящий перед письменным столом Интегры, выглядел бы зрелищем настолько противоестественным, что сама миледи наверняка заподозрила бы вмешательство враждебной магии. Более того,

он непременно превратил бы собственное раскаяние в столь изощрённое издевательство, что выволочка закончилась бы значительно раньше запланированного срока, а ущерб мебели пришлось бы списывать на очередное нападение нежити.

– Нет, мой господин. Я предлагаю тебе хотя бы попытаться не получать удовольствия от её раздражения. Понимаю, требование почти бесчеловечное, но ради разнообразия можно было бы попробовать.

– А ради чего, искра моя, мне отказывать себе в столь невинном развлечении?

– Ради сохранности кабинета. И моего душевного спокойствия. Мне совершенно не хочется снова выслушивать рассуждения миледи о том, что я поощряю твои худшие наклонности.

– Но ведь это правда.

Возразить было нечего, что Аргента находила особенно досадным. Более того, её собственное поведение минувшей ночью предоставляло Алукарду достаточно оснований для подобного утверждения. Она могла сколько угодно ссылаться на его провокации, отвратительный характер и совершенно недопустимую манеру обращаться с дамами благородного происхождения, но прекрасно помнила, кто первым решил проверить остроту собственных клыков и насколько охотно её господин принял вызов.

– Не льсти себе, – произнесла она, расправляя ткань на его груди. – Некоторые твои наклонности прекрасно обходились без моего участия задолго до нашего знакомства.

Алукард поймал её за запястье, прежде чем она успела отступить, и неторопливо поднёс ладонь к губам. Аргента почувствовала лёгкое прикосновение клыков к основанию большого пальца, после чего он поцеловал то же место с совершенно издевательской нежностью. Она слишком хорошо знала подобные уловки, чтобы принимать их за проявление кротости. Особенно когда за ними следовал взгляд, откровенно предлагающий забыть о времени, приличиях и назначенной аудиенции. Предложение, надо признать, было соблазнительным. Аргента даже позволила себе несколько мгновений обдумать его, прежде чем вспомнила о вчерашнем распоряжении Интегры. Миледи потребовала, чтобы Алукард явился к ней утром, и вряд ли предполагала, что её приказ будет обсуждаться в спальне на предмет удобства исполнения. Впрочем, если бы Аргента сообщила ей истинную причину возможного опоздания, последствия могли бы оказаться весьма занимательными.

– Нет, нет и нет, – предупредила она, хотя собственные пальцы уже скользнули к его воротнику. – Ты обещал миледи явиться утром.

– Утро ещё не закончилось.

– Вот именно. И я предпочла бы, чтобы оно закончилось без очередного международного скандала в пределах одного особняка.

Он притянул её ближе и поцеловал, не оставив возможности развить мысль. Аргента охотно ответила, поскольку сопротивляться исключительно ради соблюдения расписания казалось ей проявлением совершенно излишней добродетели. Однако, когда его ладонь переместилась к её талии, она всё-таки отстранилась, уперевшись пальцами ему в грудь. В конце концов, кто-то в этом доме должен был обладать хотя бы остатками благоразумия, и сегодня эта сомнительная честь, по всей видимости, досталась ей.

– Алукард, – произнесла она с укоризной, обнаружив, что он успел расстегнуть две только что застёгнутые пуговицы. – Тебе ведь доставляет удовольствие наблюдать, как я пытаюсь привести тебя в приличный вид?

– Чрезвычайное.

– Тогда наслаждайся последним результатом. Больше я ничего исправлять не стану.

Она отступила на шаг, оценила его внешний вид и решила, что дальнейшие усилия действительно бессмысленны. Белая рубашка выглядела вполне пристойно, если не обращать внимания на расстёгнутый ворот, галстук он вообще не пожелал надеть, а одна из отметин по-

прежнему оставалась на виду. Впрочем, Алукард никогда не испытывал особого почтения к требованиям этикета, если только не собирался использовать их против кого-нибудь другого. Пусть Интегра сама разбирается с последствиями его утреннего благодушия. В конце концов, именно она пожелала видеть его лично, и Аргента не находила причин лишать миледи столь сомнительного удовольствия. Алукард направился к двери, но на пороге остановился. Аргента уже собиралась пожелать ему приятной беседы, когда заметила, что он смотрит на оставленный возле кровати лабораторный планшет.

– Ты собираешься продолжить работу?

Вопрос прозвучал без прежней насмешки, и она невольно проследила за его взглядом. Накануне ей удалось сохранить результаты анализа, но некоторые изображения требовали повторной обработки, а найденный в крови Уилкинса дополнительный контур по-прежнему не давал покоя. Собственно, именно из-за него она и намеревалась провести утро за чтением. Однако посвящать Алукарда в свои планы сейчас не хотелось. Он и без того знал достаточно, чтобы при желании устроить ещё один обстоятельный допрос, а Аргента предпочитала сначала разобраться с собственными предположениями.

– Я собираюсь позавтракать, мой господин, – ответила она. – Принять ванну, надеть что-нибудь совершенно непригодное для лаборатории и провести хотя бы час в обществе существа, которое не пытается распоряжаться моим временем.

– И где же ты намерена найти такое существо?

– Надеюсь, в зеркале.

Он расхохотался, но вместо того, чтобы продолжить препирательства, подошёл к ней и положил ладонь на затылок. Аргента позволила ему поцеловать себя ещё раз, на этот раз без попыток превратить прощание в очередное испытание её благоразумия. Впрочем, даже теперь он не удержался от того, чтобы слегка прикусить ей нижнюю губу, и она ответила тем же, с удовольствием ощутив короткий смешок у самого рта.

– Не заставляй хозяйку ждать слишком долго, – напомнила она, поправляя ему воротник в последний раз. – Она и без того убеждена, что ты совершенно неуправляем.

– А разве это не так, искра моя?

Аргента улыбнулась и отступила, предоставив ему возможность самостоятельно открыть дверь. Сомневаться в его неуправляемости было бы нелепо. Однако она также прекрасно знала, что Алукард способен соблюдать обязательства, когда считает их достойными своего внимания. И отношения с Интегрой, несмотря на все его издевательства, принадлежали именно к таким обязательствам. Смех Алукарда ещё некоторое время доносился из коридора, прежде чем шаги стихли. Аргента закрыла дверь, вернулась в спальню и с удовольствием потянулась, наслаждаясь внезапной тишиной. После ночи, в течение которой покой не входил в число приоритетов, одиночество представлялось весьма привлекательным. Тем более что впереди её ожидало несколько часов без необходимости спорить, язвить, защищать собственное достоинство и отбиваться от совершенно непристойных предложений.

Ванная встретила её приятным теплом и запахом бергамота. Горячая вода, несколько капель масла чёрной розы, мягкие полотенца и полное отсутствие посторонних создавали условия, которые Аргента считала едва ли не обязательными для цивилизованного существования. Она никогда не понимала вампиров, полагавших, будто бессмертие освобождает от необходимости заботиться о собственном комфорте. Напротив, вечность предоставляла достаточно времени, чтобы довести искусство получать удовольствие от простых вещей до совершенства. После ванны она выбрала длинный чёрный халат из тяжёлого шёлка, отделанный старинным кружевом. Высокий воротник обрамлял шею, широкие рукава ниспадали почти до запястий, а глубокий вырез украшала тонкая вышивка, изображавшая переплетение шипов и стилизованных роз. При обычном освещении узор почти сливался с тканью, но стоило повернуться, как на чёрном фоне появлялся мягкий серебристый отблеск. Халат был совершенно непрактичен,

неприлично дорог и достаточно театрален, чтобы вызвать у Интегры очередное замечание о пристрастии Батори к мрачным эффектам. Аргента находила его великолепным.

Короткие чёрно-красные волосы после ванны торчали в разные стороны, и она потратила несколько минут, придавая им привычную небрежность. Подобная причёска не требовала особенных усилий, что представлялось несомненным преимуществом по сравнению с теми временами, когда дамам её положения приходилось проводить часы перед зеркалом, позволяя служанкам сооружать на голове сложные конструкции из локонов, лент и драгоценностей. Современная мода, при всех своих недостатках, обладала по крайней мере одним достоинством: она позволяла женщине выглядеть вызывающе без необходимости терпеть многочасовые мучения. В гостиной возле камина стоял небольшой холодильный шкаф с запасами крови. Аргента перебрала несколько бутылок, пока не нашла нужную. Кровь донора с сахарным диабетом второго типа, полученная через один из специальных каналов снабжения, обладала своеобразным сладковатым оттенком вкуса, который она находила весьма приятным. Разумеется, сама по себе болезнь не превращала кровь в десерт, и далеко не каждая подобная партия заслуживала внимания. Но эта оказалась удачной, с мягкой сладостью, едва заметной за привычным металлическим привкусом.

Налив кровь в высокий бокал из тёмного хрусталя, Аргента устроилась в кресле возле окна. За стеклом моросил дождь, превращая старинный парк в акварель из мокрых ветвей, поблёкшей зелени и тумана. По дорожке прошёл охранник в непромокаемом плаще, остановился возле ворот и некоторое время разговаривал по рации. Аргента проводила его взглядом, сделала глоток и с удовольствием ощутила, как приятное тепло постепенно разливается по телу. На столике рядом с креслом лежал планшет с результатами ночного анализа. Она взяла его, открыла сохранённые изображения и вновь погрузилась в изучение странных структур, обнаруженных в крови Томаса Уилкинса. Три переплетённые петли, центральный узел, дополнительный элемент, напоминавший каплю. Всё это выглядело почти изящно, если забыть, что речь шла о механизме, способном разрушить личность живого существа и наполнить её чужими воспоминаниями.

Аргента увеличила изображение повреждённого участка и задумчиво провела пальцем по экрану. За ночь программа завершила сравнительный анализ, предложив несколько вариантов реконструкции. Большинство она отвергла почти сразу. Алгоритм исправно соединял разорванные линии, руководствуясь геометрической вероятностью, но совершенно не учитывал того обстоятельства, что древние алхимики придавали форме узлов не только конструктивное, но и символическое значение. Для машины петля оставалась петлёй, независимо от того, означала ли она удержание, передачу или уничтожение. Аргента же слишком хорошо помнила старые семейные схемы, чтобы доверять подобным упрощениям. Один из вариантов заслуживал внимания. Дополнительный контур, который накануне показался ей повреждённой печатью повиновения, теперь выглядел иначе. Вместо замкнутой петли обнаруживалась тонкая линия, уходившая в сторону от основного узла, причём её окончание имело необычайно ровную форму. Если это действительно было разрушение структуры, следовало ожидать хаотичных обрывов, деформации соседних элементов, следов распада. Здесь же контур выглядел так, словно его намеренно отделили от остальной системы.

Аргента сделала ещё глоток, не отрывая взгляда от изображения. Подобная деталь могла оказаться случайностью, результатом неполного сохранения материала или ошибки реконструкции. Однако если предположить, что отделение произошло намеренно, возникал совершенно иной вопрос. Для чего создателю узла наследования понадобилось предусматривать возможность разрыва связи между центральной структурой и печатью повиновения? Возможный ответ ей не понравился. Печать могла предназначаться не только для удержания чужих сущностей внутри носителя, но и для управления ими извне. В таком случае Уилкинс представлял собой не самостоятельного обладателя чужих способностей, а своеобразный сосуд,

содержимое которого активировалось по воле другого существа. В памяти всплыли его движения во время схватки, внезапные изменения манеры фехтования, чужие интонации, появлявшиеся в голосе, и отчаянное требование Мадога вернуть ему имя. Тогда всё выглядело как хаотическая борьба нескольких сознаний за власть над одним телом. Но что, если последовательность этих изменений не была случайной? Что, если кто-то намеренно переключал их, проверяя, насколько точно подчиняется созданная система?

Подобная возможность открывала весьма неприятные перспективы. Вампир, способный пользоваться чужими навыками и воспоминаниями, представлял бы огромную ценность для любой организации, располагающей достаточными средствами и полным отсутствием нравственных ограничений. Однако для создания эффективного оружия требовалась стабильность, а Уилкинс оказался нестабилен до неприличия. Его личность разрушалась, чужие воспоминания конфликтовали друг с другом, и в конечном счёте он погиб, не выдержав нагрузки. Впрочем, возможно, стабильность и не входила в первоначальный замысел. Аргента отложила планшет и задумчиво покачала бокал. Если рассматривать Уилкинса не как неудавшееся оружие, а как расходный материал, предназначенный для кратковременного использования, многие противоречия исчезали. Его создателю не требовалось сохранять личность носителя на протяжении десятилетий. Достаточно было обеспечить несколько часов или дней, в течение которых чужие навыки оставались доступными. После этого сосуд можно было уничтожить, а полученные результаты использовать для следующего опыта.

Особенно неприятным представлялось то обстоятельство, что подобная технология могла найти применение далеко за пределами военных лабораторий. Человеческая жадность и любопытство всегда отличались завидной изобретательностью, когда речь заходила о возможности получить удовольствие за чужой счёт. Аргента слишком хорошо знала состоятельных людей, готовых платить баснословные суммы за ощущения, недоступные в обычной жизни. Некоторым из них давно наскучили традиционные развлечения, другим не хватало смелости испытать собственные фантазии на практике. Возможность прожить чужую жизнь, чужую охоту или даже чужую смерть могла показаться таким людям весьма привлекательной.

Она снова посмотрела на изображение центрального узла. Три петли, повреждённая печать, внешний контур. Если неизвестный исследователь действительно научился извлекать и передавать чужие воспоминания, подобная услуга могла превратиться в чрезвычайно прибыльное предприятие. Особенно если покупателям не требовалось задумываться о происхождении материала. Аргента сделала ещё глоток крови и невольно усмехнулась. Мир, конечно, не переставал удивлять её способностью превращать самые отвратительные вещи в предмет роскоши. Впрочем, прежде чем строить дальнейшие предположения, следовало проверить хотя бы одну из них. Если внешний контур действительно существовал, в сохранившемся образце могли остаться следы соединения с другим источником крови. Не обязательно полноценные клетки или генетический материал. Достаточно было обнаружить характерное изменение структуры, которое позволило бы отличить простую печать повиновения от системы передачи.

За окнами продолжал идти дождь, в камине тихо потрескивали поленья, а где-то в другом крыле особняка Алукард, вероятно, уже выслушивал первые замечания Интегры. Аргента надеялась, что он проявит хотя бы минимальную сдержанность, хотя утреннее настроение её господина не давало для подобного оптимизма ни малейших оснований.

Кровь в бокале успела остыть, пока Аргента разбиралась с результатами ночного анализа. Это было досадно. Хорошая кровь, подобно хорошему вину, заслуживала внимания, а не участи напитка, о котором вспоминают между двумя страницами научного отчёта. Впрочем, виноделам приходилось довольствоваться сравнительно скромным набором характеристик: сорт винограда, почва, выдержка, погода. Её собственные гастрономические пристрастия открывали куда более широкое поле для наблюдений, хотя обсуждать их в приличном обществе следовало с осторожностью. Особенно в современном, где люди научились спокойно говорить о

сексе, смерти и налоговых преступлениях, но по-прежнему болезненно реагировали на вопрос о вкусовых качествах собственной крови. Устроившись глубже в кресле, Аргента подобрала под себя край тяжёлого шёлкового халата, чтобы кружевная отделка не цеплялась за подлокотник, и вернулась к экрану. Три переплетённых контура, составлявших основу узла наследования, были ей знакомы до последнего изгиба. Их описания встречались в нескольких семейных рукописях, причём самые ранние содержали столько ошибок, намеренных и случайных, что пользоваться ими без соответствующей подготовки было бы равносильно попытке изготовить порох по рецепту придворного кондитера. Позднейшие поколения Батори внесли исправления, дополнили схемы, уточнили соотношения компонентов. В результате получилась технология столь же изящная, сколь и отвратительная по своему назначению. Семейство вообще отличалось способностью сочетать утончённый вкус с нравами, которые даже Аргента не всегда находила возможным защищать.

Неизвестный исследователь сумел решить проблему, над которой её предки бились с весьма переменным успехом: отделить удержание чужой личности от механизма её активации. В классическом узле оба процесса зависели друг от друга, что делало управление крайне ненадёжным. Стоило ослабить удерживающий контур, и чужие воспоминания начинали проявляться беспорядочно, вместе с эмоциями, привычками и остатками воли прежнего владельца. Именно поэтому древние опыты так часто заканчивались безумием носителя. В новой конструкции эти функции, по-видимому, удалось развести.

И всё же выполнена работа была безобразно. Аргента увеличила соединение, с неудовольствием рассматривая грубое утолщение на месте, где следовало ожидать плавного перехода между контурами. С точки зрения алхимической геометрии это выглядело почти непристойно. Слишком резкое сопряжение, избыточная нагрузка на центральную петлю, совершенно неоправданное дублирование удерживающего элемента. Создатель явно понимал принцип работы узла, но либо не владел классической техникой, либо сознательно пренебрёг ею ради какого-то преимущества.

Прикасаясь пальцем к экрану, Аргента последовательно наложила реконструкцию на три архивные схемы, хранившиеся в её личной базе. Две пришлось отвергнуть. Третья, датированная концом семнадцатого столетия, обнаружила неожиданное сходство с центральной частью нового контура. Автор старой записи предлагал использовать кровь самого носителя в качестве промежуточной среды, чтобы уменьшить расход исходного материала. Решение считалось неудовлетворительным, поскольку приводило к быстрому истощению организма, но обладало одним несомненным достоинством: позволяло многократно активировать узел без повторного введения основного состава. Аргента отставила бокал. В старой рукописи этот недостаток был подробно описан. При каждом новом включении часть удерживающей среды разрушалась, и для восстановления требовалось дополнительное насыщение кровью. Неизвестный исследователь, судя по реконструкции, не стал устранять проблему. Он нашёл способ компенсировать потери, добавив к исходному составу посторонний компонент.

Вчерашний анализ отметил его как незначительную примесь, не соответствующую основному профилю образца. Аргента открыла вкладку и внимательно перечитала заключение. Автоматическая система предлагала несколько объяснений, от продуктов распада до следов постороннего биологического материала. Ничего определённого. И всё-таки распределение примеси было странным. Она присутствовала не равномерно, как следовало ожидать при обычном смешении крови, а преимущественно в тех фракциях, где обнаруживались признаки алхимического воздействия. В сохранённом материале Уилкинса имелись следы вещества, которое не просто попало в кровоток, а оказалось связано с самим узлом. Причём связь сохранялась даже после гибели носителя, когда большая часть необычных структур уже начала разрушаться. Это означало, что примесь выполняла какую-то определённую функцию. Возможно, стабилизировала контур. Возможно, служила промежуточной средой для передачи чужих вос-

поминаний. А возможно, представляла собой остаток вещества, без которого вся конструкция вообще не могла существовать.

От последнего предположения Аргента испытала почти физическое удовольствие. В научной работе редко выпадала возможность обнаружить нечто действительно новое, особенно когда за плечами имелось несколько столетий исследований. Обычно всё сводилось к уточнению уже известных закономерностей, исправлению чужих ошибок и необходимости терпеливо объяснять молодым коллегам, почему очередная революционная гипотеза была опровергнута ещё до рождения их прадедов. Здесь же перед ней находилось решение, которого она прежде не встречала. И, что особенно раздражало, решение работающее.

Пусть плохо. Пусть с чудовищными потерями. Но работающее.

Впрочем, восторг исследователя быстро уступил место более практическим соображениям. Чтобы получить подобный результат, требовалось не только понимать принципы кровавой алхимии, но и обладать оборудованием для достаточно тонкой подготовки биологического материала. Простого переливания крови было бы недостаточно. Неизвестный компонент сохранял устойчивую связь с алхимическим контуром, а значит, его каким-то образом выделяли, обрабатывали и вводили в строго определённом состоянии. Подобные операции не производились на кухне при свете свечей, даже если кухня принадлежала очень состоятельному безумцу. Аргента невольно вспомнила лаборатории своей юности. Каменные столы, медные сосуды, стеклянные реторты, отвратительное качество спирта и вечную необходимость лично проверять всё, что помощники считали достаточно чистым. Современные приборы избавили исследователя от множества неудобств, но заодно создали у некоторых людей опасную иллюзию, будто сложная аппаратура способна заменить понимание происходящего. Неизвестный создатель узла, судя по результатам, не принадлежал к числу полных невежд. Он знал, чего добивался, и располагал средствами для достижения цели. Вот только с самим материалом обращался так, словно намеревался использовать его недолго.

Память услужливо вернула Аргенту в заброшенную типографию. Уилкинс, задыхающийся от чужих голосов, с мечом в руках. Его движения, сперва неуклюжие, затем внезапно точные, почти безупречные. Валлийская речь, появившаяся там, где ей совершенно нечего было делать. Мадог, пытавшийся назвать себя сквозь чужой рот. И кровь, начавшая разрушаться прежде, чем она успела получить ответы на самые важные вопросы. Тогда происходящее представлялось следствием неудачного опыта. Теперь Аргента уже не была в этом уверена. Если новый компонент действительно компенсировал разрушение удерживающей среды, создатель мог заранее знать, что носитель долго не проживёт. Более того, мог считать подобный срок вполне достаточным.

Но для чего?

Военное применение напрашивалось само собой, однако плохо согласовывалось с устройством узла. Для солдата, даже самого дешёвого и расходного, требовалась хотя бы относительная предсказуемость. Уилкинс же демонстрировал способности, которыми не умел управлять, и личности, вступавшие друг с другом в откровенную борьбу. Создавать подобное оружие было бы неразумно. Даже с учётом того, что человеческие военные ведомства не всегда отличались способностью распознавать неразумные решения до появления первых трупов. В старых семейных описаниях узла наследования упоминались не только знания и навыки, но и чувственная память. Страх, боль, наслаждение, голод, ощущение собственного тела. Всё то, что невозможно передать обычным рассказом, каким бы талантливым ни оказался рассказчик. Древние алхимики считали подобные проявления побочным эффектом, мешавшим чистоте переноса. Иногда носитель часами переживал чужую агонию или испытывал ужас перед давно исчезнувшей опасностью. В отдельных случаях это приводило к помешательству, и потому позднейшие схемы предусматривали способы подавления эмоциональных следов.

Здесь же подавляющий элемент отсутствовал. Аргента ещё раз сверила реконструкцию с архивной схемой. Нет, ошибки быть не могло. Неизвестный исследователь предусмотрел возможность управлять проявлением чужих воспоминаний, но не попытался отделить их от сопутствующих ощущений. Более того, дополнительный контур, по-видимому, обеспечивал сохранность именно этой части передаваемого материала. Для научного эксперимента решение представлялось сомнительным. Для некоторых иных целей, напротив, могло оказаться весьма привлекательным.

Вспомнились старые аристократические забавы, о которых приличные историки предпочитали писать уклончиво, а неприличные с таким удовольствием, что невольно возникали сомнения в их профессиональной беспристрастности. За столетия Аргента встречала достаточно людей, готовых платить за возможность испытать то, на что им самим не хватало ни смелости, ни воображения. Человеческая изобретательность в области удовольствий вообще заслуживала отдельного исследования. Правда, большинство подобных открытий она предпочла бы оставить без практического подтверждения. Существовала, однако, существенная разница между тем, чтобы заплатить за чужой рассказ, и тем, чтобы на несколько минут получить чужую память вместе со всеми её ощущениями. Последнее позволяло обойтись без воображения вообще. Для состоятельного человека, пресыщенного привычными развлечениями, подобная возможность могла стоить немалых денег.

Предположение было отвратительным, а потому заслуживало внимания. Но прежде следовало разобраться с примесью. Аргента открыла подробный протокол исследования и нашла исходные данные по фракционированию образца. Теперь её интересовала не общая структура узла, а физические свойства связанного с ним материала. Если компонент получали искусственно, в нём могли сохраниться следы подготовки: особенности очистки, остаточные соединения, характерные соотношения фракций. Каждая лаборатория имела собственные привычки, даже когда строго следовала утверждённой методике. В некоторых случаях эти привычки позволяли установить происхождение препарата не хуже фабричной маркировки.

Несколько минут ушло на сопоставление результатов. Первая же попытка дала слишком широкий набор совпадений. Вторая оказалась интереснее. Примесь содержала устойчивую белково-липидную фракцию, связанную с микроскопическими мембранными структурами. Само по себе это не представляло ничего необычного для биологического материала. Необычным было то, насколько однородными оказались эти структуры после всех разрушительных процессов, которым подверглась кровь Уилкинса. Аргента нахмурилась и вернулась к контрольным данным. Если измерения верны, материал прошёл через стадию стандартизации, позволившую получить частицы с очень узким распределением размеров. Природные биологические системы редко отличались подобной аккуратностью. Для этого требовалось оборудование, способное не только разделять фракции, но и контролировать параметры полученного препарата.

Некто сумел соединить древнюю кровавую алхимию с современной технологией подготовки биологических носителей. Причём сделал это достаточно грамотно, чтобы Аргента могла оценить результат, и достаточно грубо, чтобы ей захотелось лично познакомиться с автором и подробно объяснить ему некоторые основы хорошего вкуса. От этой мысли она усмехнулась, но почти сразу вновь сосредоточилась на экране. Предварительный вывод требовал подтверждения. Одна однородная фракция ещё не доказывала промышленного происхождения препарата, а особенности образца после гибели Уилкинса могли исказить результаты. Необходимо было повторить измерения на сохранившемся материале, проверить контрольные пробы и сравнить распределение частиц с данными по известным способам подготовки мембранных носителей.

К счастью, вчера ей удалось сохранить достаточно крови для нескольких дополнительных исследований. Бокал опустел незаметно. Аргента поставила его на столик, поправила воротник халата и потянулась к телефону, намереваясь связаться с лабораторией. Затем переду-

мала. Утренний дежурный, конечно, мог выполнить необходимые операции по её указаниям, но доверять столь интересный материал чужим рукам не хотелось. Особенно после того, как стало ясно, что неизвестный создатель узла обладал куда более серьёзными техническими возможностями, чем предполагалось накануне.

Вместо звонка она открыла электронный лабораторный журнал и составила перечень дополнительных измерений, которые намеревалась провести лично. Рядом с каждым указала необходимый объём образца, условия подготовки и контрольные пробы. Работа заняла несколько минут, за которые первоначальное раздражение успело смениться сосредоточенным удовольствием. Именно такие задачи она любила больше всего: когда за внешне бессмысленным набором результатов постепенно проступала чужая мысль, достаточно умная, чтобы её стоило разгадать.

Закончив, Аргента вновь посмотрела на реконструкцию узла. Где-то существовала лаборатория, в которой умели готовить подобный материал. Где-то работал человек, знавший слишком много о семейной алхимии Батори. И этот человек, судя по всему, располагал не только средствами, но и вполне определённым представлением о том, как следует использовать чужую кровь. Самое неприятное заключалось в том, что техническая сторона его работы вызывала у неё уважение.

Отправляться в лабораторию в шёлковом халате Аргента не собиралась. Не потому, что опасалась смутить сотрудников. За годы работы в Хеллсинге они успели повидать достаточно странностей, чтобы дамский туалет, пусть даже несколько экстравагантный, не произвёл на них особенного впечатления. Просто ей не хотелось менять приятное утро на стерильный свет, запах дезинфицирующих средств и неизбежные вопросы младшего персонала. К тому же непосредственной необходимости спускаться вниз пока не было. Сохранившийся образец находился в холодильном хранилище, условия его содержания контролировались автоматически, а предварительную проверку происхождения обнаруженной примеси можно было выполнить и отсюда. Значительно больше её занимало другое обстоятельство. Неизвестный исследователь использовал мембранный носитель, свойства которого удивительно хорошо соответствовали задаче, хотя сама задача не имела ничего общего с обычной биомедициной. Для доставки лекарственных веществ, защиты нестабильных соединений и управляемого высвобождения препаратов существовало множество современных решений. Часть из них была давно освоена промышленностью, часть оставалась предметом исследований. Но ни одно не предназначалось для сохранения чужой памяти, тем более памяти, извлечённой посредством кровавой алхимии. И всё-таки кто-то сумел подобрать подходящий материал, соединить его с древним узлом и получить работающую конструкцию.

Аргента перелистала несколько страниц электронной библиотеки, сравнивая характеристики известных носителей с результатами анализа. Разумеется, простого совпадения размеров частиц было недостаточно. Одинаковые параметры могли получаться разными способами, а после гибели Уилкинса образец подвергся таким изменениям, что делать окончательные выводы было преждевременно. Однако сочетание признаков постепенно сужало круг возможных технологий. Особенно интересным оказалось присутствие стабилизирующей фракции, благодаря которой мембранные структуры сохраняли целостность при условиях, обычно приводивших к их разрушению.

Это было красиво. Не изящно в алхимическом отношении, нет. Старая печать повиновения по-прежнему выглядела так, словно её чертил пьяный подмастерье, которому доверили циркуль и велели не задавать вопросов. Но химическая подготовка материала заслуживала уважения. Состав был подобран с пониманием того, что носитель должен выдерживать не только обычные физиологические воздействия, но и процессы, которые современная наука пока предпочитала считать невозможными. Следовательно, создатель не просто воспользовался готовой технологией. Он приспособил её к весьма специфическим условиям.

Семейные рукописи Батори не содержали ничего подобного. В них описывались способы сохранения крови, алхимические растворы, методы закрепления узлов на живом носителе, но не существовало ни одного упоминания о мембранных препаратах с заданными физическими характеристиками. Подобное усовершенствование требовало самостоятельной работы, а значит, где-то должны были остаться следы опытов, неудачных образцов, закупок оборудования и расходных материалов. Даже самый талантливый исследователь не мог получить воспроизводимый результат исключительно силой вдохновения. Кровавая алхимия допускала некоторые вольности в обращении с законами природы, но не освобождала от необходимости мыть посуду и вести лабораторный журнал. При мысли о последнем Аргента испытала особенное раздражение. Если неизвестный автор действительно сумел создать стабильный носитель, у него наверняка имелась документация. А если документация существовала, её следовало найти. Желательно до того, как очередной неудачный эксперимент завершится гибелью нескольких человек и уничтожением всех образцов.

На экране открылась таблица поставщиков специализированных биологических материалов. Большинство крупных производителей она знала по собственным закупкам. Их продукция отличалась качеством, ценой и степенью бюрократического безумия, сопровождавшего оформление заказов. Некоторые поставляли готовые мембранные системы, другие занимались изготовлением препаратов по индивидуальным техническим заданиям. Последние представляли наибольший интерес. Для работы с нестандартными компонентами требовались не только деньги, но и возможность объяснить исполнителю, чего именно желает заказчик, не вызывая у него стремления немедленно обратиться в полицию. Впрочем, деньги традиционно помогали преодолевать подобные затруднения.

Аргента выбрала несколько британских компаний, оказывавших услуги контрактного производства, и принялась просматривать их технические описания. Две специализировались на фармацевтических разработках и работали исключительно с крупными заказчиками. Третья предлагала индивидуальную подготовку биологических носителей для исследовательских организаций. Четвёртая, небольшая фирма с весьма респектабельным сайтом, обещала полную конфиденциальность и возможность работы с материалами заказчика при условии соблюдения требований законодательства. Последнее условие вызвало у неё усмешку. Она неоднократно убеждалась, что слова «полная конфиденциальность» и «соблюдение законодательства» особенно охотно употребляли люди, которым хотелось подчеркнуть первое и как можно реже вспоминать о втором. Однако делать выводы по рекламным формулировкам было бы недостойно серьёзного исследователя. Даже сомнительная репутация ещё не являлась доказательством преступления.

Название компании ничего ей не говорило. Небольшая организация, зарегистрированная несколько лет назад, располагалась в Лондоне и предлагала услуги, вполне соответствовавшие обнаруженным характеристикам материала. Среди направлений деятельности значились персонализированные биологические препараты, стабилизация нестандартных образцов и разработка систем доставки для частных медицинских исследований. Формулировки были достаточно широкими, чтобы под них можно было подвести почти всё, от вполне законных экспериментальных лекарств до алхимического безобразия, обнаруженного в крови Уилкинса. Аргента открыла раздел с опубликованными работами. Список оказался коротким, зато любопытным. Два патента на методы стабилизации биологических мембран, несколько докладов на отраслевых конференциях и статья, посвящённая сохранению сложных органических компонентов в условиях повторяющихся циклов активации. Последняя формулировка заставила её задержаться.

Повторяющихся циклов активации. В обычной фармацевтической практике под этим могли подразумеваться вполне безобидные процессы. Однако в сочетании с устройством узла наследования выражение приобретало совершенно иной оттенок. Если неизвестный создатель

действительно рассчитывал многократно включать и выключать перенос чужих воспоминаний, ему потребовалась бы именно такая система. Носитель должен был выдерживать повторные нагрузки, сохраняя материал между активациями, причём желательно без заметной потери его свойств. Аргента открыла статью, приготовившись к привычному разочарованию. В подобных публикациях самые интересные подробности обычно скрывались за выражениями вроде «оригинальная методика» и «коммерчески значимые параметры», после чего читателю предлагалось восхищаться результатом, не имея возможности проверить ни единого утверждения. К её удивлению, авторы оказались несколько щедрее. Приводились данные о стабильности препарата, изменении размеров частиц, скорости высвобождения содержимого. Ничего, что позволяло бы напрямую связать исследование с Уилкинсом, но отдельные характеристики были настолько близки к обнаруженным ею значениям, что совпадение заслуживало дальнейшей проверки.

Особенно заинтересовала Аргенту методика контроля качества. Авторы использовали сочетание нескольких измерений, позволяющее оценивать не только сохранность мембран, но и степень однородности подготовленного материала. Именно такая однородность привлекла её внимание в образце Уилкинса. Разумеется, метод был не уникален. Однако совпадение сразу нескольких параметров, включая характер стабилизации, позволяло рассматривать компанию как возможного поставщика. Она сохранила статью и перешла к сведениям об авторах. Первый оказался специалистом по фармацевтическим технологиям, с вполне приличным списком публикаций и научной биографией, не вызывавшей особенных вопросов. Второй занимался разработкой мембранных систем и прежде работал в крупной исследовательской организации. Третий, обозначенный как руководитель проекта, не имел заметного академического прошлого. Его имя встречалось преимущественно в корпоративных документах, отчётах о частных инвестициях и материалах благотворительных мероприятий.

Последнее выглядело куда интереснее, чем следовало бы. Аргента открыла одну из заметок, посвящённых закрытому благотворительному приёму. На фотографии несколько мужчин в вечерних костюмах стояли перед мраморной лестницей, украшенной цветами. Рядом с ними улыбалась женщина в драгоценностях, стоимость которых, судя по всему, превосходила годовой бюджет небольшой университетской лаборатории. Подпись сообщала, что мероприятие состоялось при поддержке частного общества коллекционеров и меценатов, известного своими культурными инициативами. Название общества было напечатано мелким шрифтом под фотографией.

«Палимпсест».

Аргента прочитала его без особенного интереса. Клубы подобного рода возникали в Лондоне с завидным постоянством, меняя названия, уставы и состав правления, но сохраняя главное предназначение: предоставлять состоятельным людям возможность общаться исключительно с теми, кого они считали себе ровней. Некоторые действительно занимались искусством, благотворительностью или историческими исследованиями. Другие ограничивались дорогими ужинами и взаимным восхищением. В большинстве случаев отличить первых от вторых можно было лишь после знакомства с бухгалтерией. Гораздо больше её занимал руководитель проекта. На фотографии он стоял несколько в стороне от остальных, держа в руке бокал шампанского. Аргента увеличила изображение, но не обнаружила ничего примечательного. Обычный мужчина средних лет, дорогой костюм, аккуратная причёска, выражение лица, подобающее человеку, который знает стоимость окружающей обстановки и считает её вполне приемлемой.

Однако в подписи к снимку имелась деталь, заставившая её вернуться к тексту. Компания представляла на мероприятии разработку, предназначенную для сохранения индивидуальных сенсорных профилей. Аргента перечитала формулировку, затем открыла исходную публикацию и внимательно изучила описание проекта. Там говорилось о перспективных тех-

нологиях сохранения биологических откликов, персонализированных исследованиях восприятия и возможности воспроизводить сложные последовательности ощущений. Никаких упоминаний о крови, памяти или чужих личностях, разумеется, не было. Но язык рекламного сообщения отличался той особенной расплывчатостью, за которой при желании можно было спрятать весьма многое.

Сохранение ощущений само по себе не являлось преступлением. Современная нейрофизиология занималась куда более сложными задачами, и Аргента не собиралась подозревать каждого исследователя, употребившего слово «восприятие», в занятиях кровавой алхимией. И всё же совпадение оказалось слишком любопытным, чтобы его игнорировать. Она вернулась к данным Уилкинса и вновь посмотрела на дополнительный контур. Если его создатель действительно стремился сохранить не только воспоминания, но и сопровождавшие их ощущения, подобный проект мог иметь к нему непосредственное отношение. Однако пока это оставалось всего лишь предположением, основанным на нескольких косвенных признаках. Для серьёзного вывода требовалось установить, работала ли компания с материалами, подобными обнаруженным в образце, и имела ли доступ к технологии узла наследования.

На этом месте Аргента позволила себе отложить планшет и вернуться к бокалу. Кровь окончательно остыла, но вкус по-прежнему оставался приятным. За окнами дождь усилился, и парк почти исчез за серой пеленой. Где-то в глубине особняка хлопнула дверь, затем послышались шаги. Она прислушалась, но звук вскоре стих, не приблизившись к гостиной. Алукард всё ещё находился у Интегры. Любопытно, насколько далеко успела продвинуться их беседа. Учитывая настроение её господина, миледи наверняка уже пожалела, что не ограничилась письменным распоряжением. Впрочем, Аргента не сомневалась, что Интегра сумеет отстоять собственное достоинство. Возможно, даже с применением огнестрельного оружия, если обстоятельства окажутся особенно неблагоприятными. Мысль развеселила её, но ненадолго. На экране по-прежнему оставалась фотография благотворительного приёма, а под ней название клуба, которое теперь казалось несколько менее безобидным.

«Палимпсест».

Слово было выбрано со вкусом. В старину так называли рукописи, с которых соскабливали прежний текст, чтобы поверх него написать новый. Иногда старые строки проступали сквозь позднейшие записи, позволяя восстановить то, что считалось утраченным. Аргента прекрасно знала подобные документы. В семейных архивах Батори имелось несколько палимпсестов, причём один из них когда-то доставил ей немало неприятностей именно потому, что под благочестивым трактатом обнаружилось нечто гораздо менее подходящее для монастырской библиотеки. В данном случае название могло быть совершенно случайным. Красивое слово, приятные исторические ассоциации, намёк на интеллектуальную исключительность. Для закрытого клуба состоятельных коллекционеров вполне подходяще. Но если оно было выбрано намеренно, его смысл становился куда более неприятным.

Аргента вновь открыла сведения об обществе и принялась читать. Пока её интересовали не развлечения богатых лондонцев, а люди, способные оплачивать исследования, подобные обнаруженным в крови Уилкинса. И если среди них действительно находился человек, решивший превратить семейную алхимию Батори в современную технологию, она намеревалась выяснить, где именно он раздобыл исходные знания.

О возвращении Алукарда возвестил его голос, донёсшийся из коридора. Слова разобрать не удалось, зато интонация была настолько красноречивой, что Аргента невольно усмехнулась, ещё не отрываясь от планшета. Так он разговаривал с людьми, которых находил особенно удобными для своих развлечений, и если после аудиенции у Интегры ему уже удалось отыскать новую жертву, значит, утро прошло значительно лучше, чем можно было ожидать.

– Непременно передайте хозяйке, что я глубоко тронут её заботой, – произнёс он за дверью. – Особенно обещанием пристрелить меня при следующей встрече. Весьма любезно с её стороны предупредить заранее.

Последовал почтительный ответ, слишком тихий, чтобы различить слова, затем торопливые шаги. Бедняга, должно быть, получил приказ проводить Алукарда и теперь был счастлив избавиться от столь сомнительной обязанности. Служба в Хеллсинге требовала мужества, выдержки и способности сохранять серьёзное выражение лица в обстоятельствах, которые ни один воинский устав не предусматривал. Последнее, пожалуй, представляло наибольшую трудность. Дверь распахнулась, и Алукард вошёл, стягивая перчатки. От утренней аккуратности его одежды не осталось почти ничего. Ворот рубашки был распахнут, один манжет расстёгнут, галстук отсутствовал, зато на шее по-прежнему красовались следы её зубов. За прошедшие часы они должны были исчезнуть без малейшего следа, но мерзкий упырь, очевидно, решил сохранить их из каких-то собственных, наверняка совершенно возмутительных соображений. Представить, как Интегра разглядывала эти свидетельства ночных развлечений, было нетрудно. Если миледи удержалась от замечаний, её выдержка заслуживала искреннего восхищения.

– Надеюсь, ты не сообщил миледи, что явился в таком виде по моему настоянию, – заметила Аргента, откладывая планшет.

– Напротив, искра моя. Я счёл необходимым воздать должное твоим талантам. Хозяйка, правда, не проявила должного интереса. Её занимали более насущные вопросы.

– Например, выбор оружия?

– Оружие она выбрала ещё до моего появления. В этом отношении наша добродетельная хозяйка отличается завидной предусмотрительностью.

Приблизившись к креслу, Алукард наклонился и поцеловал её. От его рубашки пахло табаком, причём настолько сильно, что Аргента невольно представила себе кабинет Интегры, заволочённый дымом. Похоже, миледи выкурила во время беседы не одну сигару. Собственное утро, проведённое за исследованиями, пока обходилось без подобных средств успокоения, хотя при необходимости объяснять Алукарду основы лабораторной дисциплины они, вероятно, тоже могли бы пригодиться.

– Ты довольна? – поинтересовался он, выпрямляясь.

– Вполне. Ты вернулся целым, миледи, надеюсь, тоже, а особняк, насколько я могу судить, ещё стоит. При подобных обстоятельствах было бы неблагодарностью требовать большего.

– Один бокал всё-таки пострадал.

– Хрустальный?

– Боюсь, да. Хозяйка швырнула его в стену с таким чувством, что я даже не решился выразить восхищение. Впрочем, промолчать тоже не сумел.

Смех вырвался прежде, чем удалось придумать подходящее замечание. Интегра, разбрасывающая хрусталь, представлялась зрелищем весьма занимательным, хотя гораздо интереснее было выяснить, что именно заставило её прибегнуть к подобным средствам. Вчерашняя неудача, несомненно, заслуживала сурового разговора, однако для того, чтобы довести миледи до столь решительных действий, Алукарду наверняка пришлось приложить немало усилий. В искусстве испытывать чужое терпение он достиг совершенства задолго до того, как появились первые представители семейства Хеллсинг. Устроившись в кресле напротив камина, он вытянул ноги и с удовольствием откинулся на спинку. Вид у него был совершенно неприлично довольный. Аргента успела закончить сопоставление характеристик мембранных носителей и теперь могла позволить себе небольшой перерыв, тем более что предстоящий рассказ обещал оказаться куда занимательнее изучения лабораторных протоколов. Оставалось лишь надеяться, что за всеми оскорблениями, угрозами и разбитой посудой найдётся место для сведений, действительно относящихся к расследованию.

– Итак, мой господин, – произнесла она, подбирая с колен тяжёлый шёлк халата, – поведай, чем закончилась твоя встреча с миледи. Желательно прежде, чем она пришлёт за тобой снова, чтобы завершить начатое.

– Хозяйка была великолепна. Я застал её за письменным столом, с сигарой в одной руке и отчётом о вчерашнем происшествии в другой. Она предложила мне сесть. Я, разумеется, отказался, после чего последовала весьма содержательная лекция о том, что некоторые существа, несмотря на свои выдающиеся способности, остаются безнадёжными идиотами, если им не объяснять простейшие вещи достаточно часто и достаточно громко. Должен признать, я был польщён столь пристальным вниманием к моему образованию.

– Надеюсь, ты хотя бы не пытался убедить её, что Уилкинс умер исключительно из невежливости.

– Почти угадала. Я объяснил, что наш покойный друг оказался изготовлен из материала столь скверного качества, что разрушился при первом же серьёзном испытании. Хозяйка поинтересовалась, почему я не заметил этого раньше. Пришлось напомнить, что она отправила меня на охоту, а не на экспертизу товара. Тут-то и погиб бокал.

– Алукард!

– Что? Я всего лишь указал на некоторые недостатки нашего противника. Разве это не входит в обязанности добросовестного слуги?

– Добросовестный слуга попытался бы доставить миледи хотя бы голову подозреваемого. Желательно способную разговаривать.

– Именно это она и сказала. Причём почти теми же словами. Вы с хозяйкой становитесь удивительно единодушны, искра моя. Начинаю подозревать, что мне следовало опасаться не её пистолета, а вашего знакомства.

При всей нелепости подобного предположения Интегра действительно имела основания для недовольства. Смерть Уилкинса лишила их единственного свидетеля, а его тело разрушилось прежде, чем удалось получить достаточное количество материала. Если бы не кровь, сохранённая в типографии, от вчерашнего происшествия остались бы только несколько противоречивых наблюдений, испорченная одежда и воспоминание о металлической балке, которая оказалась значительно прочнее, чем можно было предположить по её внешнему виду. Особенно досадно было сознавать, что сам Уилкинс, вероятно, не представлял всей ценности заключённых в нём сведений. Чужие воспоминания проявлялись у него бессистемно, словно кто-то перебирал страницы нескольких книг, не заботясь о последовательности.

– Миледи права, – сказала Аргента. – Мы действительно потеряли слишком много. И если бы не образцы, мне пришлось бы строить предположения исключительно на основании того, что мы видели. А ты прекрасно знаешь, насколько ненадёжны подобные наблюдения, особенно когда половину времени приходится отвлекаться на попытки не позволить кому-нибудь проткнуть тебя железом.

– Тебя проткнули весьма основательно. Хозяйка, кстати, тоже заинтересовалась этим обстоятельством. Она спросила, не считаю ли я обычным делом позволять противнику обращаться с тобой подобным образом. Я ответил, что графиня Батори достаточно взрослая, чтобы самостоятельно выбирать способы развлечения, и что вмешательство в её научные занятия нередко бывает опаснее самого эксперимента.

– Какая трогательная забота о моей репутации. Надеюсь, ты не забыл упомянуть, что я прекрасно справлялась с собственными затруднениями?

– Разумеется. Хозяйка, однако, выразила сомнение в целесообразности подобных методов исследования. Она предложила мне в следующий раз проявить хотя бы видимость здравого смысла, а затем добавила, что если я намерен и впредь позволять тебе подвергаться подобным опасностям, она найдёт способ заставить меня сожалеть об этом.

– И ты, конечно, немедленно согласился.

– Я выразил сомнение в практической осуществимости её замысла. После чего хозяйка напомнила мне о некоторых обстоятельствах службы. Должен признать, аргумент оказался убедительным.

Сомневаться в способности Интегры подобрать подходящий аргумент не приходилось. Её власть над Алукардом всегда представлялась Аргенте одним из наиболее любопытных обстоятельств существования организации Хеллсинг. Человек, располагающий столь ограниченными физическими возможностями, сумел заставить подчиняться себе существо, способное уничтожить целую армию, и удерживал эту власть не только благодаря печатям и договорам. Впрочем, при всей своей дерзости Алукард никогда не относился к Интегре как к обычной хозяйке, получившей в наследство опасное оружие. Его уважение нельзя было приобрести ни титулом, ни происхождением, ни правом отдавать приказы. Миледи заслужила его сама, и Аргента находила это обстоятельство достойным самого искреннего одобрения. Но теперь её занимало другое. За весёлым пересказом угадывалась привычная уклончивость, и чем подробнее Алукард останавливался на оскорблениях, угрозах и разбитой посуде, тем сильнее становилось подозрение, что наиболее существенная часть разговора осталась за пределами повествования. Особенно если учесть, что Интегра наверняка потребовала объяснить происхождение чужих воспоминаний в крови Уилкинса. Вчерашнее признание о знакомстве с Мадогом слишком явно указывало на связь между нынешним происшествием и событиями многовековой давности, чтобы миледи могла оставить его без внимания.

– А о Мадоге она спрашивала?

Усмешка Алукарда сохранилась, но прежняя беззаботность несколько поблекла. Он повернулся к ней, положив руку на подлокотник, и теперь смотрел с тем холодным вниманием, которое появлялось у него всякий раз, когда разговор касался вещей, предпочитаемых им для личного пользования.

– Разумеется. Хозяйка пожелала узнать, каким образом воспоминания человека, погибшего несколько столетий назад, оказались в голове лондонского портового рабочего. Особенно её заинтересовало моё признание, что я имел удовольствие лично отправить этого человека на тот свет.

– И ты рассказал ей обстоятельства?

– Некоторые. Мадог служил одному из тех мелких властителей, которые полагали, будто достаточно обзавестись замком, несколькими сотнями вооружённых людей и дурной репутацией, чтобы считаться великими государями. Подобные господа встречались тогда на каждом шагу. Они охотно обещали своим сторонникам земли, золото и бессмертную славу, хотя обычно не располагали средствами для исполнения даже первых двух обещаний. Мадог, к его несчастью, относился к людям, способным поверить подобной чепухе.

Вчера Алукард ограничился несколькими замечаниями о прошлом валлийца, но теперь рассказ приобретал определённые очертания. Мадог служил некоему властителю, погиб несколько столетий назад, а его воспоминания каким-то образом сохранились до настоящего времени. Само по себе это не объясняло ничего, однако позволяло предположить, что источник чужой памяти существовал задолго до появления современных лабораторий. И если кто-то сумел сохранить его до настоящего времени, следовало выяснить, каким способом.

– Ты лично убил Мадога?

– Да. Он предпочёл умереть с мечом в руке, хотя я предложил ему сдаться. В этом отношении он оказался значительно достойнее своего господина, который к тому времени уже пытался договориться о сохранении собственной шкуры. Такие люди иногда заслуживают уважения, даже когда их преданность направлена совершенно не туда.

Судя по тому, как Алукард говорил о погибшем, Мадог действительно сумел заслужить его уважение. Для этого требовалось немало. За долгие столетия Аргента успела убедиться, что князь способен помнить достойных противников с поразительной точностью, тогда как

имена людей, не вызвавших у него интереса, исчезали из памяти почти немедленно. Мужество он ценил выше происхождения, титулов и благочестивых речей, особенно когда человеку приходилось доказывать его перед лицом собственной смерти.

– Значит, ты видел его гибель собственными глазами. Но каким образом его воспоминания могли сохраниться?

– Вот именно этот вопрос хозяйка задала с особенным удовольствием. Она даже предложила мне вспомнить, не оставил ли я где-нибудь голову нашего валлийского друга. Я заверил её, что никогда не испытывал особенного пристрастия к коллекционированию подобных сувениров, хотя некоторые экземпляры действительно заслуживали сохранения. После этого она велела мне прекратить паясничать и сообщить всё, что известно о людях, занимавшихся подобными опытами.

– И ты сообщил?

– Всё, что счёл необходимым.

– Как предусмотрительно, государь. Особенно если учесть, что миледи, вероятно, имела несколько иное представление о необходимом.

Алукард рассмеялся, но на этот раз его веселье не встретило поддержки. Самое интересное снова осталось за пределами рассказа. Он с великолепной непринуждённостью обошёл вопрос, ради которого, собственно, и затевался разговор, предоставив ей возможность самостоятельно догадываться, что именно предпочёл утаить. Подобная манера раздражала ещё сильнее потому, что Аргента слишком хорошо знала, насколько бесполезно требовать немедленных признаний. Если Алукард не желал говорить, он мог часами рассказывать увлекательнейшие истории, не сообщив при этом ничего существенного.

– Хозяйка выразилась почти так же, – признал он. – Затем потребовала письменный отчёт, в котором я должен изложить всё, что помню о Мадоге, его господине и обстоятельствах их гибели. Я заметил, что за прошедшие столетия накопилось немало воспоминаний и подобная работа может занять некоторое время. Она ответила, что если я способен помнить каждую нанесённую мне обиду, то уж несколько имён и дат сумею восстановить без особенного труда.

Представить Алукарда за письменным столом, терпеливо составляющего служебный отчёт о событиях многовековой давности, оказалось неожиданно приятно. Особенно если учесть, что Интегра наверняка потребует не занимательных историй, а имён, дат и обстоятельств, изложенных в надлежащем порядке. Подобное занятие могло оказаться для него куда мучительнее любого заключения, и перспектива наблюдать за этим представлялась чрезвычайно заманчивой.

– И когда миледи желает получить этот труд?

– Уже получила. Причём она предупредила, что в случае неудовлетворительного результата поручит тебе проверить полноту моих воспоминаний.

– Какая разумная женщина. Я непременно поблагодарю её за доверие.

– Не сомневаюсь, искра моя. Особенно учитывая твою склонность превращать любую научную задачу в повод для самых изощрённых издевательств.

Улыбку скрывать не имело смысла. Возможность получить подробные сведения о Мадоге и его окружении представляла слишком большую ценность, чтобы отказываться от неё из опасения перед очередными провокациями. К тому же Интегра, сама того не подозревая, предоставила Аргенте превосходный повод заняться историческими изысканиями, которые при иных обстоятельствах Алукард наверняка объявил бы совершенно ненужными.

– А что миледи решила относительно дальнейшего расследования? – спросила она. – Надеюсь, она не намерена передавать его кому-нибудь из сотрудников, которые считают алхимию разновидностью средневекового суеверия?

– Хозяйка распорядилась выяснить, кто создал Уилкинса, каким образом в него поместили чужие воспоминания и сколько подобных существ ещё разгуливает по Лондону. Кроме

того, она потребовала, чтобы в следующий раз я доставил ей хотя бы одного подозреваемого, способного самостоятельно отвечать на вопросы. Я заметил, что подобные требования существенно ограничивают мои возможности, но она не проявила ни малейшего сочувствия.

– И совершенно правильно поступила.

– Ты становишься удивительно похожа на хозяйку, искра моя. Ещё немного, и я начну подозревать, что вы сговорились лишить меня последних радостей существования.

Подобное сравнение следовало считать комплиментом, хотя Алукард наверняка вкладывал в него совершенно иной смысл. Интегра обладала характером, которому можно было лишь позавидовать, особенно когда речь заходила о способности заставлять его исполнять распоряжения.

– Если миледи действительно желает получить живого свидетеля, тебе придётся проявить некоторую сдержанность. Я понимаю, что для тебя это почти противоестественно, но, возможно, несколько столетий практики всё-таки принесут результат.

– Хозяйка выразилась сходным образом. Правда, предложила начать немедленно, не дожидаясь следующего тысячелетия.

Несмотря на все насмешки, аудиенция, по-видимому, закончилась вполне благополучно. Интегра получила необходимые объяснения, насколько их вообще можно было получить от Алукарда, а расследование оставалось в их распоряжении. Более того, миледи явно намеревалась использовать результаты исследований Аргенты в полной мере, что представлялось единственным разумным решением при сложившихся обстоятельствах. Оставалось выяснить, насколько далеко продвинется их расследование, если соединить сведения о прошлом Мадога с результатами утреннего анализа. Дополнительный контур, обнаруженный в структуре узла наследования, свидетельствовал о попытке разделить сохранение чужой личности и её последующую активацию. Подобное решение было весьма изящным, хотя исполнение оставляло желать лучшего. Неизвестный алхимик явно понимал принципы работы древней конструкции, но пользовался ими так, словно пытался приспособить сложнейший музыкальный инструмент для забивания гвоздей. Особенно раздражало, что при всей грубости вмешательства результат оказался работоспособным.

Планшет лежал рядом с креслом, и Аргента вновь открыла реконструкцию узла, прежде чем повернуть экран к Алукарду. Его внимание сразу задержалось на дополнительном контуре. Насмешка ещё сохранялась на губах, но теперь он рассматривал изображение с той сосредоточенностью, которая появлялась у него при виде действительно интересной добычи.

– А теперь, мой господин, поскольку миледи столь настойчиво требует от тебя полезной деятельности, предлагаю начать с самого простого. Ты расскажешь мне всё, что знаешь о людях, занимавшихся сохранением чужих воспоминаний, а я, в свою очередь, объясню, почему наш неизвестный алхимик оказался гораздо более талантливым мерзавцем, чем мы предполагали вчера.

Взяв планшет, Алукард некоторое время рассматривал переплетение линий. Наблюдать за ним было любопытно. В отличие от Аргенты, он не обладал привычкой изучать алхимические конструкции с научной обстоятельностью, однако его память хранила достаточно примеров древнего колдовства, чтобы отдельные детали могли показаться знакомыми. Особенно если эти детали имели отношение к событиям, о которых он предпочитал рассказывать с такой поразительной неохотой.

– Кто бы ни изготовил эту дрянь, – произнёс он наконец, – ему следовало бы лучше выбирать материал.

– В этом мы с тобой совершенно согласны. Однако меня куда больше интересует, кто научил его пользоваться подобными вещами. И почему, обладая столь серьёзными знаниями, он решил применить их к портовому рабочему, которого не сумел даже сохранить в живых.

Откинувшись в кресле, Алукард продолжал держать планшет. В его усмешке появилось что-то неприятное, и знакомое предвкушение заставило Аргенту внимательнее присмотреться к нему. Подобным образом он обычно встречал обстоятельства, обещавшие доставить немало хлопот и ещё больше удовольствия.

– Возможно, искра моя, потому, что нашему неизвестному господину вовсе не требовалось сохранять Уилкинса живым.

Возражать было нечего. Именно к такому выводу постепенно привели утренние исследования, хотя считать его доказанным пока не представлялось возможным. Гораздо интереснее было другое: Алукард, не видевший результатов анализа, пришёл к тому же предположению, едва взглянув на схему. И если это произошло не случайно, его воспоминания о Мадоге могли оказаться значительно полезнее, чем он позволял себе показать.

– Не требовалось сохранять живым? – Аргента протянула руку за планшетом, но Алукард, вместо того чтобы вернуть его, увеличил изображение дополнительного контура. – Возможно. Однако я бы не торопилась приписывать нашему неизвестному благодетелю столь безупречное владение технологией. Уилкинс мог оказаться неудачным образцом, а его смерть – следствием ошибки, которую создатель не предусмотрел.

– Ты всегда была щедра к чужой глупости, искра моя.

– Напротив. Я всего лишь предпочитаю доказательства красивым предположениям. Особенно когда красивые предположения принадлежат тебе.

Он рассмеялся, но планшет вернул. Аргента провела пальцем по экрану, выделяя тонкую линию, опоясывавшую основной узел наследования. В увеличенном виде конструкция напоминала не столько алхимическую печать, сколько небрежно исправленный чертёж. Три традиционные петли были сохранены почти без изменений, зато поверх них проходил дополнительный контур, соединявший участки, которые в классическом исполнении никогда не соприкасались. Само решение представлялось дерзким и, если забыть о последствиях для несчастного Уилкинса, весьма остроумным. Кто-то сумел обойти ограничение, над которым несколько поколений её предков ломали головы, причём сделал это при помощи средств, не существовавших во времена расцвета кровавой алхимии.

– Видишь эту перемычку? – Она повернула экран так, чтобы ему было удобнее рассматривать изображение. – В обычном узле наследования память и личность передаются вместе. Их невозможно разделить без разрушения всей конструкции. Именно поэтому старые опыты с переселением сознания заканчивались столь плачевно. Донор утрачивал часть собственной сущности, получатель сходил с ума, а алхимик, если ему везло, успевал умереть прежде, чем оба участника эксперимента добирались до него.

– Какое прискорбное несовершенство науки.

– Ты бы не шутил, если бы видел результаты некоторых опытов. Хотя нет, разумеется, шутил бы. Причём наверняка предложил бы провести ещё несколько.

– Исключительно ради установления истины.

– Разумеется. Так вот, здесь кто-то разделил сохранение чужой личности и её проявление. Память остаётся в носителе, но не обязана непрерывно воздействовать на его сознание. Для её пробуждения требуется отдельный сигнал. Теоретически это позволяет использовать одного человека несколько раз, последовательно вызывая разные комплексы воспоминаний.

Алукард снова наклонился к экрану. Его интерес к подобным вещам всегда отличался от её собственного. Аргенту занимали устройство, закономерности и возможности воспроизведения, тогда как он прежде всего желал знать, что получится, если подвергнуть конструкцию достаточно серьёзному испытанию. Впрочем, это различие не раз оказывалось полезным. Ей довелось увидеть немало превосходно рассчитанных экспериментов, которые погибали при первом столкновении с действительностью, и немало безрассудных затей Алукарда, приносивших результаты, недоступные самым осторожным исследователям.

– Значит, наш валлиец был не единственным постояльцем в голове Уилкинса, – заключил он.

– Судя по тому, что мы наблюдали, далеко не единственным. Помнишь, как изменялась его речь? Сначала староваллийский, затем английский с совершенно иной интонацией. И движения. Когда он пытался достать тебя мечом, которого у него не было, работала одна система двигательных навыков. А когда бросился на меня с железным прутом, координация изменилась. Это могло быть следствием повреждения нервной системы, но теперь я склоняюсь к другому объяснению. В нём последовательно пробуждались разные личности, каждая со своим опытом.

– И каждая считала себя вправе распоряжаться чужим телом.

– По крайней мере, некоторые. Мы не знаем, сохранялось ли у них собственное сознание или речь шла лишь о воспроизведении памяти и привычных реакций. Это принципиальная разница.

– Для Уилкинса, полагаю, не слишком существенная.

– Для Уилкинса уже никакая. Для нас – чрезвычайно важная.

С этими словами Аргента открыла вторую схему, полученную после разделения образца на фракции. Результаты анализа по-прежнему вызывали у неё раздражение, какое обычно возникало при встрече с человеком, сумевшим решить сложнейшую задачу и затем испортившим работу чудовищной небрежностью. Белково-липидная оболочка была изготовлена с поразительной точностью. Размеры частиц почти не различались, состав оставался стабильным, а признаки деградации обнаруживались лишь там, где алхимический контур взаимодействовал с тканями носителя. Подобной однородности невозможно было добиться в подвале, вооружившись медными чашами, ножами и старинным трактатом, пусть даже трактат принадлежал самой знаменитой ведьме Трансильвании.

– А вот это, – продолжила она, – уже не имеет никакого отношения к средневековью. Здесь использован искусственный носитель. Причём изготовленный серийно, с весьма приличным контролем качества.

– Серийно?

– Именно. Не представляю, сколько подобных образцов существует, но технологию явно разрабатывали не ради одного портового рабочего. Слишком много труда вложено в стабилизацию материала. Если бы создатель собирался провести единственный опыт, он мог бы воспользоваться куда более простыми средствами.

Алукард протянул руку к пустому бокалу, стоявшему возле кресла, и повертел его между пальцами.

– Ты говоришь так, словно наш неизвестный друг открыл торговлю.

– А почему бы и нет? – Аргента откинулась на спинку кресла, с удовольствием наблюдая, как эта мысль заставила его поднять голову. – Люди веками торговали чужими телами, трудом, свободой и жизнями. Не вижу причин, по которым они должны отказаться от возможности торговать воспоминаниями. Особенно если покупатель достаточно богат, а продавец достаточно беспринципен.

– И что же ты предлагаешь продавать? Детство какого-нибудь пастуха? Первую любовь провинциальной барышни? Воспоминания старого солдата, которому посчастливилось пережить битву?

– Всё перечисленное. Хотя сомневаюсь, что за воспоминания пастуха удастся выручить особенно много. Богатые люди, как правило, предпочитают платить за то, чего не могут получить самостоятельно. И чем опаснее удовольствие, тем выше цена.

На последних словах она вспомнила Мадога. Человек, погибший несколько столетий назад с мечом в руке, вполне мог представлять интерес для того, кто желал испытать настоящий бой, не рискуя собственной жизнью. Не современную спортивную имитацию с безопас-

ным оружием и судьями, а ту жестокую, грязную, полную страха и боли схватку, в которой ошибку невозможно исправить. Подобные развлечения наверняка нашли бы своих ценителей. Достаточно вспомнить, сколько состоятельных бездельников в разные эпохи отправлялись на войну исключительно ради возможности испытать ощущения, о которых прежде читали в книгах. Однако пока это оставалось предположением. Существование технологии не доказывало существования рынка, а необычное поведение Уилкинса не позволяло установить, кто именно и с какой целью использовал его тело.

– Есть кое-что ещё, – сказала она и открыла страницу, найденную незадолго до его возвращения. – Я проследила происхождение некоторых компонентов. Не всех, разумеется, но достаточно, чтобы обнаружить интересную закономерность. Несколько лет назад одна лондонская биотехнологическая компания опубликовала работу о стабилизации индивидуальных сенсорных профилей при повторной активации. Формулировка настолько осторожная, что за ней можно спрятать практически что угодно, однако методика подозрительно напоминает то, что мы видим в образце.

На экране появилась страница с фотографией современного лабораторного комплекса, списком направлений исследований и краткими сведениями о руководстве. Компания была небольшой, занималась контрактными разработками и, судя по опубликованным материалам, предпочитала состоятельных частных заказчиков государственным грантам. Её официальный сайт выглядел вполне респектабельно, хотя Аргента успела заметить несколько любопытных несоответствий между рекламируемыми возможностями и перечнем научных публикаций. Для организации, заявлявшей столь серьёзные компетенции в области биомедицинских технологий, открытых результатов было подозрительно мало.

– Неужели ты намерена обвинить этих почтенных господ в кровавом колдовстве только потому, что они умеют обращаться с белками? – осведомился Алукард.

– Пока я намерена выяснить, чем именно они занимаются. И почему директор фирмы, которая якобы разрабатывает средства сохранения сенсорной информации для медицинских нужд, посещает закрытые благотворительные вечера, на которых присутствуют люди, не имеющие ни малейшего отношения к медицине.

Она перелистнула страницу. На фотографии, сделанной во время одного из таких мероприятий, несколько мужчин и женщин в вечерних костюмах стояли возле мраморной лестницы. Снимок был вполне заурядным, если не считать одного обстоятельства. Подпись сообщала, что вечер проводился при поддержке частного клуба «Палимпсест». Алукард прочитал название, и Аргента заметила, как едва заметно изменилось его выражение. Ничего определённого, всего лишь короткая задержка взгляда, но после утреннего разговора о Мадоге даже подобная мелочь заслуживала внимания.

– Знакомое слово? – спросила она.

– Греческое. Пергамент, с которого соскоблили прежний текст, чтобы написать новый. Ты ведь не собираешься читать мне лекцию по палеографии?

– Собиралась, но теперь, пожалуй, отложу. Особенно если ты способен объяснить, почему столь изысканное название выбрано для закрытого клуба, связанного с биотехнологической компанией.

– Богатые люди любят красивые слова. Они позволяют придать самым пошлым развлечениям видимость интеллектуального занятия.

– С этим трудно спорить. Однако название слишком удачно соответствует принципу работы нашего узла наследования, чтобы я могла его проигнорировать. Старый текст стирают, поверх него записывают новый, но прежний никуда окончательно не исчезает. При определённых условиях его можно восстановить.

– И ты полагаешь, что в этом клубе занимаются восстановлением чужих жизней?

– Я полагаю, что один из его гостей руководит компанией, чьи исследования имеют отношение к технологии, обнаруженной в крови Уилкинса. Всё остальное ещё предстоит проверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.